

К 1234889

БИРМЯ

К. ЖАКОВ

БИАРМИЯ

К.ЖАКОВ

КОМИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭПОС

Коміодіс М. В. Елькин

СЫКТЫВКАР . КОМИ КНИЖНОЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1993

БИАРМИЯ

К. ЖАКОВ

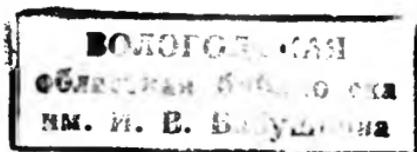
КОМИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭПОС

К. 1234889

Составление, послесловие и комментарии
А. К. Микушева

Художник А. В. Мошев

PC
84 2 Рос 1—5
Ж 23

+ кр.
с (Коми)

Жаков К. Ф.

Ж 23 Биармия: Коми литературный эпос / Сост., предисл., комментарии А. К. Микушева. Перевод на коми М. В. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— 312 с.

ISBN 5-7555-0508-8

Долгие десятилетия находилось под строгим запретом литературное и научное наследие выдающегося представителя коми народа Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866—1926). Идеологи местного значения объявили его «буржуазным философом». В 1990 году Коми книжное издательство, выпустив сборник рассказов, очерков, сказок и преданий «Под шум северного ветра», вернуло имя Жакова на родину, на Коми му.

И вот новая книга — коми литературный эпос «Биармия», основанный на мифе о некогда существовавшей северной стране. Поэма печатается на русском (языке оригинала) и коми языках — в переводе поэта Михаила Елькина. Издательство сохранило особенности письма, присущие началу века, авторскую стилистику, разумеется, соблюдая современные грамматические нормы.

84 2 Рос 1—5

Ж $\frac{4702010102 - 044}{M 128(03) - 93}$ 52 — 93 м

ISBN 5-7555-0508-X

- © Составл., предисл., комментарии — А. К. Микушев, 1993
- © Перевод — М. В. Елькин, 1993
- © Оформление, иллюстрации — А. В. Мошев, 1993
- © Коми книжное издательство, 1993

КОМИ «КАЛЕВАЛА»

Об одном неизвестном финно-угорском литературном эпосе и его создателе Каллистрате Жакове

Вот уже второе столетие бессмертное творение Элиаса Лённрота «Калевала» будоражит творческое воображение поэтов многих народов мира и особенно родственных по языку финнам и карелам эстонцев, удмуртов, мордву, мари. Написанные с разной степенью таланта и самобытности произведения Ф. Крейцвальда, Г. Верещагина, В. Радаева, А. Крупенкова вызвали большую критическую литературу, стали объектом научных изысканий многих поколений ученых и писателей. Иная судьба ожидала рукопись коми литературного эпоса «Биармия», созданного еще в начале нынешнего столетия выдающимся коми писателем и ученым Каллистратом Жаковым. В свое время К. Жакова называли то зырянским Ломоносовым, то зырянским Фаустом, отдавая должное его научным и литературным заслугам в области математики, астрономии, философии, этнографии, фольклористики, поэзии, прозы, драматургии. В годы советской власти на протяжении почти семидесяти лет имя его было вычеркнуто из живого употребления, произведения запрещены на его родине, а сам он скончался в 1926 году в полной нищете, вдали от родины, в эмиграции.

Не менее трагично сложилась судьба и его литератур-

ного эпоса «Биармия». Коми-зырянский эпос, написанный на русском языке, был почти сразу же переведен на латышский язык великим латышским поэтом Янисом Райнисом и опубликован в Риге, но так никогда и не был опубликован на языке оригинала в бывшем Советском Союзе. В 1992 году сыктывкарский поэт М. Елькин перевел жаковский эпос с русского языка на коми и издал в национальном журнале «Войвыв кодзув». Только с выходом предлагаемой книги российский читатель впервые получит возможность ознакомиться с коми «Калевалой» на русском и коми языках.

Литературное наследие К. Жакова представлено в основном прозой. Стихотворная же часть ограничивается циклом лирических стихотворений в «Тетради неизвестного поэта», включенной в его большой очерк «Беженада — Вирси — Урго», а также лирическими вставками в ряде его прозаических и философских произведений. Таким образом, поэма «Биармия» является самым крупным его стихотворным произведением, состоящим из 46 частей, около 7 тысяч стихов. До нас дошло два списка поэмы — московский (архив ИМЛИ РАН, ф. 43667, РАВ—пГ 19—3—1) и Сыктывкарский (архив КРКМ).

О фольклорных истоках своего литературного эпоса «Биармия» автор писал так: «При современном состоянии этнографии и «доисторической, первобытной» истории можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Все то, что говорится в сагах о Биармии, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племен Восточной России и Сибири».

До сих пор не утихают споры о самом содержании термина «Биармия». Одни пытались вывести его из коми слов би (огонь) + ур (белка) + му (земля, страна), т. е. Биармия это Страна огненных белок. Другие связывали пришедшее из скандинавских саг название Биармия с карело-вепскими лингвистическими данными (ср. отсюда перемь, пермь в смысле «задняя земля»). Не менее противоречивым было толкование образа Биармии: образ связывали с якобы некогда исключительно мощным и богатым древним финно-угорским государством к востоку от Северной Двины, а оппоненты начисто отрицали такое толкование, обвиняя противников в коми буржуазном национализме. Критический анализ этих противоречий небезуспешно выполнен недавно историками И. Жеребцо-

вым и К. Королевым, и мы отсылаем интересующихся к их публикации («Войвыв кодзув», № 9, 1990, с. 53—59). Однако, чтобы понять смысл жаковского эпоса, необходимо обратиться к фигуре его создателя.

* * *

В истории культуры больших и малых народов всегда приковывали к себе внимание просветители, сумевшие хоть чуточку подняться над временем, над локальными и классовыми интересами, слить воедино национальное и общечеловеческое. На заре новой культуры, во второй половине XIX — нач. XX вв., у коми народа появилось целое созвездие таких деятелей. Оно включало в себя поэта-шестидесятника Ивана Куратова (1839—1875), писателя и философа Каллистрата Жакова (1866—1926), этнографа и социолога Питирима Сорокина (1889—1968) — деятелей одновременно мировой интернациональной и коми национальной духовных культур. Сегодня без их имен невозможно представить историю научной, общественной и эстетической мысли России.

И тут мы словно бы опять наталкиваемся на гримасу эпохи: на собственной родине, в Коми крае, самые достойные интеллектуалы малого народа длительное время или пребывали в неизвестности (например, поэтическое наследие Ивана Куратова открыто читателям спустя более полувека после его смерти в Алма-Ате, в 1875 г.), или фактически состояли под негласным, точнее, полугласным запретом (даже на представительном VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 г., в самом начале перестройки, ни один доклад коми ученых не был посвящен К. Жакову, даже само его имя вычеркнуто из программы, или если и упоминались в статьях и книгах, то лишь с отрицательным идеологическим знаком. Так, Питирим Сорокин объявлен создателем идеологически враждебной нам американской теории народного капитализма, бывшим эсером, другом Керенского и только).

Миновали трагические десятилетия бурного двадцатого столетия, и то общегуманистическое, которое изначально было запрограммировано в наследии Куратова, Жакова и Сорокина, несмотря ни на что, пробило дорогу к их землякам. Таково одно из важных достижений про-

исходящей в Советской стране трудной перестройки. Уходят в прошлое стереотипы старого мышления, отвергается нивелирующий всех и вся тезис о том, что литература, искусство и наука малых советских народов якобы возникли лишь после победы Октября.

Не только символически схожей была судьба трех коми людей мирового масштаба. Прослеживается общность и взаимосвязанность их творческих судеб. В самом деле, Каллистрат Жаков первым из крупных отечественных ученых познакомился в начале XX в. в с. Визинга с рукописями И. Куратова, угадал в нем великого мастера, первым печатно заявил об этом в 1908 г. в вологодской газете «Север» в статье «Из летней поездки к зырянам». Пителим Сорокин начал трудовую деятельность под непосредственным научным руководством К. Жакова и в составе его комплексной историко-филолого-статистической экспедиции в Коми край написал под жаковским несомненным и благотворным влиянием первую капитальную, блестящую публицистическо-этнографическую статью «Современные зыряне».

Различен вклад Куратова, Жакова и Сорокина в мировую культуру, различны сферы их многогранной творческой деятельности. Но все они до конца отведенной им жизни горячо любили взрастивший их малый народ, преклонялись перед его талантом, сами стали выражением этого таланта.

Поистине многолик талант Каллистрата Фалалеевича Жакова. Значительный вклад внес он в российскую художественную литературу, фольклористику, этнографию, логику, педагогику, философию, в общую историю и теорию искусства; активно сотрудничал с авторитетными журналами — «Живой стариной», «Вестником знаний», «Вопросами философии и психологии», «Невой», «Научным обозрением», «Ясной поляной». Он был подлинным подвижником науки, неутомимым тружеником просвещения, вдохновенным лектором и самобытным писателем. В 1912 г. в расцвете литературного дарования К. Жакова Максим Горький, прочитав его книгу, написал с острова Капри Леониду Андрееву: «Знаешь, в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура»¹. А потом, после выхода главной книги Жакова «Сквозь строй жизни», восхищенный Горький в письме

¹ Литературное наследство. Т. 72. М., Наука, 1965, С. 346.

к А. Н. Тихонову добавил: «Это, батенька, тоже глубоко интересно, до жути!»¹

Горький не был одинок в столь экспрессивных оценках. Александр Блок в рецензии на «Зеленый сборник», включавший также и первое художественное произведение молодого писателя «Песни Пама Бур-морта», не меньше Горького восторгался самобытным «зырянином»². После Октября в Риге философскими лекциями эмигранта К. Жакова увлеклись литовский поэт Ю. Палецкис, латыши Ян Райнис, Аспазия, Август Деглав и великий русский художник Николай Рерих, находившийся тогда, как и Жаков, в прибалтийской эмиграции.

С жизнью и творчеством замечательного коми человека читатель познакомится по автобиографической повести «Сквозь строй жизни», главы из которой включены в однотомник. Я же пунктирно обозначу наиболее заметные вехи биографии К. Жакова, дополню недописанные им страницы. Помогла мне в этом его внучка, обладательница уникального жаковского архива, Любовь Вадимовна Жакова, ныне проживающая в Ярославле. Судьба Л. В. Жаковой по-своему примечательна. Урожденная ленинградка, она была активной участницей обороны Ленинграда, вручала блокадный букет цветов дирижеру К. Элиасбергу, исполнившему в 1942 году 7-ю симфонию Д. Шостаковича. Это ее оригинальная графика, северные пейзажи часто украшают обложку коми литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув», выставки сыктывкарских самодеятельных художников «Сернас».

К. Жаков родился в 1866 году в пригороде Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар, столица Республики Коми). Его родная деревня Давпон находилась ровно на полпути, в трех верстах от уездного городка до ближайшей Выльгортской волости. Отец будущего писателя, многодетный однолошадный бедняк Фалалей, славился как художник, автор многих иконостасов и украшений северных храмов. Его младший сын Каллистрат, обнаруживший способности к учебе еще в Выльгортском двухклассном училище, поступает в Тотемскую учительскую семинарию. Но там его вскоре же признают неблагонадежным. Начинаются долгие годы скитаний, доля уральского рабочего-отходника, послушника Заозерской пустыни.

¹ Горьковские чтения. 1953—57. М., изд. АН СССР, 1959. С. 48.

² Блок А. Собр. соч. в 8 томах. М.-Л., 1962, т. 5, С. 587.

Только на тридцатом году ему удается получить аттестат зрелости, выдержать экзамен в Петербургский университет, блестяще завершить его в 1901 году с дипломом первой степени. Его зачисляют сначала на университетскую кафедру русского языка и литературы, а с 1908 г. он, профессор Петербургского Психоневрологического института, читает логику и историю философии.

К тому времени «зырянин» был известен как автор философских работ: «Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии» (1902), «Теория переменного и предела в гносеологии и истории познания» (1904), «Гносеология в ряду других наук» (1904), «Понятие предела в математике» (1905), «Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали» (1906), «Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии» (1915). Ученый-философ собирает материал для своего главного философского труда — основ эволюционной теории познания, излагает их в книге «Лимитизм». Первое ее издание появляется в Петербурге в 1912 г., а последнее, уже после смерти автора, в Риге в 1929 г.¹

Свое философское учение К. Жаков иногда называл теорией переменного и предела. Согласно жаковскому учению, человеческие ощущения, представления и понятия совпадают с самими вещами, т. е. материальным миром, как переменная величина и предел при условии, если иметь в виду познание общих свойств мира, а не его частностей. Знание единичных вещей или единичного живого существа — это ряд расходящийся, тогда как познание законов вещей и явлений — это ряд сходящийся.

В связи с таким пониманием переменного и предела ставится вопрос о назначении человека в мире, о роли человеческого фактора в мироздании. Ибо сама природа стремится к единству частей, точно так же как человек стремится к единству с природой. Из высшего изначального стремления человечества проистекает высшее назначение конкретного человеческого существа, а именно — преодоление самого себя, преобразование собственного характера и окружающей природы, непрерывное искание высшей духовности. Ее поиски, которые в наше драматическое время выявились особенно остро, понимаются Жаковым как достижение жизни, «устрояемой сообразно

¹ К. Ф. Жаков. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб, 1912, 128 с.; он же. Лимитизм. Единство наук, философии и религии. Рига, 1929, 226 с.

высшим ценностям», иными словами, как достижение системы свободных обществ и профессий «идеально поставленных наций». Такие нации имеют право не только на язык, поэзию, религию, экономические и технические средства для раскрытия творческого потенциала каждого члена нации, но и должны, по мысли философа, создать гармонический «союз всех народов», преодолеть узкие своекорыстные националистические интересы. Автор, переживший бедствия первой мировой, а затем гражданской войн, оказавшийся на чужбине, задолго до эмиграции решительно отвергает, по его же собственным словам, «современную вражду народов», «существующую колониальную политику», «систему порабощения и истребления слабых, малокультурных народов», «нынешние вооружения».

Конечно, лимитизм трактовал высшую духовность в первую очередь как «вселенскую церковь», как «Первопотенциал». Но в своих богоискательских и богостроительных поисках К. Жаков-философ пытался использовать новейшие достижения математических и естественных наук, выводы теории относительности и кибернетики. Символичен тот факт, что сын К. Жакова Вадим, репрессированный за отца в 1937 г., до своего ареста и расстрела, был признанным авторитетом в области физико-математических наук.

Исходя из представления о том, что процессы познания гомологичны процессам бытия, лимитизм сближает физическое и психическое при помощи понятий «энергия» и «воля». Учение физиков о потенциальной и кинетической энергиях послужило К. Жакову обоснованием теории переменного и предела, а дифференциальное исчисление дало возможность представить процессы мира как интегралы разных тенденций космического мира. Подобная попытка тем более примечательна, что современная К. Жакову философия являлась той единственной наукой, в которой, по его же собственным словам, полностью отсутствовала «высшая математика, которую отличается европейский мир от античного». Таким образом, в нынешние времена всеобщей компьютеризации знаний такая попытка Жакова приобретала особый интерес.

Лимитизм вызвал немалый общественный резонанс. Поиски высшей гармонии духовного начала были понятны его великим современникам, таким мыслителям и художникам, как Лев Толстой и Николай Рерих. Едва ли

только совпадением можно объяснить, что К. Жаков в 1910-х годах активно сотрудничал в созданном Л. Толстым журнале «Ясная поляна», а несколько лет спустя, в 1920-х годах, в рижской эмиграции семья Рерихов посещала лекции К. Жакова по лимитизму, приняла сердечное участие в его трагической судьбе, морально поддерживала коми писателя и ученого.

Об общественном резонансе философских лекций К. Жакова в Риге 1920-х годов свидетельствовал и один из их авторитетных слушателей, тогда молодой подпольщик-революционер, впоследствии видный советский государственный деятель и поэт Председатель Верховного Совета СССР Юстас Палецкис. В письме автору этих строк от 31 марта 1973 г. он, рассказывая о своих мемуарах, готовившихся тогда для Политиздата, писал: «Уважаемый товарищ Доктор! В эту пору (годы 1925—1926) я переживал период идеалистической романтики. Весь горел желанием посвятить свою жизнь борьбе и труду ради общественного, народного блага, не взирая на трудности, препятствия и лишения. Глубокое впечатление на меня произвели лекции профессора Жакова, происходившего из северного народа зырян (коми). Он был проповедником идеалистического мировоззрения, называемого им «лимитизм». По уверению Жакова, лимитизм включал квинтэссенцию самого ценного из области вечной правды и вечной красоты, имеющегося во всех науках и религиях. Часто я вспоминал один тезис из его лекций, которые профессор Жаков читал образно, страстно и вдохновенно:

— Сын мой, если свой век проживешь как полагается настоящему члену общества, хорошему сыну своего народа и верному гражданину, и если в конце жизни тебе, доблестному слуге общества, не хватит средств для пропитания — смело садись на городской площади и протяни руку. И ты не будешь нищим! Не подавание тебе подаст прохожий, но будет возвращать долг. Ты верно служил обществу и народу, отдал все свое духовное достояние, поэтому все — твои должники. А требовать возвращения долга ведь не стыдно».

Значение лимитизма, несмотря на дискуссионность отдельных аспектов, состоит еще и в том, что его уяснение поможет избежать крайности в оценках художественного творчества философа и писателя. А такие крайности допускались многократно. Приведу два примера. В 1920-х

годах в Сыктывкаре почитатели объявили знаменитого земляка и кумира «дедушкой» (ыджыд ай) коми литературы. А спустя буквально несколько лет, в разгар сталинских репрессий 30-х и последующих годов, ведущие тогда идеологи «доказали», что К. Жаков был всего лишь белый эмигрант, черносотенец, ярый коми националист. Сегодня, в пору гласности, когда стали доступными засекреченные источники, в том числе и жаковские, становится очевидной тенденциозность и вздорность утверждений как первого, так и второго порядка.

Разумеется, научные интересы К. Жакова не ограничивались философией. Об их размахе свидетельствуют названия основных трудов профессора: «Методы изучения былин», «Личность и общество в учениях Ницше, Достоевского и Толстого», «Скандинавские саги», «Иван Карамазов (попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы»)», «Кнут Гамсун и основные мотивы в его творчестве», «Леонид Андреев и его произведения», «Женские типы Чехова» и др.

Жакова-ученого в первую очередь влечет к себе культура финно-угорских народов — финнов, удмуртов, марийцев, мордвы. Ценные материалы, наблюдения и выводы содержат работы «Методы изучения психологии народа на основании данных жизни восточно-финских племен», «Вотяки», «По Иньве и Косе (у пермяков)», «Из наблюдений над мордовским языком», «Образование падежей в финских надежах пермской группы», «Письмо в защиту вотяков С. О. Грузенбергу», «Судьбы угро-финских племен в доисторическое и историческое время», «Параллели между сказками восточных финнов и сибирских инородцев»... В академических кругах России, Эстонии, Финляндии и Венгрии К. Жаков считался одним из самых авторитетных финно-угроведов.

В его финно-угорских трудах выделялась коми-зырянская тема. Еще в 1901 году 13 января «Петербургская газета» сообщала о присуждении выпускнику Петербургского университета, начинающему коми ученому, большой серебряной медали Императорского Русского Географического общества — «за работы о зырянах». И действительно, ученую карьеру К. Жаков начал с диссертации «Зырянская народная словесность и русская сказка», завершив ею университетский курс. Ее высоко оценили выдающиеся русские фольклористы академики А. Соболевский и И. Жданов. Вскоре были написаны сочинения

«Зырянские сказки и методы фольклора», «Этнологический очерк зырян», «Языческое мирозерцание зырян», «Описание зырянской рукописи первой половины XIX века». Затем последовали научные отчеты о комплексных экспедициях в Коми край по заданию РГО: «К вопросу о составе населения в восточной части Вологодской губернии» (1907), «Из летней поездки к зырянам» (1908), «Историко-статистический очерк зырянского населения. Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии» (1909)...

В ходе научных экспедиций ученый записал большое количество сказок, песен; одним из первых в России применил при этом звукозаписывающее средство — фонограф, собрал уникальный этнографический материал, открыл бесценные рукописи коми стихов И. Куратова, описал типы коми сказителей и певцов. Однако это не были поездки коллекционера старины. Во-первых, он искал и находил ростки нового в самом фольклорном репертуаре. Так, К. Жаков вместе с П. Сорокиным первыми подметили и описали зарождение и расцвет новой коми частушечной поэзии. Во-вторых, фольклорно-этнографические поездки К. Жакова всегда вызывали значительный общественный отклик. Примером этого можно назвать Печорскую экспедицию. Он участвовал в ней как член РГО. Экспедиция якобы должна была изучить северные печорские земли и их ресурсы. Однако, помимо научных, она преследовала и секретные цели: по требованию прибалтийских баронов надлежало найти северные земли, пригодные для переселения революционных элементов из латышей. Жаков, узнавший о секретных планах, энергичными действиями добился от Государственной Думы прекращения финансирования экспедиции. Впоследствии, в 1926 г., в связи с кончиной профессора об этом факте с большой теплотой вспоминала латышская пресса¹.

Сознавая роль науки в гуманизации и преобразовании общественной жизни, К. Жаков неумоимо популяризировал знания среди простого народа, особенно в среде молодежи, прогрессивной интеллигенции и политических ссыльных. Профессор Психоневрологического института читал в Петербурге лекции на Самообразовательных курсах А. С. Черняева, на Фребелевских курсах, на курсах

¹ Например, некролог из рижского литовского журнала «Науяс Жодис» за 15 февраля 1926 г. № 3 (19).

ораторского искусства. Петербургский лектор исколесил Север и Сибирь с лекциями по философии — о кризисе западной философии, классификации науки и методах философии, истории древней философии, культуре Германии и русской философии, философских основах творчества Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, Л. Андреева; по истории культуры — о первобытных племенах, угро-финских народах в доисторическое и историческое время, древнем мирозерцании коми-зырян, законах мифотворчества, методах изучения северного народного эпоса; по истории науки — о некоторых законах теории относительности, достижениях астрономии и физики...

Сборы от лекций шли, как правило, в «пользу крестьян-бедняков», «для образования фонда имени Ломоносова», «учащимся высших учебных заведений», а нередко (что вызывало особое недовольство полицейских властей) — на нужды политссыльных¹. Самыми благодарными слушателями была молодежь. В 1914 г. «Вологодский листок» (№ 578), сообщая о том, что аудитория профессора состояла из молодежи и политссыльных, писал: «Профессор считает, что земля должна и может быть трудом человека преобразована в новый прекрасный мир». Молодежь любила профессора за эрудицию и независимый нрав. Так, после очередной полицейской акции против К. Жакова в 1916 г. четыреста студентов обратились через газету «Северное утро» со словами поддержки: «Наш учитель, наш друг и товарищ! В черную годину лихолетья и реакции, накладывающей руку на всякую творческую идею, Вы шли прямой дорогой... и всемерно содействовали нашей самодеятельности» (1916, 15 ноября, № 254). В предоктябрьском Петрограде немалой известностью среди молодежи пользовался самодеятельный литературный кружок, функционировавший на квартире Жаковых. Его охотно посещала литературная молодежь, в том числе будущие писатели В. Шкловский, А. Чапыгин, А. Грин, Я. Купала, художник Михаил Семенко. Полиция запретила деятельность литературного кружка².

Научные заслуги коми ученого и лектора высоко оценили в России и за рубежом. Его избирали почетным членом Парижского астрономического общества, Петербургского философского общества, Московского психологиче-

¹ ГАВО, ф. 108, оп. 1, св. 168, ед. хр. 5578, л. 92.

² Архив музея В. М. Бехтерева, ф. V, № 69.

ского общества, Иркутского археологического общества, Русского Географического общества, Архангельского общества изучения Русского Севера...

Трагично сложились последние годы К. Жакова. Весной 1917 г. он выехал лечиться в Латвию на хутор, принадлежавший студентке, которая вскоре стала его второй женой. Жизнь больного профессора намного усложнилась: прежняя семья распалась, из-за бурных революционных событий Психо-неврологический институт прекратил существование, Латвия оказалась за кордоном, под Псковом стояли немцы. К. Жаков перебирается с хутора в Ригу, надеется найти работу во вновь открывшемся Латвийском университете. Но надежде не суждено было сбыться, и «эмигрант поневоле» остался без средств к существованию. Он организовал в Риге «Общество лимитистов». Горячее участие в его судьбе приняла секретарь общества Мария Заринь, приютила профессора у себя на квартире. К. Жаков всем сердцем полюбил семью М. Заринь, привязался к ее маленькому племяннику Мерсер Зариню (впоследствии народный композитор Латвийской ССР, музыкальный руководитель театра имени Я. Райниса), учил его игре на коми гармошке, с которой никогда не расставался, разучивал с мальчиком коми народные мелодии.

Все годы вынужденной эмиграции К. Жаков искал пути на родину. В начале 1920-х годов он подал заявление на конкурс и был избран профессором Тамбовского университета, а также профессором Коми института народного образования; от Вятского института народного образования получил приглашение на 20 лекций «по зыряноведению». В 1925 г. зам. наркома просвещения СССР М. Н. Покровский положительно откликнулся на предложение К. Жакова организовать при Пермском университете кафедру народов Севера¹. Коми профессор стал готовиться в дальний путь домой. Но силы были уже подорваны трудной жизнью и напряженной работой. Смертельно больной, он не мог осуществить задуманное и 20 января 1926 г. в Рижской городской больнице скончался от рака печени.

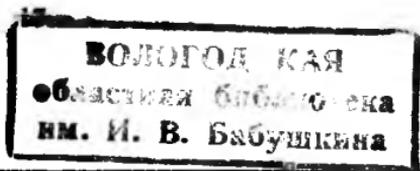
А потом начались годы забвения, отречения от замечательного сына России. И все же, несмотря ни на что,

¹ Об этом см.: А. К. Шварц. Сквозь строй жизни // Красная звезда. Пермь, 1976, 14 сентября, № 216.

память о нем жила в народе — и на родине, в Коми крае, и в Латвии, давшей ему последний приют. На всю жизнь запомнился мне такой случай. После XX съезда КПСС, во время хрущевской оттепели, в Сыктывкаре под председательством бывшего секретаря Коми ОК КПСС Н. Н. Рочева создается правительственная комиссия по жаковскому наследию. К сожалению, в застойные годы комиссия прекратила существование, так и не завершив начатого. В комиссию включили и меня. Мне поручили детально ознакомиться с латвийским периодом жизни К. Жакова. Для этого я выехал в Ригу и с помощью товарищей из ЦК Компартии Латвии получил в свое распоряжение сохранившиеся материалы по К. Жакову, перелистал даже страницы последней «истории болезни» из архива Рижской городской больницы, где скончался наш земляк. Я узнал, что его захоронили на Покровском православном кладбище в центре Риги. Тут же вместе с женой я поспешил на кладбище, памятуя о том, что мы, его земляки, и так уже потеряли немало мест захоронений классиков коми литературы: И. Куратова, В. Чисталева, В. Савина и др. Но напрасно несколько раз подряд мы осматривали все кладбище, могилу за могилой. Надгробной плиты К. Жакова или хотя бы какого-либо письменного знака нигде не было. И тут, как водится, помог счастливый, иначе его не назовешь, случай. Мы заметили пожилую женщину, которая одиноко брела по узкой липовой аллее, и обратились к ней с вопросом, не знает ли она, где покоится прах К. Жакова. На счастье, мы встретили бывшую слушательницу жаковских философских курсов рижанку М. Тихомирову. Она-то и привела нас к заросшему могильному холму, на котором в беспорядке лежали три унылых серых камня. Так благодаря М. Тихомировой была найдена для земляков К. Жакова его могила. А ведь и ей, как могиле И. Куратова, тоже грозила участь полного забвения. В Риге и Цесисе мне довелось встретиться еще с рядом бывших лимитистов, которые любовно берегли память об учителе.

Широта научных интересов К. Жакова, естественно, не могла не отразиться на содержании его очерков, рассказов, повестей. Одну из своих ранних книг писатель назвал «Из жизни и фантазии». Такое название служит ключом для понимания смысла всей его прозы. Она четко распадается на две составные части. В первой части («из жизни») реалистически воссоздается повседневность ко-

1234889

ми-зырян и других народов России, такой, какой она виделась автору, представлялась творческому воображению. В другой части («из фантазии») реальная жизнь как бы отступает на задний план, зато на переднем плане оказывается романтически окрашенный сказочный вымысел — «фантазия». Рассказы и повести «из фантазии» опираются на устную традицию, на сказки и сказания. Вместе с тем столь же очевидна знаковая символическая иносказательность, метафоричность, связь с философским кредо автора, с общей концепцией переменного и предела.

Обе составные части неотделимы друг от друга, взаимно дополняют одна другую. Эту особенность писательской манеры важно выделить тем более, что совсем недавно некоторые из его оппонентов довольно настойчиво пытались разъединить указанные части, признавали относительные достоинства прозы «из жизни» и напроочь отвергали, как нечто идеологически вредное, прозу «из фантазии». Между тем именно понимание такой уникальной взаимосвязи двух частей жаковской прозы помогает точнее определить самобытность К. Жакова как писателя и его место в истории отечественной литературы России первой четверти XX столетия.

Есть еще одна важная особенность творчества К. Жакова. Он был одновременно и русским и коми писателем, т. е. писателем по-настоящему российским. Все его произведения созданы на русском языке. Он и сам был воспитан на классической русской литературе, на традициях русской культуры, преклонялся перед А. Пушкиным, Л. Толстым, Ф. Достоевским, А. Чеховым. Но К. Жаков неотделим и от коми национальной культуры. В его рассказах и повестях действуют реалистические типы коми крестьян-земледельцев, охотников, рыбаков, умельцев, молодых и старых, не унывающих оптимистов и сломленных обстоятельствами людей, рисуются судьбы счастливые и несчастливые, комичные и глубоко трагические. В них, в этих людях, отчетливо виден коми национальный характер стойкий, мудрый, мужественный, гордый.

Конечно, в русской литературе коми тема присутствовала и до К. Жакова. Ей посвятили немало произведений русские писатели XVIII—XIX вв.: И. Лепехин, А. Ишимова, Н. Надеждин, С. Максимов, П. Засодимский, А. Круглов. Это «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства», «Зырянка», «Народная поэзия у зырян», «Год на Севере», «Лесное

царство», «Лесные люди». А открыл коми тему еще в XIV веке выдающийся древнерусский писатель Епифаний Премудрый замечательным творением «Житие Стефана Пермского» — о первом просветителе коми-зырян, обратившем язычников в христианскую веру. Для полноты картины добавим, что до К. Жакова в середине минувшего века коми тему на своем родном языке стали разрабатывать коми поэты, в том числе И. Куратов, но их стихи, как сказано выше, попали в печать лишь в 1920-е годы, т. е. уже после смерти К. Жакова. Коми-зырянин К. Жаков первым из российских писателей открыл для читателя русскую тему, осветив ее изнутри, от лица самого коми народа.

Первый литературный опыт К. Жакова датируется бурным 1905 годом. Именно тогда в петербургском «Зеленом сборнике стихов и прозы» появились его «Песни Пама Бурморта». Затем одна за другой выходят в свет книги «На север в поисках за Памом Бурмортом» (1905), «Очерки из жизни рабочих и крестьян» (1906), «Из жизни и фантазии» (1907), «Под шум северного ветра» (1913), «Сквозь строй жизни» (1912—1914).

В галерее жаковских образов почетное место занимают народные умельцы, хранители традиции. Таков художник-резчик по дереву Фалалей из рассказа «Жизнь Фалалея». Мастер Фалалей, подобно отцу писателя, сооружает на Сыsole и на Печоре в местных храмах выразительные иконостасы, вкладывает в них талант и душу. Таким же народным мастером предстает герой рассказа «Удалец и музыкант Степан Васильевич». С детства он увлекается изготовлением коми музыкальных инструментов. Изображая выльгортского мастера-балалаечника Степана Васильевича, автор, вероятно, имел перед собой известного «Коми Страдивари» (так его величали в музыкальных кругах Петербурга), земляка-соседа и почти ровесника С. И. Налимова (1857—1916). Коми краснодеревщик Налимов славился на всю Россию, блестяще изготовлял домбры и балалайки для первого в стране прославленного русского народного оркестра В. В. Андреева в Петербурге.

Несколько в ином плане рисуется образ вечной труженицы Улетин Елены из одноименного рассказа, тоже соседки писателя по родной деревне Давноц, подчеркивается ее безрадостное бездуховное существование: после замужества она лишена даже мелких жизненных радо-

стей. Повседневная безрадостная жизнь иссушает ее, бы-
лую деревенскую красавицу, до неузнаваемости — был
человек, и еще при жизни не стало его, превратился не-
жданно-негаданно в незаметное существо, о нем забыли
соседи. Или возьмем другой рассказ о Парме Степане.
Многое дано от природы пахарю и сеятелю, корчевателю
лесных пней Парме Степану. Женившись на доброй и
сказочно прекрасной зырянке Зарниныл, что в переводе
на русский язык означает Золотая дева, Парма Степан,
как и Улетин Елена, незаметно теряет свое сказочное бо-
гатство, и в конце концов оказывается в сибирской тюрь-
ме (рассказ «Парма Степан»). Охотник Максим из вым-
ской деревушки, его подвиги на медвежьей охоте, в ко-
торых так и чувствуется нечто от древнего коми бога-
тырства («Охотник Максим»); коми рабочие-отходники,
безжалостная эксплуатация их на Кутимском и Тагиль-
ском заводах, вечная нужда («Удалец и музыкант Сте-
пан Васильевич»); злая доля коми-пермяков, жизнь в
вечной нужде и каторжный труд («Из Иньвенских бы-
лей»), — так сменяются картина за картиной, реалисти-
чески воссоздается образ северной деревни, ее жителей.
Эти картины, схваченные из жизненной гущи, воспроиз-
водятся в определенных временных константах — на ру-
беже двух столетий, в начале века нынешнего.

От картин повседневной жизни автор сразу же пере-
ключается на картины «из фантазии». И тут возникает
собрательный образ коми сказочника Пама Бурморта.
Именно ему отданы авторские симпатии, а нередко в его
уста вкладываются основные мысли о высшей духовно-
сти и душе, о смысле жизни, о добре и зле, о переменном
и пределе, думы о Первопотенциале, т. е. все те идеи, ко-
торые мы находим в лимитизме. На собирательность и
эпичность образа Пама указывала еще в 1920-х годах
архангельская газета «Волна». В некрологе, посвященном
памяти К. Ф. Жакова, она писала: «Результатом его изу-
чения мы имеем знаменитый зырянский эпос, сложив-
шийся вокруг любимого героя Пама Бурморта»¹.

Образ Пама Бурморта объединяет в единое целое зна-
чительную часть прозы «из фантазии». А одна из книг
так и названа «На Север в поисках за Памом Бурмор-
том». В другой книге — «Под шум северного ветра» —
снова встречаемся с этим персонажем: зырянин Бурморт

¹ Волна. Архангельск, 1926, 18 июня, № 158. С. 6.

ищет конец земли; на берегу ледяного моря героя ласкают солнечные лучи, навевая неземные сны; спустя много лет его сын Мичаморт, стремясь постичь смысл неземных снов отца, отправляется к морю, встречается в пути трех старцев, учеников Пама. «Мы ученики Пама Бурморта, — говорят они путнику, — сам же уснул и спит без сновидений вон там, на берегу, прикрывшись зеленым дерном. Счастливец, а мы еще бодрствуем и видим тяжелые сны жизни и тоскуем. Уснем же скоро и мы».

Кто такой Пама Бурморт, столь симпатичный сердцу К. Жакова? Из жизни он взят или из авторской фантазии? Пожалуй, и то, и другое. Конечно, образ Пама явился плодом авторской фантазии. Однако в основе образа лежат конкретные исторические реалии, связанные с дохристианским периодом коми язычников, со временем их вступления в христианство и отказа от языческих верований. Пама Бурморта писатель называет сыном Пана-сотника. В древнепермском языке слово «пам» (пан) означало языческого жреца, позднее в коми памятниках XVIII в. оно стало использоваться в значении «владыка»¹. Поэтическое определение «пама» — Бурморт — образовано из двух коми слов «бур» (добрый) + «морт» (человек). Таким словосочетанием (Бурморт) автор недвусмысленно выражает свое отношение к герою, подчеркивает свои симпатии к сыну Пана-сотника да и к самому Пану-сотнику.

В сходном оценочном ключе изображал Пама-Пана и предшественник К. Жакова поэт Иван Куратов в поэме «Яг-морт» (Боровой человек) и драматическом произведении «Пама». В одной из заметок к драме Куратов отметил: «Пама — человек крайне добрый, критически относящийся к себе и придающий себе подобающую цену; он несколько мистик, но не потому, что малодаровит, но потому что слишком уединил свою особу при значительном уме»². Но И. Куратов, как и К. Жаков, подчеркивает отношение к Паме, правда, при помощи иной поэтической системы: если К. Жаков добавлял к имени героя оценочное определение «бурморт», то И. Куратов с этой же целью выносил в ударную рифму с «Памой» коми

¹ В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

² И. А. Куратов. Художественной произведениях. Т. 1, Сыктывкар, 1939. С. 286.

слово «рама, рам» [смирный, кроткий, тихий]. «...Пама... пышйис рама», т. е. Пама убежал [скрылся, исчез из виду] тихо [смирно, кротко], — такую формулу избирает И. Куратов, рисуя противостояние христианства и язычества, спор о вере, состязание Пана-сотника и Стефана Пермского.

...Пама
Ачыс сэтчѣ пышйис рама! ¹
...Пама
И сам туда убежал тихо!
(перевод подстрочный — А. М.)

Султі пидзѳз вылѳ рама.
Сійѳ пондїс ньѳжйѳник:
«Кылзы менѳ, менам Пама!» ²
Встал я на колени тихо (робко).
А он начал неспеша (говорить):
«Слушай меня, мой Пама!»
(перевод подстрочный — А. М.)

Конечно, куратовская и жаковская трактовка характера Памы-Пана сходна, но при этом диаметрально противоположна той, которая обнаруживается в «Житии Стефана Пермского». В изображении Епифания Премудрого, в полном соответствии с традициями житийной литературы русского средневековья, зырянский Пан-сотник, этот «начальник волхвов», не смиряется «робко и тихо», но напротив вступает в единоборство с христианским миссионером. Обращаясь к единоверцам, Пан-сотник призывает их: «Братья, мужи зырянские! не оставляйте отеческих богов и жертвоприношений им; не забывайте, не покидайте старых пошлин, не отменяйтесь от старых верований; делайте так, как делали наши отцы. Слушайтесь меня, но не слушайтесь Стефана, который есть новопришелец из Москвы. Может ли быть, что доброе нам из Москвы? Не оттуда ли нам и дани тяжкие, и насильства, и тиуны, и доводчики, и приставчики? Не слушайте его, по слушайте меня, желающего вам добра: я — одной с вами земли, одного языка, одного рода-племени. Вам следует слушать меня, старца, более, чем этого Русина,

¹ И. А. Куратов. Художественной произведенийяс. Т. 1, Сыктывкар, 1939, С. 111.

² Там же, С. 118.

особенно же Москвитянина, молодого годами, передо мною как сына, как внука»¹.

И все же каждый из трех образов Пана-Памы един в своей сути: в соответствии с правдой истории и Епифаний Премудрый, и И. Куратов, и К. Жаков подчеркивают обреченность старых языческих порядков и неизбежность победы новой веры.

В рассказе «Бегство северных богов» как раз и дана символическая картина противостояния язычества и христианства. В развернутое повествование втянуты характерные коми сказочные персонажи васа, куль, вёрса, Ёма, Войпель, вводятся мифологические мотивы о солнечном сыне и быке луны, о небесной радуге Опкамёшка, используется сюжет легенды о непочтительной женщине и наказании ее за неуважение к небу, сюжет о великой огненной утке и братьях Ене и Омёле. Фольклорные сюжеты, мотивы, образы автор обрабатывает, исходя из главной идейной установки, из стремления показать неизбежность наступления нового. Вместе с тем своим рассказом он подчеркивает не только плюсы, но и серьезные минусы исторического прогресса, отмечает утрату людьми многих важных моральных ценностей.

В прозе «из жизни» и в прозе «из фантазии» писатель широко опирается на фольклорные традиции, разнообразно вводит фольклор в авторскую художественную систему. Фольклор явился для него элементом и содержания, и формы. Во многих его произведениях читатель сталкивается с образом молодого коми интеллигента, изучающего народную культуру, собирающего фольклор, записывающего сказки и песни («Агафья», «Из дневника Александра Петровича Маслова»). В них заметны автобиографические элементы. Это и понятно: сам Жаков, как и его любимый герой, в поисках устно-поэтических богатств исколесил Север и Сибирь, он к тому же, по праву, считается первым коми ученым-фольклористом.

Фольклоризм К. Жакова неоднозначен. Выделяются три основных типа фольклоризма, определяющие вместе с тем и специфику его прозы. Подчас последовательно воспроизводится коми фольклорный источник, но предлагается не традиционное понимание, видение традиционного образа и сюжета. Например, в основу сказания

¹ Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб, 1889. С. 55.

«Шыпича» положено одноименное коми предание о колдуне-разбойнике, который разбогател на убийствах и грабежах невинных людей, на предательстве. Он, атаман, предал в руки властей свою разбойничью шайку, некогда хозяйничавшую на просторах Камы. Освободившиеся из тюрьмы разбойники мстят атаману, нападают на его усадьбу, а самого убивают. В данном случае сохранена традиционная сюжетная канва, последовательно выдерживается и фольклорный стиль. Однако в соответствии с собственным пониманием коми истории, сущности позднего и вредного воздействия цивилизации на коми национальный характер К. Жаков видоизменил некоторые свойства Шыпичи, соотнес время действия не с прикамской разбойничьей вольницей (как это типично для большей части устных вариантов эпоса о Шыпиче), а с периодом новгородского ушкуйничества (XI—XII вв.).

Литературное сказание «Шыпича» имеет конкретный фольклорный источник, сопоставимо с ним по художественным деталям. Такой конкретный фольклорный адрес бесполезно искать в рассказах «Иван Долговязый» и «Ен и Омоль». Между тем «Иван Долговязый» выдержан в стиле коми народных сказок, а рассказ «Ен и Омоль» снабжен даже авторской пометкой «космический миф севера». И в самом деле, в рассказе хотя и действуют типичные персонажи северной, в первую очередь коми, космогонии — творцы мира, творцы добра и зла Ен и Омоль, — хотя и сохранены коми имена, но жаковские Ен и Омоль мало чем напоминают персонажей коми народной мифологии. В рассказе «Иван Долговязый» и в мифе «Ен и Омоль» их создатель лишь отталкивается от фольклорного источника, полностью преобразуя его сразу же, с первых картин повествования. Коми фольклорные сюжеты, мотивы, образы служат ему своего рода импульсом, толчком для выражения собственных мыслей, чаще всего для художественной иллюстрации философского кредо переменного и предела. Философия и фольклор в них словно бы сливаются воедино в новом поэтическом качестве. Таков второй тип фольклоризма коми писателя.

С третьим типом жаковского фольклоризма читатель сталкивается в повествованиях-сказаниях «Тогай», «Миликар», «Лионелла», «Царь Кор», «Беженада-Вирси-Урго». В них невозможно найти (да это, кстати, и подчеркнуто всей художественной структурой) каких-либо замет-

ных следов коми национального фольклорного источника, его конкретных образов, образных деталей, поэтических ассоциаций. Зато все авторское внимание переключается на фольклор народов мира, на литературный эпос типа «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло или «Калевалы» Элиаса Леннрота. Это в полном смысле создания авторской фантазии. Даже в ономастике, т. е. в именах действующих лиц не найти коми национального колорита. Все действующие лица, все эти Сарго-Яга, Тогай, Лилионна, Леонелла, Беженада-Вирси-Урга, Гаридальда, Сайгорада, Ликунда, Деликандра ничем не напоминают коми фольклорных Тугана, Райды, Шыпичи, Юрки, Педора, Василея и др. Зато именно в этих произведениях, еще более отчетливо, чем в предыдущих рассказах и повестях, читатель почувствует авторскую философскую концепцию о смысле жизни. Но именно мысли коми ученого и писателя по-новому зазвучали сегодня, в дни восстановления нравственности общества, стремления к самосовершенствованию, к «живой этике», в стремлении человека к прекрасному, к познанию космоса и «тонких энергий».

А. К. Микушев

БИАРМИЯ

I

Где ты, где ты, пурпур песен,
Изумруд сказаний древних?
Где станок великой жизни,
Где челнок великой ткани,
Нитей жизни приумолкшей
В временах давно минувших?

Утка древняя сидела
На скале темносенистой,
Утка древняя сказала:
«Я забыла песнопенья,
Нет в зобу моем тех сказок,
Дивных притчей, прибауток,
Слов народных отдаленных».

II

КОМИМОРТ

Лес мой древний, лес священный,
Дай мне песен величавых!
Покажи мне все тропинки,
Их узоры меж деревьев,
Их изгибы у подошвы
Старых сосен, стройных елей!
Ты раскрой мне все богатства:
Родников, ключей истоки
И начала рек великих
В пармах темных, беспросветных,
Очертанья скал гранитных
И столпов порфиридных!
Научи ты заклинаньям,
Силе чар могучих тунов!
Покажи ты птичьи гнезда
На вершинах острых елей,
Гордых сосен над холмами!
Милый, милый лес священный!
Кто познал немые тайны —
Долго будет жить на свете!
Белый ягель, мох хрустящий
На холмах сине-кудрявых,
Гулко-звонких под ногами!
Гряды-кочки золотые
У краёв низин болотных!
Словом просьбы к вам иду я!

Не ленитесь, расскажите,
Кто здесь был в веках минувших,
О делах их благородных
Вы поведайте подробно!
Так я плакал, заклиная,
Слезы лил в лесах дремучих!
Ворон старый тут сказал мне,
Слово молвил он такое:
«Пальцы ног твоих могучих
Ты направь на мгlistый север,
Волока пройди без горя,
Пресекая горы, доли,
Лоно рек переплывая,
Без вниманья к шуму леса,
Песнопеньям водопадов,
Говорливым вод теченьям.
Миновать ты должен дальние
Груды скал темносенистых;
Вправо, влево не гляди ты,
Ширь рек, горбы течений,
Островов туманных стаи —
Ты оставь все без вниманья;
День, другой, за ними третий,
И ночей не меньше также,
Ты иди без дум, оглядки.
На тебя тут с гор высоких
Серая избушка глянет
В два окна с крыльцом скрипучим.
И войдешь в избушку эту —
Старец у стола там пишет,
Были, небыли — все знает.
Борода в аршин длиною,
Кудри белые, как льдинки,
Очи черные, как небо
В час полночный, в час гаданий,
В стужу зимнюю без вьюги.
Обратись со словом к старцу:
«Комиморт, старик безгрешный!
Сказочник ты несравненный!
Набольший ты тун-волшебник,
Покажи ты мне рубины
Древних сказок, песнопений;
Хризопразы прибауток,
Слов народных отдаленных;

Те алмазы слёз великих
Поколений позабытых;
Халцедоны поговорок,
Мудрых притчей незабвенных;
Все кораллы вод зеленых,
Островов великолепных
В океанах светлоструйных,
Близ течений многошумных,
Близ пупа земноморского;
Чудеса свои раскрой ты,
Вымыслам всем дай движение;
Пусть посева дум великих
Вырастают без препятствий
На полях рассказов светлых,
На полянах кисти вольной,
Кисти старой, величавой,
Многодумной, сладострастной,
Быстроцветной, переливной».
Старец тут уста откроет —
Развернёт клубок он песен
Длинной лентой многоцветной.
Сам увидишь сонм героев
Многославных, дивно мудрых
Тех времен давно минувших».
Ворон так промолвил слово,
Путь он верный указал мне,
Знак он дал, ведущий к делу,
Линию провел прямую
К цели жизни, к утешенью
И к забвенью неизбывной
Скорби сердца, скорби мира.
Тут открылся ящик песен —
Синей дымкой вылетали,
Сизым паром выходили
Песни древности воскресшей;
Развернулся клуб тех нитей —
Серебристых, золотистых
Поздно вечером у бора,
Близ ключей певуче-звонких,
У истоков рек хрустальных,
Близ фонтанов, вечно бьющих
Из земли, из недр глубоких;
Развернулся клубок сказок
Старины волшебной-тайной,

Древности на вкус приятной;
Выходили тут, клубяся,
Рои пчел, жужжа крылами,
Диких шмелей на закате,
Над травкою ароматной,
Над ромашкой полевой,
Желто-белой, с лепестками
Нежными, как утро мая; —
Нет, не пчелы то жужжали
И не шмели там роились:
Звуки — песни, сказки — краски,
Прибаутки, поговорки
Там кружились, волновались,
Извивались, в кольца гнулись,
Выпрямлялись стрелой дальней;
Тугой лук был там великий
И стрелок был несравненный,
Тун-волшебник, житель леса,
Чудо-тайна, приворожник,
Чаровник и обоятель,
Комиморт красноречивый,
Сердцевед и чернокнижник.
Если с шишками из злата,
Сосны красные на парме,
Ветви-кудри их из бронзы
В час вечерний, в час заката —
Поклонились сосны, ели,
Комиморту честь воздали.
Как запел тот сладкогласно,
Искрививши рот широкий;
Наклонил главу он набок
И к щеке приложил руку,
На ладонь он упирался
Головой своей кудрявой:
Пел он день, неделю даже,
Напролет все также почи.
Хляби неба так богаты
Дождевой водою сладкой,
Грудь земли неистощима
Рудами металлов горных —
Так певец был многозвучен,
Многошумен — голос жизни.
Нет конца словам священным
Старины певуче-громкой,

Так луна не устаёт ведь
В беге жизни в выси дальней,
Солнце движется все время,
Исполняя повеленье
Бога вышнего за небом.

III

ПРИСКАЗКА КОМИМОРТА

Леший в пармах колобродит,
Красные штаны надевши
И кафтан зеленый сверху;
В красной шапочке гуляет
Меж деревьев многошумных,
Вихрем буйным мчится в дали,
У ручьев звонко-поющих,
У великих рек кристальных,
Меж камней седых, недвижных,
Мхом зеленым вокруг обросших.
Йома-баба тут стучится
В двери красные избушки
У пригорка, на равнине.
Тут вошла она в избушку —
И в окно глядит уж баба,
Древняя хозяйка леса.
Лоб в морщинах, руки-плети,
Щеки впалые у Йома.
«Ой, вы, дети, дети пармы, —
Говорит она тут слово. —
Все деревья ведь внучата
Бабушке-хозяйке леса;
Принесите кошку, дети,
Черную, без белых пятен,
И костер здесь разведите.
Кошки черные на башнях
Вдаль глядят, мяучат хором,
Бешенно хвостами движут,
Дико-злобно подняв кверху
Черные хвосты на воздух».

ЯУР-КНЯЗЬ И ЕГО ТОВАРИЩИ ЕДУТ В ЛОДКЕ

Красноствольные на пармах
 Сосны бодрые тихонько
 Шепчутся промеж собою;
 Ели мрачные толпою
 Внемлют говору соседок.
 Богатырь наш Оксой-Яур
 Собрался на Север темный,
 Вниз по Вычегде широкой,
 По Двине потом лазурной —
 В Биармию за невестой.
 Вон ладья его плывет уж:
 Руль дощатый, блещут весла,
 На корме сидит сам Яур,
 Весь украшен соболями,
 Оксой наш рыжебородый
 С волосами золотыми.
 На носу ладьи у весел
 Сильный Ошпи Лыадорса —
 Черноглазый тун-кудесник
 И кузнец он знаменитый.
 Посреди — Вэрморт из Ыба,
 Он игрок на чудной домбре.
 Звуки домбры долетают
 До кудрей зеленых пармы.
 Звуки сердца льются в душу
 Всех деревьев многодумных».

Так шептались сосны, ели
 Меж собою в светлых пармах
 У реки широкой Эжвы.
 Услыхавши шепот леса,
 Ош — медведь — заволновался,
 Пробежал он чрез болото,
 Чрез ручьи, овраги в царме;
 Топчет клюкву и бруснику
 Горы, доли просекает,
 К берегу стремится Эжвы
 На песок реки прозрачной —
 Посмотреть на диво-чудо,
 На героев многославных,

Путь держащих в Биармию,
В страны севера близ моря
За невестой синеглазой.
Волк матерый, серо-бурый,
Этот Коин, странник леса,
Услыхал он топот тяжкий,
Сучьев треск, шаги медведя.
«Что за диво? — слово молвил. —
И куда медведь помчался?»
Заспешил, ногам дал волю,
Жеребенок дикий, Коин,
К берегам реки струистой
Побежал он чрез овраги
На песок лучисто-желтый.
Заяц серый, пучеглазый
Испугался тут внезапно;
Слово молвил он такое:
«Все куда-то поскакали,
Чудо-диво где случилось?»
Заложив за спину уши,
Полетел стрелою заяц
Чрез бруснику, голубику,
Чрез кусты черники сладкой,
Мимо ягод земляники
К берегам реки текучей,
Вечно юной, говорливой.
Лось огромный — эта Ера —
Тут проснулся меж деревьев,
Почесал бока о камень;
Услыхавши топот зайца,
Встрепенулся, вскачь пустился.
«Что за диво там, близ Эжвы?» —
Слово молвил он такое.
Меж ветвей дерев бежал он
Без оглядки, торопился —
К водопою устремился.
Тут все звери всколыхнулись
И глядели друг на друга:
«Что-то важное случилось
Близ реки лучисто-синей!
Все бегут туда стадами».
Побежали звери к Эжве,
Охватило их волнение;
Сильный слабого толкает,

Все спешат, валяются в кучу.
Божьи птицы услышали:
Что-то деется под ними,
Море жизни волновалось.
Заворчали, затрубили,
Песни новые запели
Божьи птицы в синей выси;
Полетали, увидали
Чудо-юдо меж волнами —
Лодку малую признали
И героев всех спознали;
Закружились над лесами,
Над рекою синеглазой
Стаи птиц тех красно-синих,
Длинноклювых, краснозобых,
Синепёрых, желтоногих.
Звери, птицы — все глядели
На героев многославных,
В утлой лодке вдаль плывущих
За невестой полногрудой,
Белоснежной, синеглазой.

V

ПЕСНЯ ВЭРМОРТА

Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут молвил слово:
«Звери все и божьи птицы
Провожают пас толпою,
Головой кивают мирно,
Счастья нам они желают,
Дружелюбно провожая
В путь далекий, в Биармию
За невестой чужестранной.
Ты, Вэрморт, игрок великий,
Свой теперь, обрадуй сердце
Птиц, зверей прекраснодушных,
Любопытных, бескорыстных».
И запел Вэрморт чудесный,
Загремели струны домбры,
Взволновались звуки песен,
Звери, птицы им внимали.

«Солнца Бог высокий, дальний,
Приклони ты ухо к домбре
И внимай молениям нашим;
Бог луны, волшебник неба,
Пастырь звезд неизреченный —
Внемли мыслям безгреховным.
В дальний путь пустился Яур:
Оксой наш он, светоч пармы,
Джеджим-пармы покровитель;
Он владетель наш бесспорный —
Синей Выми, Желтой Эжвы,
Красной Сыктыв-ю великой,
Локчим-ю глубоководной
И озер пучинно-глазых,
Симты, Сёйты, Дон-ты, Кой-ты,
Всех зверей и птиц воздушных —
Наш хозяин простодушный.
В Биармию он собрался
За невестой, белой Райдой,
Несравненной девой Пармы,
Дочерью царя Оксора,
Что на севере живет, там,
В лукоморье отдаленном,
В Кардоре, богатом славой,
Близ соленых зыбей моря,
При слиянии светозарном
Голубой Двины волнистой
С хрусталем седого моря;
Матерь птиц там обитает
«Каленик — молнийны стрелы».
Посмотрите, как прекрасно
В божьем мире, в светлых борах!
Сын той векши черноглазой,
Сероватой, с грудью белой
Хохотуньи на всю парму —
Белка Ур-пи пробегает
У корней деревьев статных,
Прямоствольных, златокудрых;
Быстро, быстро пробегает,
С шишкою во рту бежит там,
Хвост же чертит, хвост пушистый,
По траве с росой небесной;
А за ней лиса стремится,
Краснобурая девица,

Через кочки, мох серебристый.
Лен кукушкин золотится.
Мудрая лиса желает
Здесь позавтракать бегуньей;
Ур-пи быстро уж взмывает
На вершины древних сосен,
Где отцы ее живали
Безмятежно и счастливо.
Засмеялась белка Ур-пи.
Хохотала с той вершины,
Увидав внизу, у сосен,
Мудрую лису в печали.
Заяц вспрыгнул тут высоко,
Скачет вправо, скачет влево
Длинноухий, пучеглазый,
Белоснежный, с тонкой лапой.
Кымэр — облако на небе
Вниз на землю посмотрело
И собой закрыло солнце.
Солнца круг за облаками,
Дивный круг небесно-ликий,
Светлый, ясный, золотистый
Бог паш добрый, справедливый, —
Он глядит на землю нашу
Неустанно, каждодневно.
Брызнет он лучами света
Из-за облаков сенистых
И сияньем он украсит
Горницу природы чудной,
Богом данную светлицу.
Хорошо нам плыть по Эжве,
По реке с горбом стеклянным,
Жёлтоватым с синей рябью,
С зыбью синей, златострунной —
В утлой лодке, вдаль летящей
Вместе с пеной белоснежной,
Вслед за нами вдаль скользящей
По волнам реки широкой.
Ах, куда же ты стремишься,
Пена белая, за нами?
От куста к кусту плывешь ты,
Ягодка реки прозрачной,
Земляника синей Эжвы;
От обрывов светло-жёлтых

В курьи дальние стремишься,
От полоев маловодных
К гибким ивам ты пустилась!
Пена белая на зыби,
Нашим думам ты подобна!
Думы наши тож стремятся
В дали синие за пармой!
Счастье наше впереди ведь,
За Двиною лучезарной!»
Песнопенья так лилися,
Истекали из той домбры
Сладкозвучной, громкогласной;
Так дрожали нити-струны,
Золотые волновались,
Затихали, вновь крепчали,
Умолкали, воскресали.
И душа так волновалась
Тех героев многославных,
В Биармию путь державших.
Пел Вэрморт, играл на домбре
Беспрерывно, денно-ночно.

VI

БЛИЗ УСТЬЯ ВЫЧЕГДЫ

Яур, князь рыжебородый,
Джеджим-пармы он владетель,
Синих гор, вдали лежащих,
Покровенных синью сосен,
Сетью игл земных тех елей
У верховьев быстрой Эжвы —
Вычегды широкоструйной;
С ним товарищ в утлой лодке.
В челноке с блестящим боком —
Черный Ошни Лыадорса,
Тот силач широкоплечий;
Веслами он движет лодку.
А в корме сидит сам Яур,
Посредине — тун-волшебник,
Чаровник и сердцеведец,
Музыкант Вэрморт прекрасный.
Вниз плывут все дальше, дальше

По хребту реки прохладной,
Все поближе к устью Эжвы,
Все подальше от верховья.
Ручейком ведь в малой парме
Начинается река та
Близ Печоры отдаленной;
Из болот, покрытых клюквой
И морошкой разноцветной,
Вытекает речка Эжва;
От камней синевершинных,
Гор Тиманских, тех ущелий,
Тихо, тихо протекает.
По ложбинам меж горами,
Где березы, рядом ольхи
В пармах темных вырастают.
Волчьи ягоды кустами
И смородины густые,
Ветви вьются на просторе,
Вблизи вод прохладноструйных.
Жимолости гроздь в парме
Сочно-сладкие висят там.
Вычегда вдаль узкой лентой
Протекает по долинам,
Извиваясь, умудряясь
Между скал седых, недвижных
По пригоркам меж порогов,
То ли прямо, то ль лукаво
К цели верной же стремится,
Мир лесной весь напоая
Жизнесладкою водою.
Речкой быстрою уж станет
Эжва-матушка подальше,
В братских узах сливши воды
С безымянными ручьями;
Локчим, Вишера за ними,
Сыктыв-ю из пармы юга
Воды синие льют в Эжву;
И отсюда беспрерывно,
Горделиво катит волны
Вычегда рекой великой —
От востока вдаль, на запад.
Жаждет вод она слиянья
С черноглазую Двиною.
А потом она на запад,

К морю дальнему, стремится,
Взявшись за руки с Двиною:
И уснуть она б хотела
Во дворцах хрустальных моря
В дни зимы холодно-вьюжной,
В ожиданьи солнца-девы,
Той красавицы волшебной,
Той девицы занебесной.
Поцелуев нежно-сладких
Лучезарных губ лазурных
Жаждут волны синей Эжвы.
Этим думам предавались
И герои Джеджим-пармы:
Как, откуда протекает
Вычегда, река святая?
Яур первый тут очнулся,
Доброе промолвил слово:
«Поглядите, дети пармы,
Что там деется в тумане,
Что синее над рекою?»
Острова там зеленеют,
Дремлют воды между ними,
И деревья там в дремоте,
На тех мысах остромордых,
На откосах длинношейных.
«Надобно проливом узким
Пробираться меж кустами»,—
Так ответил мудрый Ошпи,
Богатырь широкоплечий.
И плыла проливом лодка,
Утлая ладья, близ пармы;
Острова уж миновались,
И покрылись туманом
В час вечерний, в час заката.

VII

Енмар — бог — гремит на небе

Пролил дождь затем великий,
Многошумный, буреносный;
Ветер выл в лесах дремучих,
Сосны гнулись в глуби пармы.

Острые вершины елей
Колебались и качались,
Шишки их звенели в парме.
Сам медведь укрылся в яме,
Волк за ним поплелся в норы,
В норы лисьи он попал там;
Перестали петь соборы
Краснозобых, желтоногих
Божьих птичек в «яге» темном.
Йэра в тундры убежала
И забыла белый ягель.
Лось в болота залезает
И олень бежит по лесу,
Всем рогами угрожая.
Дикий конь за ними мчится.
Робко заяц под кустами
Прячет голову и уши,
Уши длинные на редкость.
Гром гремит по воле Бога —
Из конца в конец пронесся;
Рассекал он тучи неба,
Надвое их разделяя;
Стрелы молний залетали,
Птица Каленик за ними.
Вверх и вниз катал по небу
Шар свинцовый горний Енмар,
Стрелы он бросал на землю,
Стрелы молний огненосных.
Боги низшие все скрылись
По избушкам в темных пармах
В странные места ушли все;
Темный Ящер тут смеялся,
Бога неба презирая,
Холодно глядел на небо.
Добрый Ен в хрустальном небе,
В звездно-искристых чертогах —
Молний стрелы отточал он,
Но без гнева, тихо-смирно.
«Не конец еще всей жизни,
Потерплю хотя б немного», —
Думал древний Бог великий.
И терпел он дальше, больше —
Не конец был жизни тварей.
Гром умолкнул в тучах черных,

Стрелы молний прекратились.
Ящер-пейггаг рассердился
В слабосилъи темном, жалком,
Он залез тут в норы-ямы
Меж камней седых, недвижных.
«Рассердить Его не в силах;
Ложью, смехом я не мечу
Истощить Его терпенье;
Вновь пойду я в нору-яму,
В ожиданьи проведу там
Время дней, ночей прекрасных».
Слово молвил он такое,
Ящер дикий, злоковарный.
И исчез на дне он ямы.

VIII

ГОЛОВА ЯГМОРТА

Волны бурные утихли
На широкой желтой Эжве,
Вновь пустились в путь-дорогу
Яур, князь рыжебородый,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий.
Вновь помчались в утлой лодке
По волнам реки зыбучей.
Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут молвил слово:
«Посмотрите-ко вы, дети,
Дети пармы многогорной,
Что там дееся на речке.
Что-то малое мне снится?»
Посмотрел Вэрморт, пленитель,
Музыкапт пебезызвестный,
И ответ держал он тут же:
«Голова лежит в проливе,
Черная лежит на речке,
В быстром, светлом переливе;
Острова толпой сгустились
В устье Эжвы многоводной,
И не знаю, как проехать
Мимо головы в проливе.

В том ущелье узко-светлом
Чудище речное в волнах
И страшилище на Эжве.
Сто локтей в долину будет
Голове той почернелой;
В вышину уж сажен десять».
Вот такое слово молвил
Музыкант в великом страхе,
Оробелый не на шутку.
Голова уста открыла,
Слово вещее сказала:
«И куда же вы плывете,
Дети пармы отдаленной,
Кто велел вам, кто позволил
По хребту реки привольной
Безрассудно плыть все дальше?
Не пущу я дальше шагу,
Тут вы стойте века в веки».
Нечто страшное сказала
Голова та великана.
Ярый Ошпи Лыадорса
Тут во гнев пришел он сильный,
Губы-челюсти трясутся,
Ударяет он зуб о зуб,
Медное копьё берет он,
Голову пронзить желает
Сразу, с маху, без разбора.
«Стой ты, Ошпи Лыадорса,
Не сердись ты зря, некстати»,—
Слово доброе промолвил
Яур, князь рыжебородый.
Продолжал он речь такую:
«Голова ты великана!
Слушай доброе известье!
Мы герои синей пармы;
И плывем мы в Биармию;
Мы желаем деву Райду
В жены взять себе навеки,
Синеглазую, на пармы —
Райду белую на Эжву.
Пусть живет она в избушке
В послушаньи мужу-князю,
Оксонора, дочь святая,
Биармии цвет весенний,

Близ студеных волн растущий,
Близ туманов океана.
Та красотка, дева-чудо,
Манит нас все дальше, дальше,
Удержаться нет нам силы.
Ты же слушай нас, героев,
Чудной Пармы многогорной,
Не перечь нам словом-делом,
Принесем мы жертвы в нарме
Голове твоей всесильной.
Знамо, великан могучий
Языком твоим владеет.
Может быть, ты — Куль наш древний,
Бог подземный, всемогущий?»
Голова ответ держала,
Слово молвила такое:
«Я не Куль, не бог подземный,
Витязь я из гор Тиманских,
Великан Ягморт из Джеджим,
Сын лесов и светлой тундры.
Приходили, приплывали
Из-за моря иноземцы,
Те варяги, издалека;
Грабили они кумирни,
Золото, меха собольи
В красных лодках увозили
На подарок полногрудым
Женам, деткам миловидным.
Защищал страну родную,
Берега Двины великой
Я немало, избивая
Вражьи силы супостатов.
Силой чар, волшебным зельем
Усыпили злоковарно
Недруги меня однажды;
Голову затем срубили
С плеч широких великана.
Уничтожить силы духа
Не могли же. Я остался
В устье Эжвы серым камнем
И утесом молчаливым.
Голова моя лежит здесь,
В переливе вод текучих,
В узком каменном проливе

Посреди седых, отлогих
Островов немых, недвижимых.
Вот я кто, о дети пармы.
Путь-дорогу я открою
Вам, счастливым, в устье Эжвы;
Вы плывите в Биармию,
Райду белую добудьте,
В Джеджим-парму привезите.
Яур ты, рыжебородый,
Мил ты стал мне словом добрым,
Словом сердце ты угладил,
Сердце бурное Ягморта.
Ты герой не безрассудный,
Исполать тебе, мой Яур!»
Голова тут приумолкла,
В черный камень превратилась;
Стала вновь осторребристым
Тем утесом меж камнями,
Близ реки желто-стеклянной,
Средь камней седых, недвижимых,
Посреди отлогих, серых
Островов, травой покрытых.
Издивилися герои;
Вышли дальше, на равнину
Вод великих, быстротечных.
Тут Двина уж протекала
Многодумно, величаво.

РЫМДА, СТРАЖ БИАРМИИ

Старая сосна стояла,
 Древняя сосна на парме,
 На холме том двухголовом;
 Шишки желтые висели
 На ветвях ее согбленных;
 Покачав вершиной острой,
 Прошуршав ветвями тихо,
 Хвоей, иглами любясь,
 Пурпуром коры-одежды,
 Мудрая сосна сказала,
 С шуточкой и ненароком
 Слово бросила такое:
 «Многодумные сестрицы,
 Сосны, ели на увалах
 Вдоль Двины-реки привольной!
 Вы, безгрешные красотки,
 Дочери лесов безбрежных!
 Вы подумайте, скажите,
 Как нам быть и что нам делать?
 Чудо-чудное случилось:
 Чужестранцы к нам приплыли,
 Жители гористой Перми
 С Джеджим-пармы отдаленной,
 С синеоблачной вершины,
 Гор Тиманских, страп востока,
 С тех верховьев желтой Эжвы,
 Что в Двину впадает устьем.
 В утлой лодке появились
 За невестой в Биармию,
 Дочерью царя Оксора,—
 Яур, князь рыжебородый,
 С ним же Ошпи Лыадорса,
 И Вэрморт, игрок великий,
 Струп оленьих волнователь,
 Песнопевец несравненный.
 Поразмыслите, сестрицы».

Гор-холмов святых цевницы,
 Покачавши головами,
 Пошептавшись меж собою,
 Девы леса так сказали:

«Мы не знаем, что подумать,
Что сказать нам, не взгадаем.
Воля высшая идет ведь
С крыши неба, стран воздушных.
Все приказы с небосклона,
С вышины, с чертогов Бога;
Ветхий днями проживает
Во дворцах серебро-хрустальных,
Среди звезд наш Ен великий;
Он все знает, он и скажет, —
Радугу должно спросить нам:
Этот бык полей небесных
Скоро спустится на землю,
Чтоб испить воды сладчайшей
Из озер и рек великих.
Птица Рык гнездо имеет
На горах Уральских сдревле,
Божьи яйца согревает
Близ стремнин пурпуноликих.
Эти яйца ведь начало,
Свету вольному причина.
Ведает все божья птица,
Рык все знает и нам скажет,
Как нам быть и что нам делать».
Так сказали сосны, ели,
Глядячи в глаза друг другу.
Шёпот нармы услышал тут.
Рымда с длинной бородою —
Злоковарный брат Оксора,
Биармии страж великий —
Рассердился он не в шутку,
Потрясая головою:
«Как?! Осмелились герои,
Яур, князь рыжебородый,
Сильный Оппи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
К нам явиться без приказы
И без зова, в Биармию?!
Что же дальше остается —
Нам бежать с Двины великой
В тундры темные подальше?
Баба всякая обидит
Рымду без труда, печали!
Вырвут бороду мне дети!

До чего же постарел я,
Изменился под конец я!»
Так кричал кузнец искусный,
Сильный воин старый Рымда;
Восклицал он у кумирни,
Где богам своим молился.
Тут спросил он у Вэршуда —
Как тут быть и что тут делать.
Но молчал Вэршуд премудрый,
Бог домашний, бог хуалы,
И что думал, неизвестно.
Счастья, жизни и удачи
Древний бог тот прозорливец.
Услыхал медведь, сын леса,
Рымды крик и слово гнева
И сказал своей подруге,
Той медведице матерой:
«С топором наш вышел Рымда,
Будет бить он иноземцев,
На Двину прибывших с пармы,
Побежим скорей на берег,
Поглядим на диво-чудо,
На резню мужей великих».
Побежал медведь на берег,
И медведица с ним вместе,
Чрез болота, горы, доли.
Серо-бурый волк проснулся,
Услыхавши тяжкий топот,
Взволновался, разбежался
Через кочки и колоды
Старых сосен, древних елей.
Волк кричал всем: «Ой, бегите,
Рымда вышел на сраженье,
Вороги пришли внезапно
В край родимый, в Биармию!»
Длинноухий испугался,
Пучеглазый белый заяц,
Скачет вправо, скачет влево,
А лиса тут устремилась
Прямо на берег обрыва.
Дочь леса — эта Ера,
Лось огромный, матерелый —
Просыпалась и вставала,
Почесалась о деревья,

Поразмыслила, гадая.
Взволновалась, побежала,
Угрожая всем рогами
И копытом всех топтала.
Взгляд серьезный был у Еры,
Дума мрачная во взоре.
Птицы гор, ущелий диких
Услыхали крики Рымды,
Стаей черной прилетели
На зов Рымды, крики гнева.
Клокчет коршун чернокрылый
И кружится над рекою,
Ястреба летают ниже,
Зорко смотрят на добычу —
Лодку утлую на волнах;
Черный ворон ожидает
Славной битвы с нетерпеньем.
Услыхали по деревне
Мужи сильные, герои
Крики Рымды, восклицанья.
И бегут все тут толпою,
Берегом идут поспешно,
В лодках едут торопливо —
Стаей птиц ладьи собрались.
Топорами потрясают
Витязи Двины великой,
Дивные мечи блистают
Над рекою сипеструйной,
Блещут копыя у героев.
Сильный Ошпи взволновался,
Он за меч берется острый,
За копые рукою взялся
Яур, князь рыжебородый,
Доброе он молвил слово:
«Ой, Вэрморт, чревовещатель,
Спой-ка песню древней пармы,
Слово древнее скажи ты,
Чтоб уснули вражьи силы,
Чтоб мужей расслабили силы!»
Заклинатель знаменитый,
Чаровник тот прозорливый,
Песнопевец древней Перми,
Он запел, Вэрморт великий,
Заиграл он, взволновался!

«Пурпур, золото Корунды —
Песнопенья древней пармы;
Луч вечерний, звезды утра —
То сказанья Джеджим-пармы;
Звук металла, меди красной,
Чистой стали волнованье,
Луч полдневный, жарко-зпойный —
Наши сказки горной Перми!
Резьбы трав, лесов узоры,
Пчел жужжанье в час заката,
Птичьи гнезда на деревьях,
Кукованье одинокой
Как-кукушки пестроцветной,
Воркованье божьей птицы
В синеоблачных чертогах,
В горной выси волн воздушных.
Перь святая на увалах,
У истоков рек великих,
На узлах дорог Востока!
Облака — то звезда птицы,
Птицы — солнце на закате,
Звезды яркие — то гроздь
Занебесной той рябины:
Корешки в земной утробе,
А вершина в чреве неба.
Ясный месяц — пастырь неба —
Выгоняет бык-корову,
Радугу, с полей небесных
К водопою на озера.
Солнца сын — огонь небесный,
Он печется о цветеньи
Жизни чудной повсеместно.
Ен великий кистью белой,
Он провел дугу на небе
С севера на юг далекий;
Божьи птицы знают это
И летают то на север,
То на юг, но путь небесный
Зная твердо, незабвенно.
Есть там книга золотая,
На столе у Бога неба.
В этой книге заповедной
Было сказано давно уж:
Яур, князь рыжебородый,

Тот хозяин синей Эжвы,
Сысолы той красногорной,
Будет мужем он когда-то
Биармии девы чудной —
Райды белой, синеглазой.
Так случится, все так будет;
Слово книги занебесной
Сбудется неизреченно.
Многославные вы мужи
Знаменитой Биармии,
Бесполезно Вам сражаться
С птицей Рык, с веленьем неба;
Птица Каленик за нами
Огни-перья рассыпает,
Стрелы сыплет безо счета.
Вы усните, во дремоту
Погружайтесь и так спите,
Звуки домбры вас разбудят,
Если будет то угодно
Князю Перми многославной».
И уснули птицы, звери,
Погрузились во дремоту
Все герои; сам тут Рымда
Превратился в камень серый,
Неподвижный, мхом обросший
От числа годов бессчетных.
Лодки все окаменели.
Тишина была святая
Над рекою, над лесами.
И герои пармы древней,
Яур, князь рыжебородый,
Сильный Ошпи Лыадорса
И игрок Вэрморт великий,
По Двине все плыли дальше,
В царство славное Оксора.

Х

ГОРОД КАРДОР

У студеных волн, покрытых
Бурной пеною прибрежной,
У приборов, покровенных

Тенью длинной у обрывов,
Мрачных скал, прикрытых льдами,
Красный город возвышался,
Город Кардор многославный.
Как рубин, он среди леса.
Красным камнем средь топазов
Возвышался этот город
Над равниной травянистой,
Среди тундры, мхом обросшей,
Белым ягелем хрустящим.
Там олени вокруг бродили,
Лоси старые в оградах.
Лайки-псы их сторожили,
Тупомордые собаки.
Хвост крючком у них, мохнатых,
Тонконогих, быстрых в беге.
Лайки-псы опережали
Быстроногих тех оленей
И в стада их собирали
В час вечерний, в час заката.
У ворот, у стен дощатых,
Земляным прикрытых валом,
Тупомордый, толстоногий
Тот брехун невыносимый.
Лаает утром, в полдень воет,
В небо глядя бестолково;
В час вечерний зубоскалит;
На цепи он, лёс, собака,
Медное кольцо на шее
Той собаки нестерпимой.
Цепью медною прикован
К городским столбам высоким.
У ворот тех биармийских
Цербер Севера вот брешет.
Он немолчно лаает, воет,
Сильный голос возвышает,
Пред бедой визжит он громко.
То стоит, то ляжет на бок,
Мрачным воем наполняя
Всю округу в диких тундрах.
На стене же днем и ночью
Кот огромный всюду бродит,
Сказки древние прохожим
Шепчет в уши о минувшем.

Песнь заводит беспрерывно
Кот сибирский с дальней тайги,
С тайболы той дико-мрачной.
Пред бедою шибче стонет
И мяучит скорбно-слёзно.
В тундрах, в поле отдаленном
Ряд кумирниц за тем валом,
Мхом обросшим и травою.
За стеной же за зубастой
И под кровлей тех кумирниц
Бог Юмала биармийский;
Голова у бога неба
Золотая, серебро же
Покрывает руки, плечи;
Вырезные ноги, пальцы
Из той ольхи мягкой, гибкой,
Желто-красной, глянцевитой.
Вкруг Юмалы, бога неба,
Боги прочие стоят там —
Боги вод, лесов великих,
Вихря буйного на тундрах;
Полпогрудые богини —
Те в шушунах светло-синих
Величаво все стоят там,
В волосах у них падеты
Ленты алые до полу.
Пурпур-занавес при входе
Закрывает двери капищ
Стародревних, величавых
Тех времен, давно минувших.
Как береза посредь ивы,
В Кардоре том многославном
Меж избушек желто-красных
Синий терем возвышался,
Царский терем, дом Оксора.
Из слюды там были окна,
Из слюды прозрачно-синей.
У окна сидел сам Оксор,
Мудрый царь. Он, сын Рамдая,
Был владыкой Биармии.
С ним же рядом дочь сидела,
Благомыслящая Райда.

ОКСОР И РАЙДА

Доброе тут молвил слово
 Сын Рамдая, древний старец,
 Гладя бороду седую:
 «Дочь моя, всех тундр хозяйка,
 Берегов Двины широкой,
 Кардора Святая дева!
 Как же быть нам, что нам делать?
 Весь народ Двины привольной
 Погружен в дремоту ныне
 Колдовством тех чужеземцев,
 С Джеджим-пармы к нам приплывших.
 Рымда наш, тот страж могучий,
 В камень обращен Вэрмортом,
 Игроком тем знаменитым,
 Волнователем струн домбры.
 И плывут к нам ближе, ближе
 Яур, князь рыжебородый,
 С ним же Ошпи Лыадорса,
 И Вэрморт из неснепевцев,
 Домбры ветхой волнователь;
 И хотят они неволей
 Увезти тебя на Эжву,
 На вершины Джеджим-пармы,
 Чтоб была женой покорной
 Яуру — владыке Перми.
 Допустить же невозможно
 Волка старого в овчарню
 И медведя в круг олений,
 Коршуна к домашним птицам.
 Я решил со всем народом
 Нанести удар тяжелый
 Варварам далекой Эжвы
 И гостям, никем не званным,
 Тем пришельцам с Джеджим-пармы.
 Напущу собак на них я,
 Медные с них снявши цепи,
 Псов-собак свирепо-диких:
 Растерзают в миг героев
 Славной Перми многогорной
 У ворот собаки злые.

Кликну клич по всей я тундре,
Светлой тундре, мхом обросшей
И медвяною травой,
Можжевательником колючим;
Призову Яранов черных
В бой великий, смертоносный.
На оленях, в легких санках
Все придут самоды
Кардора к защите верной.
Старец древний, сам возьмусь я
За копьё и меч двуострый,
Прогоню врага от стен я,
Красный город охраню я
Грудью старца в лихолетье,
В час беды, в час пеминучий».
Благочестная тут Райда
Слово вещее сказала,
Синеглазая царевна
Берегов Двины великой,
Тундр широких беспредельных:
«О, позволь, отец, сказать мне,
Слово доброе промолвить.
Волос долог у девицы,
Разум наш короток женский —
Как проходят дни за днями
В век короткий человека,
В этот миг один летучий
Жизни смертной, быстротечной.
Пусть луна течет по небу,
Зная путь свой предреченный,
Солнце же плывет на запад,
Исполняя слово Бога,
Старца неба, что над нами;
Во дворцах хрустальных сидя
На престоле из алмазов,
Из корундов и топазов,
Он вершает, глядя книзу,
Все дела земли и неба».

ПОХИЩЕНИЕ РАЙДЫ

Яур, князь рыжебородый,
 Сильный Ошпи Лыадорса
 И Вэрморт, игрок великий,—
 Вниз плывут все дальше, дальше
 По Двине, реке свободной —
 Все на Север, край полярный,
 К птице Каленек поближе,
 В город Кардор желто-красный,
 К морю белому, на тундры,
 В край туманный, в область мрака.
 Уменьшаются там ели,
 Поредели сосны в пармах,
 Ростом ниже все деревья;
 Березняк пошел зеленый,
 Кедров вовсе уж не стало.
 Открывались тундры взору
 И болота шли навстречу,
 Островов встречались стаи,
 Мшистым ягелем покрытых.
 С севера подули ветры,
 С волн студеных океана.
 Город Кардор показался
 Над водою красно-светлой:
 Город весь кольцом охвачен
 Красною стеной с зубцами;
 Вал земляной защищает
 Эти стены; всюду башни
 По углам стены дощатой.
 Лай собачий раздается,
 По волнам он вдаль несется,
 Гул ужасный, нестерпимый.
 Пес-собака, пестрый дербер,
 У ворот он лает с визгом,
 Воет, ноет, подняв морду;
 К небесам он взгляд свой дикий
 Устремляет, рвёт он землю
 Под ногами сильной лапой;
 Цепи медные грызет он,
 Их порвать стараясь злобно.
 Кошки черные на башнях

Вдаль глядят, мяучат хором,
Бешенно хвостами движут
Дико-злобно, подняв кверху
Черные хвосты на воздух.
На героев Джеджим-пармы
Пуще лают те собаки,
Злятся кошки; с визгом цербер
Ударяет в землю лапой.
Сильный Ошпи испугался,
И Вэрморт струхнул не в шутку.
Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут слово молвил:
«Ой, Вэрморт, игрок великий,
Заиграй-ко ты на домбре,
Ветхой домбре синей нармы,
Спой-ко песню, песнь Востока,
Песню мудрости великой».
И Вэрморт ударил в струны,
Пятью пальцами ударил —
Струны все зарокотали,
Волновались, оглашая
Синий воздух над водами.
И запел Вэрморт великий,
Он запел и вдохновился.
«Над землею полог неба,
Вкруг земли же — сине-море,
Под землею — бездна моря,
Океан там неподвижный,
Тот хрусталь зелено-желтый.
Он порою дышит грудью,
Грудью полною, бездонной.
Там киты роятся стаей,
Эти дети океана,
И чудовища морские,
Неизвестные нам, людям.
Мать-земля же неподвижна,
На морях лежит покойно.
Пена моря — мать сырая —
На волнах лежит недвижно,
Лишь порою вздрогнут груди
Матери-земли великой
От любви к беспечным детям,
Беспомощным, краткотечным.
Солнце и луна купают

Лик священный свой в час ночи,
В океане чистом образ
Свой небесный, дети Бога.
А по дням же озаряют
Грудь земли, приятно-ликой,
Обе щеки освещают
Матери земли прекрасной.
Проведён хребет Уральский
С Севера на Юг далекий,
Поперек земного круга
Крепости великой ради;
Трещены чтоб не бывало
В той коре земного круга —
Изначала и доньне.
Божий мир, ты светлый, дивный!
Улыбнися! Ты — невеста
Бога горного на небе!
Биармийцы, вы уймитесь!
Успокойтесь, примиритесь!
Чужеземцев вы встречайте
С хлебом, с солью и с поклоном;
Ради цели бескорыстной
К вам приплыли в утлой лодке
Те герои дальней Перми —
Яур, князь рыжебородый.
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок велпкий».
Раздались звуки домбры
Звуки домбры на закате,
Долетели до царевны.
До царевны светлой Райды.
«Что за звуки долетают
С берегов Двины великой?
Что за звуки льются в сердце?» —
Так сказала тут царевна,
Слово молвила девица;
Приказанье тут давала
Всем домашним, царским слугам
И служанкам своим верным:
«Вы идите к иноземцам,
К меднокованым воротам,
Поспешайте и зовите
Всех гостей в высокий терем,
В царский терем приглашайте».

Слуги царские толпою
К меднокованым воротам
Побежали торопливо
Дружную же чередою;
И народ весь направлялся
Вместе с ними суетливо.
Что же видят, что за чудо?
Псы-собаки все умолкли,
В сон глубокий погрузились
И лежали все рядами,
Точно люди, у дощатых
Городских тех стен великих
И на валах на земляных.
Цербер-пёс, он тож уткнулся
В яму головою старой
И хвостом лежит к воротам,
Погруженный в сон глубокий;
Обессилен был он пеньем,
Песнопеньем древней добры:
Ослабели лапы, пала
Голова на серый камень,
Зубы белые на солнце,
Те блестели, не пугая
Никого уж из живущих.
Кошки черные на валах
Тож вздремнули не на шутку:
Мирно спали и мяукать
Перестали страшным хором;
Их хвосты висели с башен
И со стен немых с зубцами,
Никому не угрожали
Более движеньем грозным.
Птица коршун там летала
Над лесами и над тундрой,
Речь промолвила такую:
«Птицы божьи, соберитесь!
Лебедь старый, белокрылый,
И ты, утка, птица-пэтка,
Селезень зелено-синий,
И вы, гуси-домоседки,
Журавли с низин болотных,
И гагары с черным клювом,
Ястреба со скал Уральских,
Филины — ночные стражи,

Безымянные все птицы —
Все слетайтесь поскорее,
В город Кардор направляйтесь.
Чудо чудное случилось:
Чужеземцы вторглись в город,
В царский терем — гости Перми,
И хотят они царевну
Райду белую взять замуж,
Увезти на дальний берег
Вычегды широко-вольной».
Взволновались птицы тундры,
Вдохновились, полетели,
В город Кардор отдаленный
Посмотреть на это чудо.
Увидали чужеземцев —
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий
В ворота вошли поспешно,
К терему идут все трое
И шагают торопливо,
Слуги царские вокруг них,
Весь народ идет за ними.
У окна сидела Райда,
Синеглазая царевна.
Сняв сюду с дощатых окон.
На героев тех смотрела
Из окон в зеленых рамах,
Любовалась князем Перми.
Яур, князь рыжебородый
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Там стояли под оконцем
И царевну выжидали.
Как она покинет терем.
А на троне сын Рамдая,
Царь Оксор, всех тундр хозяин.
Погрузился в сон глубокий.
И не знал он и не ведал,
Что творится у окна там.
Слово молвила царевна,
Синеглазая девица:
«Ой, герои Джеджим-пармы,
Разбудите Вы Оксора,

Пусть проснется он, отец мой,
Ласково он всех вас встретит,
Примет вас с почетом должным».
Яур, князь рыжебородый,
Тут ответ держал он здраво,
Мудрое сказал он слово:
«Некогда нам оставаться,
Поспешай, царица Райда,
Псы-собаки ведь проснутся,
Цербер голову поднимет,
Изгрызет он нас, героев.
Выходи из дома, Райда.
На берег иди ближайший,
Лодка всех там ожидает,
Лодка утлая на славу».
Весь народ тут рассердился
На слова Яура-князя,
За мечи взялись, за копыя —
Старцы древние взялись,
Все герои Биармии
И подростки за оружие,
Из домов смотрели жены
И сердились не на шутку
Все красотки Биармии
На пришельцев с Джеджим-пармы.
Тихо, тихо задрожали
Струны домбры синей пармы,
Осторожно зазвучали,
Застонали, прослезились
Струны домбры старо-древней.
То кукушка куковала
Так печально-одиоко;
Чайка белая стонала
Над рекою светлоструйной,
Али сосны зашуршали
На горах Уральских в пармах,
У ворот Сибири дальней,
У студеных волн залива
В океане близлежащем
На закате за туманом,
На горах ли синь-зеленых
Изо льда, на бурном море.
И уснули биармийцы —
Все герои, жены, дети

В сон глубокий погрузились.
Белолицая царевна
Вновь сказала слово правды,
Хитрую дала загадку:
«Яур, князь рыжебородый!
Пристрели ты мне оленя,
Принеси его сюда ты
И положи там, на крылечко,
Красное крыльцо Оксора —
Дабы видели, спознали,
Что умеешь прокормить ты
Верную супругу в пармах
И детей, рожденных ею».
Яур-князь, владыка Перми,
В руки взял он лук великий,
Натянул тетиву спешно
И пустил стрелу из меди:
Он поранил там медведя,
В желтых тундрах, близко к морю.
И вторую он пускает
На восток, к горам далеким —
Волка бурого убил он
Той каленою стрелою,
Волка бурого близ леса.
Третьего стрелою ранил
Лося за рекой Двиною,
В светлой стороне заката.
И на юг на красный берег
Он четвертую пускает
Острую стрелу из меди —
И в оленя попадает.
Сильный Ошпи Лыадорса
Поспешает на тот берег
И оленя он приносит
На плечах своих могучих.
На крылечко тут кладет он,
Красное крыльцо Оксора.
Улыбнулась царевна:
«Яур, князь рыжебородый,
Скуй кольцо мне золотое,
Обручальное колечко,
Дабы видела, спознала,
Что обмана нет нигде тут
У героев древней пармы,

Пожелавших меня замуж
Взять неволей или волей
За владыку, князя Перми».
Сильный Ошпи Лыадорса
К кузнице тут поспешает,
К кузнице царя Оксора,
Угли в горн он побросал там,
Пламень он раздул великий,
Кузницы меха приводит
Он в движенье торопливо,
И меха воловьей кожи
Ветры сильно раздувают —
Ярче пламень возгорает.
Сильный Ошпи Лыадорса
В руки молот взял огромный
И кует и припевает:
«Золото, дитя Урала,
Размягчися поскорее
И в кольцо само согнися,
В обручальное колечко
Для царевны белолицой.
Вихорь буйный, помоги мне,
Бог подземный, поспешай ты
К кузнице царя Оксора!»
Как принес тут сильный Ошпи
То колечко без изъяна,
Выкованное чудесно,
Яур, князь рыжебородый,
Взял кольцо в свои он руки
И надел он белой Райде
То колечко золотое
Да на палец безымянный.
На руке царевны мудрой
Ярким солнцем засияло
Обручальное колечко;
Круг-кольцо, он был подобен
Перьям птицы небесной,
Птицы Каленик священной.
Улыбнулась царевна,
Вновь сказала слово правды:
«Пусть споет теперь волшебник
Вагн Вэрморт, игрок великий,
Песнь прощальную для Райды,
Песню радости и горя,

Песнь разлуки с Биармией,
Со страной моей прекрасной».
Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут молвил слово:
«Мудрая царица Райда!
Нет, нельзя нам в это время.
Все проснутся — те собаки,
Кошки черные на башнях;
Растрезают чужеземцев,
Нас, гостей твоих, царица».
И заплакала тут Райда,
Знаменитая царица,
Синеглазая красotka,
Украшенье Биармии,
Слава Севера доныне.
Как алмазы, лились слезы
Из лучистых глаз царицы,
Как роса в траве зеленой
В утра час порою летней.
С нею вместе лили слезы
И герои Джеджим-пармы —
Яур, князь рыжебородый,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий;
Рукавом они те слезы
Оттирают торопливо —
На щеках бы морщинистых,
Загорелых, огрубелых
Не видала б слез царица.
И покинула царица
Златоверхий терем, Райда.
Тут пошла она на берег,

Вместе с нею чужеземцы;
Села в лодку князя Перми,
Поплыла она меж ними
По реке Двине великой.

ХІІІ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЕВ

День один, другой, и третий,
Уж десяток насчиталось —
Все плывут герои наши,
Вместе с ними и царица,
Благочестная девица
Знаменитой Биармии.
В устье Эжвы уж проникли,
Вычегды-реки широкой;
Острова все миновали,
Отмели, мысы остались
Позади, вдали тумана.
Вновь запел Вэрморт-кудесник —
Лишь теперь он вдохновился.
Он ударил в струны домбры,
Пятью пальцами коснулся
Струн священных, полных силы,
И запел он, вдохновенный:
«Чудо дивное случилось!
Мы звезду сорвали с неба,
Тайны неба принесли мы
Вниз, на землю, чудодейно:
Посмотрите — Райда в лодке,
В утлой лодке князя Перми!
Именитая царица,
Кардора цветок весенний,
Дочь Оксора — чародейка
Многославной Биармии!
Здесь она, меж нами, в Парме!
Что за радость, что за счастье!
Горний цвет и миг блаженства!
С моря-океана жемчуг
Мы достали песнопеньем.
Миг великий, миг священный!
Ты застынь, остановись здесь!

Боле ничего не надо,
Будущего нам не нужно,
Прошлое исчезло также!
Яур, князь рыжебородый!
О, взгляни на деву Райду
И усни в блаженстве вечном!
Знай, звезда упала с неба
И в руке твоей блистает,
Озаряет мир лучистым
Взглядом вышины небесной.
И ты, Райда, веселися,
Сердцем радуйся, царевна!
Севера дитя, красотка,
Алый венчик дикой розы,
Лепесток ромашки белой
В золотистом поле, в пармах,
Где ячмень растет привольно,
Желтый злак между травой!
Красный клевер ты, царевна,
Близ берез зеленокудых!
Белый клевер на полях ты,
Средь лугов тех ароматных!
Ты красуйся в горной Перми,
Ласточкой живи меж нами.
В горницах красуйся в светлых.
Посмотри, над нами крыша —
Меднокованное небо —
Алой лентою румяной
Опоясано по краю;
Темя неба — синь, лазурь там;
Солнце нас не забывает,
И луна плывет над Пермью!
А над небом — древний старец,
Енмар-Бог неизреченный!
Во дворце, за сводом неба
Он читает книгу правды
И вершает по законам
Все дела земли и неба.
Дом его — хрусталь зеленый,
Стены — чистые алмазы,
Крыша — сталь лазури звонкой,
Пол — небесный свод и звезды.
Горнему внимай ты, дева,
И живи спокойно в пармах!

Яур, князь рыжебородый,
Опираясь на советы
Мудрой девы Биармии
Как на каменные горы,
Совершит немало дел он
И великих и полезных!»
«Слышны звуки с желтой Эжвы,
Чьи-то звуки золотые!
И Вэрморт колеблет струны,
Струны домбры старо-древней», —
Так деревья все сказали,
Глядя с берега на лодку,
Яура ладью на волнах.
Взволновались тут сосны,
Ели, пихты и березы,
Жимолость в ложбинах старых,
Ольхи красные в низинах
И черемухи на тайгах,
Ивы гибкие близ Эжвы,
Матушки реки великой,
Челядь прочая повсюду
И кустарник дикой розы —
Тот шиповник на вершинах
Красных гор, вблизи увалов,
Можжевельник невысокий,
Липы, скромные малютки,
Волчьи ягоды в долинах —
Серьги красные в ушах их,
И рябины-честолюбцы
С гроздьями пурпурных ягод,
Кисло-горьких чрезвычайно.
Лиственница, дочь леса,
Речь держала по-иному,
Обратившись к сестрицам:
«Издивитесь, сестрицы,
Чуду новому меж нами
И неслыханному раньше.
Яур, князь рыжебородый,
Косолапый сильный Ошпи
И Вэрморт, кудесник славный,
В древний город поспешили,
Красный Кардор знаменитый,
Усыпили Биармию
Песнопеньем чудодейным,

Усадили в лодку князя
Райду, мудрую царевну,
Привезли сюда с собою
В утлой лодке невеликой,
В малой лодочке проворной.
Вот она сидит меж пими,
Дочь солнца с Бела моря.
Всю Двину они проплыли
И живые все вернулись;
Век не слыхано то раньше
И невидано то было».
Зашумели все деревья,
Головами закачали,
Руки-ветки поднимали
В синий воздух, к крыше неба;
Песнопеньям предалися
Все деревья в синей парме:
«Шилих-лили-сине-гили,
Торо-гото-ара-гили-
Роко-тото-гымда-гато,
Ули-лили-пуаня».
Звуки песен тех деревьев
Услыхали звери, птицы,
Заорали, закричали,
Загудели, затрубили,
Заревели и запели,
Голосили, выли, ныли,
Зацелкали, замурчали,
Засвистели, зашумели,
Запорхали, взволновались,
Побежали все на Эжву,
К Вычегде хрустально-струйной;
Страшный топот тут поднялся,
Гул и звон тут раздавался.
И холмы все зазвучали,
Горы сини зазвенели,
Небо тучами покрылось —
Стаей птиц заволоклося.
Что за диво тут случилось,
Чудо-юдо приключилось!
Яур, князь рыжебородый,
Доброе промолвил слово:
«Что за тонот раздается
С берегов звончато-гулких

И с холмов тех отдаленных,
Что за тучи там, на небе —
Облака вдруг поднялися,
Солнце красное закрыли?»
И Вэрморт, игрок великий,
Он ответ держал разумно:
«То не тучи, а соборы
Птиц, пернатых песнопевцев
Поднебесных в синей выси;
Топот гулкий раздается
От шагов зверей огромных,
К нам бегущих, к синей Эжве.
Звери, птицы нас встречают
И с почетом принимают
Деву Райду, дочь Солнца
И Луны золотоликой,
Госпожу свою навеки».
Тут всплакнули все герои,
Умиленные душою;
Как алмазы, лились слезы
По щекам царевны Райды.
Ночь прошла, настало утро.
Новый день великолепный
Проходить стал над странною.
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
С ними Опши Лыадорса —
Вверх по Вычегде плывут все,
К Джеджим-парме вдаль стремятся.
Яур-князь, владыка Перми
Слово мудрое промолвил:
«Посмотрите-ко вы, братцы,
Вы послушайте с вниманьем:
Где-то топот раздается
И становится все ближе.
Нет ли где погони тайной?
Час неровен, осторожность
Не мешает человеку,
Все бывает в этом мире
Коловратном, переменном —
Дождь сегодня, завтра солнце,
И обратно тож бывает».
Тут Вэрморт, игрок великий,
Речь держал он по-иному:

«Вон я вижу самоеда,
Самоеда с Биармии,
По одежде вижу ясно;
На оленях поспешает,
К нам в догонку он стремится,
Вот и голос раздастся».
И гонец тот Биармии
Закричал с горы высокой:
«Яур, князь рыжебородый,
И царевна, дочь Оксора,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Вы послушайте словечко,
Ведь насилиу я догнал вас
На оленях быстроногих!
Царь Оксор уже проснулся
Править начал вновь страную.
Весточку он посылает
И добра он вам желает,
Шлет привет свой князю Перми
И любовь свою царевне,
И на брак благословенье.
Гнева нет в душе Оксора,
Любит всех душой великой
И на свадьбу он приедет
В дальний Джеджим вверх по Эжве.
Биармийцы все проснулись
И с прошедшим примирились,
Кошки черные на бапнях
Вновь мяучат прежним хором,
И собаки вновь уж лают,
Также дербер, пес великий,
Ноет, воет с визгом, гиком
И хранит он, как и прежде,
Город Кардор многославный.
И воскрес уж Рымда-воин —
Он из камня в человека
Превратился, стражем стал он,
Как и встарь, всей Биармии».
Так кричал с горы высокой
Самоед, гонец проворный
И обратно тут поехал
На оленях быстроногих,
В санях мягких, вдаль скользящих

По траве зелено-желтой.
Путь направил в Биармию,
Восточку царю Оксору
О царевне тут понес он,
Что жива-де дочь Оксора
И плывет-де в малой лодке,
С Яуром стремится в Джеджим.
А царевна прослезилась,
Плакала о Биармии,
Об отце своем о славном.
По щекам лилися слезы,
Те алмазы протекали,
В лодку падали на дно уж.
Тут ее утешил Яур,
Слово мудрое сказал он:
«Ты не плачь, царевна Райда,
Твой отец приедет в Джеджим,
Он на свадьбу к нам прибудет
И нас всех благословит он,
И на счастье, и на радость
Будем жить мы все спокойно».
Утерла тут слезы Райда
Белою рукой — алмазы,
Успокоилась надолго.
Вновь божественное утро
Наступило над рекою,
Неустанно вверх все плыли,
Беспрерывно вдаль стремились
Средь лесов могуче-вольных —
Многославные герои.
Желтые пески сменялись
Синью пармы многогорной,
Красным берегом порою,
Вдаль идущим, прямо в горы.
Миновалось устье Выми
Быстротечной, каменистой —
Древней Емвы желтоглазой.
Сыктив-ю затем остался
Позади уж у героев.
Пресекли и устье Локчим,
Той реки глубоководной.
Вишера их повстречала,
Желтоводная река та,
Но они не оставались

В устьях рек и дальше плыли.
Синие вершины Джеджим
Напоследок показались
В одно утро над рекою.
Поклонились тут герои,
Увидавши горы Перми,
Прослезились, взволновались.
Родина ждала их с лаской —
Матерью была героям
Джеджим-парма над рекою.
Дом сосновый увидали
На горе той Джеджим-пармы;
Дом родной свой видел Яур.
Туча черная поднялась,
Небо синее покрылось
Облаками так внезапно,
Солнца лик закрылся вскоре,
Гром ударил тяжко-грозно,
То не туча ведь была там
И не облако носилось:
Птица Рык закрыла небо.
Голос птицы прозвучал тут,
Словно гром небесный, грозный;
Птица Рык сказала слово:
«Яур-князь обратно прибыл
По моей великой воле
И привез с собою Райду;
Радуйся, живи по правде,
Делай всем добро и пользу
Принеси стране предгорной.
И ты, Райда, успокойся:
Сына принесешь ты вскоре,
Он придет ко мне на горы,
На горах Уральских будет
И увидит в пармах чудо:
То яйцо великой птицы,
Птицы Рык — судьбы железной».
Так сказавши, удаллась
Божья птица вдаль, на горы;
Тучи черные исчезли,
Солнца лик открылся снова,
Заблестал великолепный
День, как раньше, лучезарно.
Лодка утлая приплыла

К Джеджим. Вот остановилась
В устье речки светлоструйной.
Многодумно выходили
Тут герои все из лодки —
Яур, князь рыжебородый,
И царевна Биармии,
Сильный Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий.
Встали на песок прибрежный,
Мужиков тут увидали.
Все работники на пармах —
Яура они спознали,
К берегу все прибежали.
Женщины, подростки, дети
С криком, с шумом появились
Возле Эжвы многоводной,
Поклонился весь народ тут
Чужеземке именитой,
Дочери царя Оксора,
Словом добрым утешали
Жители горнистой Перми.
К дому князя подошли тут,
На крылечко поднимались
Яур и царевна Райда.
И вошли они в избушку,
В горницу вошли неспешно,
В белую светлицу в доме.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошел он
Возле речки светло-синей.
Он на гвоздь повесил домбру,
И — на отдых ту певицу
В хижине своей сосновой
С белоснежною стеною.
Сильный Ошпи Лыадорса
К кузнице шагн направил,
Что была там, в синей парме.
Он ковать принялся спешно
И мечи, и копыа князю.
Так вернулись те герои
В Джеджим-парму, стали жить здесь
Жизнью вольной меж деревьев
И в домах своих сосновых.
Райда часто выходила

Из избушки той сосновой.
Под ногами — белый ягель,
А кругом — светелка леса...
И мечтала тут царевна
О былом и о грядущем
И о сыне предреченном.

XVI

Силы высшие природы,
Горные ручьи и реки
Отдаленного жилища —
Рая-неба — притекайте,
Утолите жажду духа!
Духи неба, приходите
К одинокому скитальцу
И внесите думы сердца
К сердцу мира для слиянья.
От людей далек мыслитель,
Тайны мира все постигший,
Всем он чужд и непонятен.
В двери жизни он напрасно
С болью тайною стучится.
Род людской — он не услышит
Звуки песен нелюдимца,
Странника он прочь погонит.
Умереть он должен был бы.
Не погиб же оттого лишь,
Что есть Бог на дальнем небе.
Собеседник он прекрасный
И единственный — страдальцу.
Мой Отец. Велик ты, вышний!
Будь во мне, и жив я буду,
Стану петь и славословить
Жизни смысл в груди могучей,
Поспешай, любимец сердца!
Поселись в моей ты келье,
И тогда я успокоюсь.
Одобрения прошу ль я?
Никогда! Так приходи же,
Дух родной мой, снизойди ты!
Будь во мне — здоров я буду.
Он пришел. И домбру взял я,

Всеми пальцами ударил
В золотые струны домбры —
Прошлое воскресло снова.
Я живу здесь безгреховно,
Одинокий песнопевец,
И пою в пустыне дикой
Для себя и для деревьев,
Тех товарищей священных,
Соучастников в твореньи
Дум великих, незлобивых.
Боги леса, вы идите
К нам на пир великолепный
Дум прекрасных, вечно юных
И мечтаний голубиных,
Юности, давно минувшей,
Детства золотого в нарме
Многоречной, многогранной.

XVII

Мы расскажем и споем мы
На той домбре семиструнной,
Как наш Оксы, мудрый Яур,
Пригласил гостей на свадьбу —
И с Печоры отдаленной,
И с Двины широководной,
С Выми желтой, болотистой,
С Вишеры-реки прозрачной,
С травянистой тундры светлой,
Из-за гор Уральских синих,
Из Сибири беспредельной —
Отовсюду пригласил он.
Как он праздновал ту свадьбу,
Знаменитую доньне.
Что за гости приезжали,
Что за речи говорили
В временах тех отдаленных,
Кто чем славил день великий,
Выхвалял красу царевны
Райды, дочери Оксора.
Забывать никак невозможно
Дел минувших песнопений,
Подвигов скрижали в цармах.

Яур шлет гонцов к Оксору
В город Кардор отдаленный,
Также Рымду приглашает
С берегов Двины великой.
Тюреньшой сам на оленях,
В город Кардор он поехал
С первым снегом чрез болота.
Тюреньшой, волшебник Выми,
Тун-кудесник он народный
И пророк, и сердцеведец —
Он поехал в Биармию.
Друг почетный князя Перми
Чаровник и тун Вередня,
Он на лыжах на Печору
Путь держал порою зимней:
Пригласить владыку Югры
Сямдея он согласился.
Берендея, князь вогульский,
Приглашен он был Вэрмортом.
Того-Лого, тундр хозяин,
Извещен он был Вэрмортом,
Обоятелем и туном
Вишеры, страны холодной.
С дальней Лузы приглашали
Кочеморта, коновода
И правителя старою.
Бариткулу из Си[ндора]
Приглашали самоеды,
Яура друзья на тундрах.
А в кумирне возле леса
Яур-князь, принес он жертвы
Духу Ярморта из тундры,
Птице Каленик молился
Оксы Яур и на свадьбу
Приглашал он их усердно.

XVIII

Славьте, славьте Бога Енмар,
Бога неба, Бога правды,
Устроителя вселенной
И творца всех тварей мира.
Если будете послушны

Слову старца Комиморта.
Дальше он споет вам песню
О царевне белой Райде.
Если не ее бы воля,
Не был жив бы песнопевец,
Не дрожали б струны домбры.
Безболезненно, чудесно
Ен соткал все книги жизни
Комиморта-песнопевца
В ткань едино-чудодейну.
Превосходит мудрецов Он
Разумом своим великим
Многократно, бесконечно.
И дает наивным людям
Долголетье, силы жизни,
Разума порыв могучий.
И хранит, оберегает
Любящих Его святое
Имя во все дни, вовеки.

XIX

Льдом хрустальным и снегами
Уж покрылись горы, реки,
Все дремало в зимней сказке
Во дворце кристаллов ярких;
Пурпур солнца красил горы,
Покрывал румянцем реки.
В сновиденьях жили сосны,
В тихих сказках проводили
Время жизни пихты, ели,
Можжевельники, рябины,
Лиственницы, ольхи, липы.
В белых малицах сидели,
Прикорнув там, все деревья;
В совиках тех белоснежных
Тихо спали горы, доли,
Дивным грезам отдаваясь
Безмятежно, беззаботно.
О, зачем весь мир не сказка,
Сказка зимняя на парме?
О, зачем святые грёзы
Исчезают, как туманы

В утра час блаженно-вещий
И не длятся на закате
Беспрерывно, беспредельно.
Поднималось солнце юга
И на север приближалось.
Спины рек тут вверх поднялись,
Льды дворцов тут разломались,
И обломки понеслись
К морю дальнему, на север.
Стаи птиц летели с юга
Вослед солнцу торопливо.
А небесные гагары —
Белых облаков соборы —
Устремлялись в пармы, в тундры.
Как открылись реки пармы,
Гости славные приплыли
Отовсюду в Джеджим-парму.
Царь Оксор весною ранней
На оленях прибыл в Джеджим
Через тундры и болота,
Весь в меха куницы, векши,
Горностая тундр далеких
Был одет он, сын Рамдая,
С ним же вместе караваны
Биармийцев в белых пимах,
В совиках тех ярко-красных;
В их ушах висели серьги
Из кристаллов синих, красных.
Как тут Райда увидала
Старого Оксора, слезы
Полились из глаз царевны.
Как росинки в божье утро
На лугах дрожат, сверкая,
Так блестели слезы Райды
На лице ее прекрасном.
Щеки, руки целовала
Старого отца царевна;
Волосы ее он гладил,
Царь Оксор, рукою нежной.
Он приветствовал как сына
Яура, владыку пармы,
Пожимал рукою руку
Князя Перми многогорной.
В виде тура появился

Дух Ягморта величавый,
Стал ходить он вокруг дома,
Как журавль с далекой тундры.
Каленик же, прилетел он
С моря Белого на пармы,
Как матерый лебедь старый.
На крыльцо он вверх поднялся
Величаво и неспешно.
В лодке прибыл Берендея,
Князь вогульский; с ним же вместе
Лодок стая приплывала —
Именитые все гости.
На оленях прибыл Сямдей,
Югры царь он знаменитый.
Он с Печоры появился
С караванами оленей.
Горностай и черный соболь
Украшали князя Югры,
Драгоценные одежды.
Самодейский старшина тут,
Того-Лого, мудрый старец,
На собаках появился
И во двор он въехал важно.
На коне верхом приехал
Кичиморт с далекой Лузы,
С ним Лунморт, кудесник редкий,
С берегов чудесной Сыктыв.
Бариткула из Сибири
На оленях прибыл скоро,
С ним народы с гор высоких
Из-за Камня, за Уралом.
Тюреньшей, волшебник Выми,
Обоятель, тун-кудесник;
С Вишеры Войморт прехитрый,
Он на лыжах раньше прибыл.
Много, много именитых
Появилось на Джеджим
Витязей, гостей всё знатных —
Перечислить нам невозможно,
И нет сил имен запомнить.
Вот в хоромах белоснежных
Поместились герои,
Вкруг столов и по порядку
Сели чинно на скамейках

Именитые пришельцы.
Все приехали на свадьбу
Белой Райды многославной.
Возле Райды поместился
Царь Оксор, а по другую —
Яур-князь. А недалеко —
Птица Каленик, как лебедь
Матерелый, белоснежный.
Тури-Ягморт сел подальше,
Он за Яуром направо.
Прочие все гости рядом
На скамейках заседали
Величаво, грозно, чинно.
А Вэрморт, пророк великий,
Он сидел далёко, молча,
С ним же Ошпи Лыадорса.
На столах лежали рыбы
Рек прозрачных светлой пармы,
Птицы всех родов там были,
Яства вкусные дымились.
И предались насыщенью
Тихо, молча все герои.
Тут по знаку князя Перяш
Заиграл Вэрморт чудесный,
Пятью пальцами ударил
Он по струнам домбры древней.
Зазвучали, прослезились
Золотые струны домбры,
Слюды окон зазвенели,
Потолки жилища князя
Задрожали и запели.
Вздогнули сердца героев,
Взволновались тут мужи.
«Енмар! — восклицали гости,
Именитые герои. —
Не слышали, не видали
Никогда подобных звуков».
И Вэрморт, игрок великий,
Тут запел о Шудаморте,
Песню древнюю о тундрах.
«Шудаморт — он был у моря,
На краю земли великой
В пору зимнюю на лыжах,
У лукоморья вод замерших,

У холодных льдов хрустальных,
Во дворцах зеркально-льдистых
И зеленых тех избушках.
Дева солнца проживала
В замках светлых льдов гористых.
Птица Каленик летала
Над домами девы-солнца.
Лишь порою становилась
Дева чудная у окон.
Пурпур покрывал в те поры
Крыши всех домов хрустальных,
Стены ж синью окрашались.
Несказанно любовался
Шудаморт красою девы,
Сквозь слюду прозрачных окон
Созерцая с гор туманных
Льдов великих — деву-солнце.
«Выходи ты поскорее
Из дворцов своих хрустальных,
Несравненная девица,
Солнца чудо, из избушки.
На крыльце твоём стою я,
Шудаморт, жених прекрасный».
Так кричал со льдов зеркальных
Шудаморт; девицу звал он,
Деву-солнце из чертогов
Неизвестных, несказанных.
Не решилась дева-солнце
Выйти из дворца на берег,
Оставалась в чертоге
Медно-льдистом, покрованном
Северным сияньем неба,
Птицей Каленик чудесной,
Крыльями богини светлой.
Звезды неба собрались,
Много, много их там было,
И все звали деву-солнце:
«Выйди, выйди ты, красотка,
Без тебя темно ведь в мире.
Ты оставь дворец хрустальный,
Несказанный, медно-льдистый».
Не послушалась их дева
И в избушке оставалась.
Звезды плакали на небе,

Шудаморт решил с горя
Умереть на льдах хрустальных.
Тут медведица явилась
С малой дочерью своею.
Накормила Шудаморта
Сладким жиром пса морского,
Что лежит всегда при море.
Люди все зовут тюленем
Пса морского и лентяя.
Так медведица спасала
Шудаморта в лукоморье.
Серый волк порой являлся,
Приносил во рту зубастом,
От яранов взявши даром,
Сладкий ломтик белой рыбы.
Жив остался Шудаморт наш
В ожиданьи девы-солнца
И живя в избушке льдистой.
Звери лютые питали
Северянина на тундрах,
На холодном снежном взморье.
Енмар, Бог небесный, видел
Все дела зверей незлобных;
Взял медведицу на небо,
Дочь ее в свои чертоги.
И медведица блистает
Семизвездьем и донныне
В небе Севера прекрасном.
Тут же рядом и дочурка
Той медведицы пресветлой.
Енмар взял и волка также
На небесные равнины.
Тот гуляет по равнинам
Неба всюду сопричастным
Райской жизни бесконечной.
Дева-солнце скоро вышла
Из чертогов медно-синих,
Из-за полога тумана.
Целовала тут, на взморье,
Шудаморта тайно-скрытно.
И блаженным стал наш Шуда,
На губах его улыбка,
Безымянное веселье.
Счастья первенец прекрасный

Шудаморт, герой блаженный!
Уступи отрывок счастья,
Дай удачу всем героям,
Здесь собравшимся, на свадьбу
Знаменитой белой Райды
С Яуром на Джеджим-парме!
Поцелуем девы-солнца
Поделился, сам счастливый.
Взвесели сердца великих,
Здесь собравшихся, героев,
Именитых чужестранцев
И своих мужей достойных.
Шудаморт, любимец пармы,
Приходи сюда скорее —
Да польются лучи света
На столы гостей желанных!»
Так он пел, Вэрморт-кудесник,
На пиру в светлице князя.
Подивились, взволновались
Гости все, услышав песню,
Неизвестную героям:
«Никогда, ни в кои веки
Не слышали этой песни
Чудодревней, сладкозвучной».
Так сказали в один голос
Именитые все гости.
Тут заговорили разом,
Все не в меру расхвалились.
Первым говорить стал вскоре
Царь Оксор, старик премудрый.
Молча слушали другие
Речь отца царевны Райды.
«Раз варяги появились
В светлом море, все википги.
Вторглись, потом толпою —
По Двине-реке на лодках.
Стали грабить все кумирпи,
Золото и серебро тут
Уносили в лодки спешно.
Я напал на них, варягов,
Окружил их темной ночью.
Побежали все варяги
В море белое обратно».
Так Оксор повествовал тут

О делах своих военных.
Сямдей, царь югорский с гундры,
Рассказал всем: «Самоедов
Покорил я быстро-скоро,
Чудной силой обладая».
И Ягморт развеселился,
Говорил он о победах
Над варягами при жизни.
Берендея, князь возильский,
О набегах на сибирцев
Рассказал, смеялся громко.
Птица Каленик, тот лебедь,
Засверкал внезапно в доме
Быстрой молнией без грома.
Испугались герои
Стрел молнийных чудной птицы
И умолкли все надолго.
Превзошла познаьем тайным
Птица Каленик всех смертных
И бессмертного Ягморта.
Яур, князь рыжебородый,
Головой дал знак Вэрморту.
В руки взял тот снова домбру
И ударил он по струнам
Древней домбры величавой.
И запел Вэрморт-кудесник:
«Воспою красу царевны,
Дочери царя Оксора,
Цвет Двины лучисто-светлый.
О, царевна, дева Райда!
Земляника в светлой парме
И черника с голубикой
Шепчут тихо всем деревьям:
«Сладость наша ведь ничтожна
По сравненью с девой Райдой.
Райда слаще ягод пармы,
И цветы ее роскошней
Белых лепестков-цветочков
Земляники с голубикой».
Утром рано голос молвил:
«Губы Райды превосходят
Алым цветом многократно
Все шиповники на пармах.
Мы ничтожны по сравненью

С светлой девой Биармии».
А ромашки полевые,
Васильки в траве зеленой
В один голос все сказали:
«Если б было можно с девой
С той сравниться, с синеглазой,
С дочерью царя Оксора
Нам красою многоцветной —
Счастливы безмерно были б
Все цветы земли прекрасной.
Но сравненье невозможно:
Дева краше землеродных
Всех цветов лугов и пармы».
Облака однажды в небе
Речь держали меж собою,
Груди белые купая
В синем воздухе прозрачном:
«Груди белые у Райды
Превосходят, и стократно,
Наши груди, туч великих,
Синих облаков прекрасных».
У гранитных скал великих,
Мхом обросших, стародревных
Про журчал родник хрустальный
Поздно вечером о Райде:
«Голос Райды, он милее
Лепета воды журчащей
На закате солнца неба».
Все алмазы на Урале
И кристаллы горных высей
В один голос утверждали:
«Слезы девы — вот алмазы,
Высшей ценности кристаллы —
Слезы девы Биармии».
Утром рано на листочках
Чуть дрожали капли-слезы
Той росы небесно-горной.
Капли-слезы те сказали:
«Плакала царевна Райда,
Капли-слезы с глаз лучистых
Девы Райды истекали.
И глаза царевны-девы —
Звезды неба — так мерцали,
Улыбались и грустили!

Если плачет та царевна —
Все цветы, деревья в парме,
Звери лютые и люди,
Небо и земля по кругу —
Плачут вместе с дивной девой,
С украшеньем нашей жизни».
Пестроцветна, ненаглядна
Сказка сердца, дева Райда.
Песнопенье светлой домбры,
Цвет-краса и диво-чудо —
Синеглазая красотка.
Мы приносим жертвы деве,
Ненаглядная царевна.
Со внимањем дар прими ты —
Дар убогий песнопевца,
Всех гостей, великих, малых
И героев многославных».
И заплакал царь Оксор тут
И все гости прослезились.
На колени все тут встали,
Поклонились деве-жрице,
Райде светлой, синеглазой.
По щекам же белоснежным
Протекали у царевны
Те алмазы, гор кристаллы
И росинки — слезы девы.

XX

Древняя сосна стояла
На холме среди деревьев,
Головою покачала,
Речь сказала напоследок:
«Сосны, ели, пихты, ольхи,
Посмотрите вы, сестрицы,
Что там деется у князя
В светлорадостных хороммах.
Собралися все герои
В гости к князю, все на свадьбу.
С юга, с севера, с заката
И с востока, с гор великих —
Именитые все мужи,
Многославные герои.

Царь Оксор с своей царевной,
Биармийцы вместе с ними.
Птица Каленик, тот лебедь
Чудодейный, неизвестный,
Тури-дух, двойник Ягморта
На пиру сидит по смерти,
Как живой герой великий.
Он бессмертным оказался
За страданья и гоненья
Тяжкие при жизни долгой.
Много, много там народу,
На той свадьбе знаменитой.
Веселятся гости князя,
Пьют, поют без объясненья
И в хоромах и вне дома;
Во дворе досчато-гладком
Состязаются в познаньях,
Охмеленные напитком —
Добрым суром, пивом черным,
Той домашнею усладой.
И в борьбу вступили гости,
Силы пробуя друг друга.
Тури-орт, двойник Ягморта,
Оказался всех сильнее;
Каленик в познаньях выше
Прочих всех героев славных.
А Вэрморт всех удивляет
Звоном домбры величавой.
Райда, светлая царевна,
Несказанно удивляет
Всех собравшихся на свадьбу
Чудодейною красою,
Несравненно под солнцем.
Свадьба длится бесконечно,
И пируют непрерывно.
День, другой, уже недели
Миновались так быстро». —
Так сосна всем говорила,
Всем собравшимся деревьям.
И глядели все деревья
На пирующих у князя.
С гор великих наблюдали
Подвиги героев славных
И красу царевны Райды.

И дивуюсь звоном домбры
Вечно юной, многодивной.
Звери, птицы в светлой парме
Услыхали разговоры
Сосен, елей, пихт и ольхи
О пирующих героях
И о свадьбе знаменитой,
Всполошились чрезвычайно,
И медведь сказал тут слово:
«О, друзья дремучей пармы,
Звери, птицы, братья, сестры,
Обошли нас злоковарно
И не звали к князю Перми,
К тем пирующим героям,
Мы на свадьбу золотую
Приглашенья не имеем.
Самовольно устремимся
Мы теперь на пир великий».
Побежал затем он в гости,
Косолапый, на ту свадьбу.
Бурый волк был недоволен
Невниманьем белой Райды
К жителям всех гор лесистых —
Самозванцем устремился
К Яуру, на пир Оксоя.
Заяц, рысь, лиса и белки,
Горностаи и куницы,
Выдры, соболи — все звери
Вросились густой толпою
К Яуру во двор досчатый,
Окружили все хоромы
С гиком, с криком, с тяжким ревом
И царапали когтями
Стены дома безбоязно.
Ястреба тут полетели,
Коршуны со скал далеких,
Вороны с боров дремучих
И сороки, галки, совы,
Филин сам черно-могучий
С сильным клювом с крючковатым,
Засвистали, заворчали
И запели птичьи хоры
Над домами князя пармы.
Испугались все герои,

Всполошились не на шутку,
Увидав зверей собранье,
Услыхавши шум, рычанье,
Свист и гвалт, и крик немочный,
За мечи взялись, за копыя
Все пирующие в доме.
Яур, князь рыжебородый,
Дал тут знак певцу Вэрморту.
И Вэрморт, игрок великий,
Взял он домбру, ту певицу,
Чародейку древней пармы.
На крыльцо он сел, волшебник,
Пальцами ударил в струны
Золотые домбры старой.
Звон раздался сладко-гласный,
Тихий, нежный поначалу,
Грозным стал он напоследок.
Рокот струн — был он подобен
Грому неба с выси дальней
В синеоблачных вершинах.
Расплескались напитки,
Яура дом покачнулася,
Распатались горы в цармах,
На дворе разбились камни.
Тут умолкли звери, птицы,
Задрожали все герои.
Тишина была повсюду.
Голос лишь певца Вэрморта
Раздавался повсеместно,
Вдохновенно свыше пел он:
«Вот как было, дети пармы,
В временах давно минувших,
Подвигов величьем полных.
Шондыморт, волшебник старый,
Был на юге он далеком.
Перед ним ревели ветры
Океан шумел волнами.
Плыл он в лодке тесной, малой,
В утлой лодке-легковеске.
Испугался волн и бури
Шондыморт в пределах моря,
На равнинах зыбью полных —
К берегам направил лодку.
На холмах он увидал тут:

Звери лютые стояли
И ревели, выли, ныли,
Подняв морды в воздух, к небу.
Слева море, справа звери —
Шондыморт тут растерялся
И взмолился Богу неба.
Енмар горний,
Он раскрыл тут
Полог неба светло-синий
И дворцы свои на небе
Показал он Шондыморту.
Реки неба протекали
И деревья вырастали
Там, за садом занебесным.
Шондыморт всему дивился,
Созерцая реки неба
И деревья вырастали
Бог сказал ему в ту пору:
«В север дальний устремился,
Шондыморт ты, к деткам милым
И к супруге полногрудой.
Дома ты живи отныне
И о жизни, и о смерти
Размышляй ты все почаще».
И вернулся в север дальний
Шондыморт к делам домашним,
Малым деткам и к супруге
К белоснежной, к полногрудой.
Размышлял он больше, чаще
И о жизни, и о смерти».
Так играл и цел кудесник,
Наш Вэрморт, игрок великий.
Звери, птицы удалились
К деткам малым, в свои норы,
В гнезда в пармах светло-синих.
Вспоминали тут герои
О домах своих приятных,
О супругах полногрудых,
Малых детках беспомощных.
Прекратили пир великий,
Распрощались с царевной,
С Яуром, владыкой Перми,
И разъехались по странам,
Кто на юг, а кто на север,

И на запад все другие,
Прочие к востоку, в горы.
Птица Каленик, тот лебедь
Светло-белый, величавый,
Он простился с мудрой Райдой,
Пожелал добра он князю
Яуру, счастливцу пармы,
Улетев затем на север.
Сямдей — волоком в Печору
Он отправился обратно.
И уехали все гости
Друг за другом, чередою.
Царь Оксор тут плакал много,
Удивленный песнопеньем,
Чарами родного зятя.
С дочерью простился нежно
И пророческое слово
Он сказал, на небо глядя:
«Долго проживёте, дети,
И счастливо, благодатно.
Бог даст сына в утешенье
Яуру и светлой Райде.
Много будет огорченья
Вам от сына; напоследок
В сладость обратится, дети,
Все страданье ваше в жизни.
Вудет он великим, дивным,
Сын ваш Югйдморт чудесный».
И, сказавши, он уехал
На оленях в Биармию,
Царь Оксор, Двины хозяин.
И в хоробах лишь остались
Яур и его супруга
Райда, светлая красotka.
Тут взглянули друг на друга,
Улыбнулись — счастье, слава,
Все тут им принадлежало.
А Вэрморт, игрок великий,
К хижине своей пошел он,
Домбру там на гвоздь привесил
В ожиданьи дел грядущих,
Песнопевец безгреховный,
Редкой силы приворожник,
Обаятель, тун-волшебник.

У окна сидел он в доме,
Вдаль глядел, на волны жизни,
Прозревая все, что будет,
И все зная, что наступит
В дни ближайшие и дальние —
В временах, еще не вскрытых
И в возможностях туманных,
Неизбежно к нам идущих
Ближе, ближе, хоть неспешно.
Ошпи, сильный Лыадорса,
Снова в кузнице творит он,
Из металлов созидает
Все, что нужно людям в парме
Ежедневно и всечасно.
Держит молот он тяжелый
В поднятой руке могучей
Там, над огненным горнилом.
Меди звон и стук железа
Раздаются в синих пармах.

XXI

Зарнигэтыр говорила
И у люльки распевала,
Югыдморта утешая,
Сына Райды в Джеджим-парме,
Первенца-красавца в зыбке,
Енморта рукой качая:
«Не шуми, малыш прекрасный,
Не вертись в зыбучей люльке,
Ты соси-ко лучше соску
Из оленьего да рога,
Молоком питайся в сладость,
Молоком коровки нашей,
Той Лозанки добродушной,
Что пасется на просторе,
На лугах зелено-тучных;
Да не плачь ты, ведь никто же
Не кусает в мягкой люльке
Яура любимца — в зыбке
Насекомых пету вовсе,
Успокойся, сын царевны.
Сам царевичем ты будешь».

Что ты машешь все ручонкой,
Ножкою пинаешь люльку
И кричишь ты неразумно —
Ау-уа-кя-тя, тя-ля-ля».
Югьдморт так отвечает
Той старушке старомодной:
«Ки-ти ля-ля-пи-па-та-та...»
«Полно, полно, — Зарнигэтыр
Наставляет Югьдморта. —
Прыток больно спозаранку,
Пап да тять да, рано, рано
Говорливым стал мальчишка,
Вырастешь — болтушкой будешь,
Лучше слушай, не мешай мне,
Не перечь старушке древней,
Будь послушным ты ребенком.
В старину луна летала
Над землею близко-близко.
Злые дети забросали
Белый месяц камнем, грязью;
Рассердилася луна тут
И ушла высоко в небо.
Югьдморт, не делай это,
Не бросай в луну каменья.
Как же можно белый месяц
Оскорблять нещадно, дерзко?
Будешь добрый — придет месяц,
Как бы зайчик на крылечко.
Сядет месяц, ухмыльнется —
Светлый, белый, серебристый.
Ты погладь его рукою».
«Ау-уа, кя-тя, тя-ля-ля,
Ки-ти, ля-я, па-па, та-та», —
Югьдморт так отвечает
Той старушке старомодной,
Лежа в люльке беззаботно.
«Полно, полно, не перечь мне,
Больно прытко отвечаешь,
Слишком рано старым людям», —
Зарнигэтыр вразумляет
Непослушного мальчишку,
И добру все дальше учит:
«Коль придет медведь к нам в гости,
Ты не бей его ручонкой,

Не пугай красавца леса,
Хлебца дай ему кусочек,
Угости дружка из пармы
Творогом в корыте чистом.
Также выпить, ведь он мастер —
Пиво любит он безмерно.
На добро добром ответит
Он потом в лесу дремучем,
Будет знать он сына князя —
Никогда уж не обидит
Сына Райды в светлой парме.
Югдморт, ты помни это,
Через плечо добро ты бросишь
Впереди себя, малютка,
На дорожке встретит в пору
И поклонится тут в пояс
Югдморту, скажет: «Здравствуй»
Слушай дальше притчи-сказки,
Дитяtko, внимай старушке.
Если вол придет к нам в гости,
Не стреляй его из лука.
Серый волк — колдун известный,
Он поможет в дни несчастья,
И герою он — на пользу.
Накорми его ты мясом,
Обласкай пришельца пармы,
Он уйдет и всем расскажет,
Как ты добр, земли владыка.
Понял ли ты сказки-притчи,
Прибаутки, поговорки,

Аль добро уж не по сердцу
С юных лет малютке Райды?
Вишь, глаза уж закрывает,
Утомился, чай, наш мальчик.
Ничего, поспи, прекрасный,
Насладися сном блаженным,
Сном дитяти безгреховным.
Сын мой милый, ненаглядный,
Много бурь ты в жизни встретишь,
На пути препятствий тяжких,
Накопляй ты силы жизни,
Силу духа, бодрость тела.
Будь великим, многославным...
Вот ресницы золотые
Опустились у малютки
Звезды-очи позакрылись.
Спи, мой милый, ненаглядный».
«Шуашокса — тили-чини,
Мы скучаем, елки, в пармах,
Ты утешь нас, Зариигэтыр,
Покажи нам сына Райды», —
Елки тихо говорили,
Простирая ветви-руки
К окнам терема на Джеджим.
Тот лежал и спал глубоко
В зыбке-люльке, Югьдморт наш.
«Я рукой поглажу только
Голову малютки Югьд,
Не проснется, не узнает,
Сладость жизни я познаю,
Прикоснувшись к молодому
Телу сына солнца Шонды».
Но старушка, отвечая,
Так премудрая сказала:
«О, никак не можно это,
Наш малютка спит глубоко,
Видит сны он голубые,
В небе носится на крыльях
Юный дух малютки нашей».
Матери родной коснуться
Не позволила б старушка
К Югьдмарту в тихой люльке,
Сон его оберегая.
Дочь Оксора, посмотревши

На лицо дитяти Югид,
Вдаль отправилась на пармы.
Вместе с нею и девица —
Молодая Гарья-Яг-ныл.
Долго шли супруга князя
И девица Гарья-Яг-ныл
Вдоль реки лучисто-светлой,
Любовались лесами,
Берегом высоким, красным.
Повстречались коровы.
Все спешили уж обратно
В деревеньку, уж к почлегу.
Раздавался звон коровий —
Колокольчики звонили
На Лозанках и Чернушках.
И пастух за ними плелся —
Старикашка с тонкой плетью.
Дальше, дальше направлялись
Райда белая с девицей,
Подбирали в набирушки
Красные грибы попутно,
Там и ягоды встречались
Красной, синей полосами.
Грудью полною дышала
Райда светлая меж сосен.
Вот и остров недалеко,
Тут мысочек за горою.
Чу! Раздался шум. И говор
Слышен иноземный. «Гарья,
Кто же это?» — так спросила
Изаумленная дочь пармы,
Яура жена-красотка.
«Сердце Райда, поскорее
Побежим назад неслышно,
Ведь разбойники кругом тут,
Пьют, едят и веселятся.
Скажем Яуру мы, князю:
Нападут они на дом наш
Ночью темною сегодня...»
Побежала дочь Оксора,
С нею вместе Яг-ныл-Гарья.
Задыхались, устали,
Нет уж мочи, но бегут все.
К дому милому стремятся —

До разбойников дойти бы.
И дошли и рассказали
Князю Яуру всю правду.
«Приготовься, милый Яур,
Ведь разбойники плывут к нам».
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий —
Сели в лодку тут герои
И поплыли вниз по Эжве
Тем разбойникам навстречу.
За горою и за мысом
Яур, князь рыжебородый,
Увидал толпы людей он —
Там разбойники сидели,
Пировали, веселились
На песках близ синей Эжвы.
Атаман их говорил всем:
«Яура возьмем мы в полон,
Уведем супругу Райду,
Из кумирниц мы похитим
Серебро в тяжелых слитках,
В длинных прутьях драгоценных.
Ночь наступит — нападём мы
На жилище князя пармы,
Сонных воинов мы свяжем».
Вот Вэрморт, игрок великий,
Заиграл он тихо-тихо
И запел потом он нежно
Песню-заговор могучий:
«Приходите, прилетайте
С севера, с востока, с юга
Звери, птицы, боги, люди,
Чародеи с древней пармы.
Каленик — «мокнийны перья»,
С моря дальшего спеша ты,
Тури-Ягморт светлой тундры;
Бог великий, вихорь буйный,
Приходи с лесной дубинкой,
Укrotи врагов могучих;
Бог воды с железным зубом,
Утопи ты в волнах Эжвы
Недругов земли прекрасной;
Куль подземный, поспешай же,

Обхвати врагов всех разом,
Унеси их в глубь пещеры,
В недра мрака скал подземных.
Там все мужи умирают,
Где нет света солнца вовсе;
Йома страшная на пармах,
В ельниках темносенистых,
Где встречаются дорожки —
Безымянные тропинки,
Неизвестно, кто там ходит,
Злобно-мрачно чего ищет
В тех тущобах беспросветных;
Страшно, страшно человеку,
Сыну света в чреве мрака,
Где сова ночная стонет,
Черный филин вечно поет.
С тех ужасных мест далеких
Приходи ты, баба Ёма,
Утащи клюкой железной
Всех врагов родного края.
Недруги великой пармы,
Страх вонзится в вашу душу,
Коршун ночи прилетит к вам,
И замрет душа живая,
И уснет она надолго,
Будет спать и дни, и годы
Беспробудно, без сознанья.
Ужас черный — ближе, ближе
Он подходит тихо, тайно,
Окружает и объедает». —
Так Вэрморт играл на домбре.
Несни-заговоры цел он
Поздно вечером у леса.
И разбойники уснули,
В сон глубокий погрузились,
Головы их наклонились
И к земле все притянулись,
И рядами все лежали
Те разбойники у леса
На песках лучисто-желтых
В сумраках глубокой ночи.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, кудесник дивный

Вышли на берег чредою .
К тем разбойникам поближе.
Взяли на руки тела их,
Затащили сонных в лодки,
Оттолкнули лодки с мыса —
Вниз столкнули их герои
По теченью волн струистых.
Понеслись щепки-лодки
По хребту реки прозрачной,
По волнам, текущих к устью,
Дальше, к морю — в север темный.
Долго ль, коротко ль прошло тут,
Вождь разбойников проснулся,
Атаман, кудесник сильный,
И один поплыл обратно
Вверх по Вычегде великой.
Увидал тут между сосен
Яура, владыку Пармы.
Чан большой стоял у леса
И костер пылал огромный.
Яур, князь рыжебородый,
Пиво к празднику варил он,
Пиво хмельное на парме.
Атаман сказал тут слово,
Сильно голос он возвысил:
«Сусло, стой Оксола князя!»
И князь пармы тут ответил,
Он разумно закричал тут:
«Остановись на волнах лодка,
Пребывай ты неподвижно!»
Посмотрели друг на друга
Исподлобья те герои —
Атаман и храбрый Яур.
Варка пива прекратилась,
Сусло течь уж перестало.
Неподвижно стала лодка.
«Отпусти мою ты лодку», —
Атаман просил у князя;
«Коль пойдет из чана сусло,
Лодка двигаться начнет тут», —
Так отвечивал волшебник
Яур, князь рыжебородый.
Не течет из чана сусло,
Неподвижно пребывает

На реке хрустальной лодка.
Атаман дает тут слово
Уж не грабить Джеджим-пармы,
Плыть обратно, вниз по Эжве.
Отпустил тут лодку Яур;
Атаман, кудесник сильный,
Вниз поплыл рекой, обратно.
Потекло из чана сусло,
Варка пива продолжалась.

XXII

Йома-баба проживала
Беззаботно в темных пармах,
У дорожки безымянной.
Близ низин тягуче-вязких,
У ручья меж скал сенистых.
Тут жила она, в избушке
В темносерой, неприглядной.
Вся седая баба Йома,
И костлявая старушка.
Руки длинные висели,
До коленей доходили,
А во рту — большие зубы,
Зубы твердые, как кремь.
Кошка черная — подруга
Йомы-бабы, той старушки —
Песню пела чародейно
И мурлыкала всё сказки —
Кошка черная старушке.
Баба Йома и спросила
Кошку черную, подругу:
«А скажи-ка, чародейка,
Новости какие в парме?»
Ведьма-кошка отвечала,
Хвост подняв высоко кверху,
Глаза острые закрывши:
«Новостей особых нету,
Опричь сына князя Перми.
С год тому родился мальчик
От царицы светлой Райды,
Яура супруги верной.
Югьдморт он несравненный,

Мальчик-чудо, украшение
Светлой пармы многогорной».
Йома-баба тут сказала:
«Мне давно известно это,
Ты скажи-ка лучше вот что:
Как украсть нам Югьдморта,
Ту малютку унести бы,
Взявши с люльки из-под соски,
Оторвать от груди Райды,
Губы ж мальчика приблизить
К старой груди бабы Йома,
К груди старой, одряблевшей.
А люблю я Югьдморта
Пуще жизни в темной парме,
Лица солнца мне милее
Детский лик красавца Югьд.
Чародейка ты, подруга,
Умираю я, тоскуя,
Зависть гложет сердце Йома,
Злая зависть к белой Райде,
К украшению Биармии.
Уж нелегкая прислала
Женщину, гордыню эту,
Пучеглазую царевну.
Ведь коса у ней до пяток,
У той ведьмы злоковарной.
Помоги же: как похитить
Югьдморта темной ночью?»
Горько плакала так Йома,
Целовала морду кошки.
«Больно просто Югьдморта
Унести нам темной ночью
За ущербом серебристой
Той луны, красотины неба.
Нынче праздник князя Пермп;
Напились безрассудный
Яур, князь рыжебородый,
С ним и Ошпи Лыадорса,
И Вэрморт, игрок великий,
Во хмелю лежат все ночью
И детей глупее стали,
Пивом-суром насладившись
Вдосталь, всладость, до безумья.
А супруга, дочь Оксора,

Сладким сном объята ныне,
Зарнигэтыр тоже дремлет
Возле люльки бестолково.
Порошком ты прикоснися
К старомодной Зарнигэтыр,
Дай понюхать зелья ведьмы,
И уснет она надолго.
Тут возьми ты Югидморта,
Пятью пальцами возьми ты
Из поющей зыбки-люльки,
На руки бери мальчонка
И тащи к себе в избушку.
Все так просто, не печалься.
Мудрая хозяйка леса.
Так «добру» тут научила
Бабу Йому в черной парме
Кошка черная Марагди,
Из колдуний чародейка.
Скоро скрылось за горою
Солнце яркое, за лесом.
Вечер темный наступил тут,
Многозвездный и безлунный —
Старый месяц был в ущербе,
Новый не успел родиться,
Проживал еще во чреве
Темной ночи непроглядной.
Тихо, тайно тут прокралась
Баба Йома в терем князя,
Порошком тут прикоснулась
К носу старой Зарнигэтыр.
И понюхала та зелья,
Ничего сама не зная —
Пребывала ведь в дремоте
Возле люльки Зарнигэтыр.
Сном глубоким тут уснула,
И надолго, няня Зарни.
Баба Йома подхватила
Югидморта и прижала
К груди старой, и умчалась,
И на дышочках исчезла
Из избушки князя пармы.
Утром рано, спозаранку
Уж вернулась к черной кошке,
К чародейке и подруге,

В пармы темные, в трущобы.
Что за стоны, что за вошли
В Джеджим-парме раздаются,
В царском тереме сегодня?
Кто-то плачет, кто-то стонет.
Аль кукушка то кукует,
Золотая в горе вдалась?
Не кукушка то кукует,
То супруга князя стонет,
Пальцы белые ломает
На себе рвет шелк и пурпур,
Стонет, плачет безутешно;
Югдыморта нет ведь в люльке,
Зарнигэтыр сном объята,
Смерть объяла тело Зарни.
И зовет тут мужа-князя
Райда светлая у люльки:
«Ой, проснися, муж мой милый.
Нет ребенка, нет малютки,
Украшенья нет меж нами,
Я умру от той печали!»
И проснулся тут наш Яур,
На ноги вскочил он быстро
И кричит он громко, властно:
«Эй, зовите все Вэрморта,
Слуги верные вы, туна,
Он все знает, чародей наш!»
И всклокоченный вбежал тут
Сам игрок, Вэрморт великий.
Видит — горе тут случилось,
Несказанное несчастье.
Взял он домбру-чаровницу,
На крылечко сел скорее
И ударил в струны домбры.
Звуки домбры полетели
Вверх, на небо, в синь лазури.
К солнцу яркому навстречу.
Ноднялось тут солнце спешно,
Ясный месяц раньше срока
Выходил из чрева ночи;
Вышел он из той утробы
Мрака вечного — под небом.
Закачались сосны, ели
Взволновались звери, птицы,

Услыхавши звуки домбры.
Спозаранку — заговоры.
И затем Вэрморт великий:
«Пармы светлые, услышьте,
Сосны, ели, пихты, ольхи!
Все излучины-дорожки
В темных пармах, вы услышьте:
Югыморт пропал наш милый!
Горницы природы дивной,
Все светлицы над холмами,
Вы услышьте звук молитвы!
И вы, звери — все друзья вы,
Так скачите, поищите
Югыморта повсеместно.
Птицы горние, внимайте:
Посмотрите с выси дальней,
Где ребенок наш укрылся...
Заклинаю, всех зову вас,
Скалы древние, проснитесь!»
Услыхали все деревья
Домбры звоп, тот звук призывный,
Защумели, взволновались.
Вихорь буйный налетел тут
И ударился о скалы,
И ручьи остановили
Быстрый бег, и застонали
Родники тут, зажурчали
Грозно-гневно меж камнями.
Выскочил из пармы древней
Тот силач, медведь матерый,
Побежал за Югымортом;
Бурый волк — он устремился
Узкою тропой лесистой.
Заспешили зайцы, рыси
И лисицы вслед за ними.
Росомахи поднялися,
Заревели, заорали...
Крик пошел по пармам древним,
Птицы гневно залетали,
Голосили и трубили,
Югыморта все искали.
Тури-Ягморт тут явился
И пошел к старушке Йоме.
Каленик, тот лебедь белый,

Он на крышу сел избушки
Бабы Йомы и стучал он
Клювом огненным по бревнам.
Испугалась баба Йома,
Взяв ребенка Югьдморта
На руки к себе, малютку,
Тут в окошко слуховое
Выбежала ведьма Йома;
Кошка черная за нею.
И тихонько меж деревьев
Скрылась старая, умчались
Тайною тропой лесною.
Звери, птицы окружили
Дом колдуньи — злой старушки,
Подняли все рев ужасный,
Крышу сбили и ломают
Окна, в двери все стучатся.
Тут медведь ударил лапой,
Двери выломал он скоро,
Ворвались звери, птицы
К бабе Йоме в ту избушку.
Ее нет и след простыл уж.
Выбежали звери, птицы
И помчались вслед старушке.
Волк бежит через болото,
А медведь уж мчится в горы,
Зайчики в ложбинах темных,
А лисицы за холмами.
Над рекою — Тури-Ягморт,
Птица Каленик — над лесом.
Йома-баба убегает
С гор в долины, а с ложбины
На холмы идет поспешно,
На руках ребенок Райды,
Кошка черная за нею
Нога в ногу пробегает.
В Джеджим-парме раздается
Плач великий: стонет Райда
На крылечке безуспешно,
Руки белые ломает.
Тут народ кругом толпится,
Суетится бестолково.
«Где ты, где ты, Югьдморт мой,
Драгоценный мой сыночек?»

Жив ли, милый, ты на свете?
Я умру же скоро, скоро,
Ведь погас мой светоч жизни.
Нет уж в люльке Югьдморта.
Драгоценного сыночка.
Ветерок крылатый, милый,
Ты верни мне Югьдморта.
Солнце красное — ребенка,
Ясный месяц — мне малютку
Возвратите, сердце жизни!
Енмар, Бог высокий, грозный,
Матери услышь молитвы!»
Райда плакала, молилась.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий —
Поспешили все на пармы,
Ищут все в лесах суровых,
И народ за ними тоже,
Ищут сына князя Югьд.
Баба ж Йома убегает
С гор в долины, а с ложбины
На холмы идет поспешно,
Кошка черная за нею,
На руках у Йомы мальчик.
Долго ль, коротко ль прошли тут —
Птица Каленик нагнала
Йому-бабу, пригрозила
Клювом страшным ведьме Йоме.
Тури-Ягморт тут явился,
И взмолилась ведьма Йома
Пощадить ей жизнь, старушке.
Тут кладет она ребенка
Югьдморта, да на крылья
Птице Каленик сажает.
Птица Каленик и Ягморт
Тут тихонько и поспешно
С осторожностью уносят
Югьдморта в дом обратно.
И приводят в Джеджим-парму,
Отдают малютку Югьд
Матери, счастливой Райде.
Звери, птицы все узнали
О возврате сына князя,

Успокоившись душою,
Рассказали и героям:
«Югьдморт уж в Джеджим-парме!»
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Тут вернулись в дом обратно.
Увидали — мальчик в люльке,
Зарнигэтыр возле зыбки.
Богу Енмар поклонились
Тут герои и молились
Богу неба долго, долго.

XXIII

Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Пораздумались однажды:
Что бы доброе для пармы
И полезное народу
Совершить в стране холодной.
Сильный Ошпи Лыадорса
Мудрое промолвил слово:
«Я скую соху народу,
Пусть он пашет сталью чистой
И новины поднимает.
А теперь он ковыряет
Землю-матушку мотыгой,
С деревянною сохою
Пашет зря и неразумно.
И затем косу скую я
Для косьбы лугов медвяных —
Наш народ серпом владеет
Не железным — деревянным,
Костяным порою также».
Так сказавши, побежал он,
Сильный Ошпи Лыадорса,
К кузнице своей у леса.
И раздул огонь он в горне,
И меха привел в движенье,
Стал ковать он и трудиться.
И стучит он денно-нощно,

Тяжкий молот поднимая,
Опуская на железо,
Сталь горящую порою.
По лицу героя Ошпи
Пот катился ведь струями.
Сошпики сковал волшебник,
Косы острые за ними,
Рукоятки он придумал,
Ошпи, к тем сохам железным
С лезвием из крепкой стали.
Сошпики к сохе приставил
Дивный мастер Лыадорса.
Яур, князь рыжебородый,
Тут запряг быка в соху он,
И новины поднимать стал
Возле дома в Джеджим-парме.
Райда белая глядела
На работы мужа-князя,
Любовалася героем.
Яур, князь рыжебородый,
Распахавши поле в парме,
Золотистый взял ячмень он
И посеял поле густо
Ячменем желтозернистым.
А Вэрморт, игрок великий,
Взял он домбру утром рано,
Заиграл, запел волшебник:
«С юга дальнего скачи ты
В темный север, к нам, к крылечку,
Конь великий, пышиногривый,
Жеребец красивой масти.
Ты скачи скорей на пармы.
Хорошо житье на пармах,
На лугах, травой покрытых,
Вкусною травой медвяной».
Так запел он заговоры —
Песни новые он начал.
День прошел, другой и третий —
Прискакал тут конь великий,
Вороной, с прекрасной гривой,
Из ноздрей да пламя пышет,
Искры сыплются стрелами
От копыт могуче-твердых.
Яур, князь рыжебородый,

Взял коня, взнуздал умело,
Жеребца запряг в соху он.
Яур-князь уж веселее
Стал пахать новины в нармах.
Конь прыдет ушами бойко
И бежит бороздкой быстро.
Бык упрям был — конь послушен
Колокольчик серебристый
Радостно звенел на поле,
Колокольчик в пышной гриве
Жеребца привязан лентой
Алою рукой супруги
Яура, жены прекрасной.
И вспахавши все новины,
На луга пошел наш Яур.
Лезвие косы блистает,
Как ручей, в руках у князя.
Стал косить он сильно, спешно
Наклоняясь, выпрямляясь.
Надвигались народы —
Мужики, подростки, дети,
К кузнецу все побежали:
«Скуй косу нам поскорее,
Сошники нам дай ты к сроку,
Поднимать новины будем
И косить траву близ Эжвы»,
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий —
Все сказали в один голос:
«Дело первое свершили,
Указали путь народу,
Жизни лучшей научили —
Как трудиться беспечально».
Сосны красные стояли
На холмах тех сизоликих,
Белым ягелем покрытых.
Тут промолвились все сосны:
«Дело доброе свершили
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий:
Указали путь народу —
Как пахать новины в нармах,

Как косить траву близ Эжвы.
Раньше было ведь иначе.
Жгли деревья те народы
И на пепле между пнями
Сеяли ячмень без толку,
Не жалели лес дремучий
Мужики те безрассудно.
Нас сжигать уж будут меньше
Жители дремучей пармы».
Звери, птицы, те сказали:
«Правда вся, сестрицы сосны,
Будут меньше убивать нас
Быстрою стрелой из лука
Смельчаки те зверовые.
И начнут питаться злаком,
Ячменем тем золотистым».
Про себя ж медведь подумал:
«Больше трав, коров побольше,
Я найду теперь кусочек
Лакомный у князя пармы».
Заяц выскочил тут быстро,
Из-за кочек показался:
«Ячменем зеленым буду
Наполнять желудок сладко
Я отныне в Джеджим-парме,
Там полей, как видно, много
Будет вокруг холмов у князя».
Пораздумалась лиса тут:
«Больше пашень, кур побольше,
Не останусь я в убытке,
Не в кого и мне быть дурой».
Яур, князь рыжебородый,
Пораздумался он снова:
«Как же быть и что же делать —
Чтобы доброе для пармы
И полезное народу?
Вот мы были у Оксора
В Кардоре близ тундр великих,
Райду дивную нашли мы,
Привезли на лодке в пармы,
Все свершили многотрудно,
Не без горя и печали.
Расскажу об этом сыну,
Внукам также передам я.

Дальше как?.. Ведь позабудут
Отдаленные потомки
Горе, слезы и печали —
Все, что было, знать не будешь.
Но вот камни не стареют,
И утесы долговечны.
Начертать бы всё на скалах
И поведать дальним людям
Всё, что было до рожденья
Отдаленных тех потомков.
Проведу черту на камне —
Человека означает
Та черта, а круг на камне —
Солнца лик небесно-светлый.
Плоская черта — то матерь
Всех живущих, ширь земная.
Полукруг — то свод небесный,
Острый угол — лес дремучий,
Две черты совместно значат
Речку светлую вдоль леса.
Жизни быт изображу я
На скалах, травой обросших,
Лишаем и мхом болотным».
Думал так о благе жизни,
О скрижалях незабвенных
Подвигов былых героев.
Яур, князь рыжебородый,
Начертал он в песнопеньях
Все дела лесистой пармы,
Жизнь свою, печаль и радость —
На стенах седых утесов
И на лбу камней гранитных.
В куполообразных пармах
Сильный Ошпи Лыадорса
На дощечках красной меди
Впечатлел дела всей жизни.
И Вэрморт, игрок великий,
Он нарисовал искусно
Ленту длинную событий
На дощечках мягкой ольхи.
Мужики, подростки, дети
Тут пришли и научились
Подписи читать на камнях,
На дощечках медно-звонких

И на резьбах мягкой ольхи.
Грамота пошла святая
С тех веков, времен минувших
В темном севере далеком.
Яур, князь рыжебородый,
Тут придумал на дощечках
Дни считать и годы также
По зарубкам, отмечая
По краям дощечек мягких.
Сильный Ошпи Лыадорса
Жернова придумал вскорее,
Чтоб рукой молотъ, вращая
Жернова, ячмень зернистый
Для народа в темных пармах.
Так творили те герои,
Жизнь устроили на парме,
Размышляя непрерывно
О теченьях дел великих.
Догадались все звери
И крылатые творенья —
Божьи птицы над землею,
Говорили меж собою:
«Хитрости придумал Яур,
Изобрел он для народа
Знаки дивные на парме.
Человек-то замышляет,
Ищет пользу для себя он;
Уж хитрее люди стали
И коварные стократно.
А зверей и птиц воздушных
Жизнь все та же, что и прежде,
И от хитростей злоумных
Не становится жизнь лучше
Ни зверей, ни птиц крылатых.
Люди вовсе не пекутся
Об их жизни горемычной.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий,
Пашни вспахивать уж стали
И питаться вкусным злаком.
Звероловы бьют, как прежде,
И зверей, и птиц небесных...
Нет пощады никому ведь

Из четвероногих тварей
И двукрылых тех творений».
Так сказали звери, птицы
О всех хитростях на парме.
И медведь тут рассердился,
Он разгневался нещадно,
Побежал он к тем коровам,
Что паслись на чистом поле
Возле речки, быстрой Эжвы.
И загрыз он тут Лозанку,
Ту любимицу царевны,
Синебелую коровку.
А лисица-кознодейка
Утащила кур из Джеджим,
Насладилась ими вдоволь.
Так же заяц пучеглазый,
Он поел все злаки в поле,
Тот ячмень зелено-сочный.
Рысь же с дерева схватила
И загрызла, не подумав,
Годовалого теленка.
Волк грозил по первопутку
На снегах в лесах дремучих
Растерзать коня из Джеджим.
Сизый ястреб, он напал тут
На ягненка беспощадно,
А сорока-белобока
Все смеялась над супругой
Яура, владыки пармы.
Черный ворон предвещал тут
Гибель верную всем людям.
А вороны все бранились,
Не щадили никого ведь,
Все посаженное в грядках
Истребили скоро-спешно.
Белки прыгали по крышам,
Горностаи возле рощи,
Соболи повсюду лезли,
Крысы, мыши нагоняли
Думы черные на Райду.
И житье уж стало трудно
В Джеджим-парме, вовсе плохо.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Оппи Лыадорса

И Вэрморт, игрок великий,
Пораздумались не в шутку:
Как же быть и что же делать.
Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут молвил слово:
«Ты, Вэрморт, бери-ка домбру,
Спой-ко песни, чары-притчи,
Заговоры и заклятья».

И Вэрморт, игрок великий,
Тут запел он, заиграл он
Песни новые — заклятья:
«Вы послушайте-ко, звери
И крылатые творенья,
Птицы божьи в дальней выси.
Не сердитесь на людей вы,
Убивать вас будут люди,
Убивать, стрелять вас в пармах —
Но свои же земляки ведь,
Чужестранцев нет тут вовсе,
А родные человеки.
И убьют они по воле,
Воле высшей Бога неба.
Вот завет наш с вами, звери,
И все птицы в поднебесье.
Ты, медведь, старик из пармы,
Ты не трогай человека,
Обижать людей не смей ты,
Ежель сына иль сунругу.
Самого ль убьют в берлоге,
Знай, свои убили люди
С разрешенья Бога неба,
Не чужие, не пришельцы —
Так установил Бог неба.
Волк матерый, серо-бурый,
Без зубов ты летом будешь,
А зимою воздержися,
Ни людей не смей ты трогать,
Ни коней тех быстроногих.
Колокольчика ты бойся.
И теперь уймитесь, звери,
Разойдитесь, успокойтесь,
И сокровищ человека
Трогать вы не смейте вовсе.
Бога вышнего вы бойтесь

И тихонько в темных пармах
Проживайте, и неслышно».
Так сказал свои заклятья
Тут волшебник Джеджим-пармы,
Заклинатель, приворожник
Тот Вэрморт, игрок великий.
Испугались птицы, звери,
Разбежались, разлетелись
И умолкли тут надолго
И не смели нарушать уж
Заговоры и заклятья
Колдуна Вэрморта в пармах.

XXV

Облака текли над лесом,
Колебались вершины
Красных сосен, острых елей
В вольной парме сизоликой.
На холмах звончато-гулких
Насыщались люди, звери,
Птицы божьи в синей выси
Насыщались, утолялись
Сладкой жизнью, жизнью вольной
На земле, мечтой объятой...
День был долог и прекрасен,
Летний день в борах шумящих;
Райской жизнью жили люди,
Наслаждались белым светом,
Звоном песен вод текущих,
Шумом леса, полным мира,
Тишиной священной пармы,
Тихим, летним бормотаньем
Вод, шуршащих под камнями
Где-то, где-то — неизвестно.
Боги реяли повсюду,
Невидимками носились
Над лесами и рекою.
Жили люди, созерцая
Утра лик румяно-синий,
Золотистый блеск полудня,
Пурпур вечера заката...
Наслаждались жизнью долго,

Тихо, мерно в даль текущей.
Небо синее ласкало
Грудь земную, чуть касаясь
Синь-лазурью лона жизни
В трепете неизреченном.
И наивно все глядели —
Все цветы лугов зеленых —
На сияющий лик солнца.
А вершины сосен, елей
Рисовали резьбы в небе,
В куполе узоры ткали.
И казалась мечтою
Жизнь земная, древней сказкой,
Песнопеньем чудной домбры.
Так глядела дочь Оксора,
Любовалась пармой Райда,
Сидя мирно на крылечке
Дома Яура на Джеджим.
Яур, князь рыжебородый,
Тут же был с супругой рядом
И глядел он на деревья
И на небо в горной выси.
Долго ль, коротко ль, склонился
Длинный летний день к закату,
Солнце скрылось за лесами.
Дым далекий увидал тут
Яур, князь рыжебородый,
Белый дым за синим лесом.
«Что за дым идет там белый?
Кто костер развел так поздно
За рекою и за лесом?» —
Так спросил хозяин пармы
Яур, князь рыжебородый,
Стариков, сидящих близко.
«Что за дым струится в небе
Лентой белою за лесом,
Мы того не знаем вовсе», —
Старики сказали разом.
Сильный Ошпи Лыадорса
Тут поехал в утлой лодке
Выведасть неторопливо,
Кто костер развел за лесом.
К полунбчи он вернулся,
Рассказал он все подробно:

«Кознодей Асыка-Вакуль,
Князь Ногульский прибыл с войском.
Утром рано нападет он
На жилище князя Перми.
Яура убить решился,
Райду белую взять замуж».
Вот какое молвил слово
Быстрый Ошни Лыадорса.
Головой потряс тут сильно
Яур, князь рыжебородый,
Пригласил затем Варморта.
Скоро сели три героя,
Те защитники всей пармы,
В лодку утлую на Эжве
И отправились к вогулам,
К тем пришельцам из-за Камня,
С гор далеких, стран востока.
Вот приблизились герои,
Витязи лесистой пармы,
К берегу, где дым клубился
Белым облаком над лесом.
Возле леса, на пригорке
Пламя красное пылало,
Озаряя всю окрестность
Светом пурпура в час ночи,
Там сидели чужеземцы
Вкруг костров, пылавших ярко.
Лица страшные виднелись
Сквозь деревья у обрывов.
У корней столетних сосен
Восседали тут рядами
Воины Асыки-князя
И в котле варили нищу
На таганах над кострами.
Копья острые лежали
Возле воинов-вогулов,
И огромные там луки
Были подперты к деревьям;
Стрелы медные в колчанах
И мечи висели сбоку,
На ремнях пришельцев странных.
Сам Асыка, юный Вакуль,
Поодаль сидел на кочке.
Щит широкий был тут, возле

И копье из красной меди.
Богатыр Бермил с ним рядом
У тагана, вблизи кострища —
Пищу он готовил князю.
Витязи лесистой пармы —
Яур, Ошпи и Вэрморт наш —
Вышли смело тут на берег,
Подошли к вогулам близко.
Дивовалися герои
Страшным видом иноземцев
И глядели долго, долго
На вогулов черноглазых,
Чернокудых и могучих.
Лица красные мелькали
Из-за сосен в ярком свете
Близ костров, горевших с треском.
В темноте стояли молча
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
И Вэрморт, игрок великий.
Сосны, ели их скрывали
Тенью черною, ветвями.
Князь Асыка говорил тут:
«Скоро будем мы на Джеджим,
Яура уьем мы в доме,
В кузнице найдем мы Ошпи,
В хижине уьем Вэрморта,
Райду белую возьму я
Замуж, увезу за Камень,
На вершины гор Уральских».
Молча слушали герои —
Яур-князь, Вэрморт великий,
Сильный Ошпи Лыадорса —
Злые речи иноземца.
Яур-князь дал знак Вэрморту.
И запел он, да по-птичьи:
Вдруг кукушка ночью темной
На холмах закуковала
Горестно и заунывно.
Вслед кукушке девы пармы
Нежный голос тут раздался —
Будто близко, аль далеко,
Различать то невозможно.
Нежно пела дева пармы,

Тонким голосом уныло.
Пела дева о кончине
Человека — друга сердца:
«Скоротечны человека
Дни печали жизни темной.
Лишь мгновенье — жизнь земная,
Ночь глубокая за нею», —
Говорила дева пармы,
Невидимка меж деревьев.
Все заслушались вогулы,
Кукованьем наслаждаясь
Той кукушки недалекой,
Пеньем девы-невидимки.
Им казалось — пенье сверху
К ним спускалось с горной выси,
А порою поднимались
Звуки песни с низкой Эжвы.
И кружились эти звуки
В темной парме безымянной,
С глубины подземной звуки
Беспрерывно вылетали.
Вытянулись лица скорбно,
Головы же опустились
Ниже плеч вогулов страшных.
Пораздумались о смерти
Воины внезапно в пармах.
И сковал тут страх их члены,
Тайны окружили всех их
И не отпускали чары.
Оробели и прижались

Чужеземцы в непонятном
Страхе тут один к другому,
Как во сне, лишь сознавая
Пенье девы сладкозвучной.
Дева ж пела дальше, краше:
«Ой, вогулы, храбрецы вы,
Прибыли деревни грабить,
Убивать людей нещадно,
Бога правды вы забыли.
А на небе — кто живет там?
Под землею обитает
Страшный Куль. И суд, и правда
У него ведь под землею.
Все забыли вы законы,
Понадеялись на силы,
Злые дети гор Уральских.
Стрелы молнии забыли
Енмара на крыше неба.
О безумцы из-за Камня!
Вы прикованы к земле тут
Цепью медною навеки
И железною судьбою.
Есть ведь правда в краткой жизни
На земле пространно-светлой».
Ослабели тут вогулы,
Веки глаз уж прикрывались,
Падали на кочки рядом
Воин к воину поближе.
Песни ж голос раздавался,
Как бы с неба он спускался:
«Вздумали вы, иноземцы,
Уж перехитрить и Бога.
Но невозможно человеку
Выше Бога подниматься.
Больше большего не будешь
Никогда, ни в кои веки.
Так усните вы надолго,
Погружайтесь в сон глубокий,
В глубину забвенья, ниже,
Ниже в бездну вы спускайтесь».
И уснули все вогулы,
Погрузились все в дремоту.
И легли тут возле кочек,
У кустов, огнем пылавших,

Опрокинутых таганов.
Расплескались котлы их
С недоеденною пищей.
Выходили тут герои,
Витязи лесистой пармы —
Яур, Ошни и Вэрморт наш.
Поубрали всех пришельцев
И стащили спящих в лодки,
Кўли тоже побросали
В лодки утлые на Эжве.
Оттолкнули эти лодки.
Ох, отчалили с мысочка,
С берега с песчаной мелью,
По теченью вниз пустились
Лодки утлые все вместе
Караваном, длинной лентой.
Так уплыли сладко-мирно
Вороги те Джеджим-пармы —
Вниз обратно удалились
Без скорбей, печали, гнева.
Пурпур-солнце восходило
И багрянцем озарило
Все вершины елей, сосен
На холмах высоких пармы.
Поклонились Богу солнца
Витязи страны лесистой
И молились долго, долго.
Яур, князь рыжебородый,
Доброе тут молвил слово:
«Мы построим здесь кумирню —
То жилище Бога Енмар
И других богов могучих,
И богинь прекрасных неба
И земли просторно-вольной».
И построили кумирню.
Из больших деревьев, сосен,
Из камней, из ольхи мягкой
Понаделали герои
Всех богов изображенья
И фигуры в той кумирне,
Схожие с людьми по виду.
Вкруг расставили в порядке,
Краскою покрыли лица,
Бороды озолотили,

Пурпуром покрыли губы
И сосцы богинь великих.
Воршуд стал в дверях при входе —
Счастья бог и страж премудрый.

XXVI

День прошел, другой и третий,
И еще не знаем сколько,
Все трудились близ кумирни:
Яур-князь, Вэрморт-волшебник,
С ними ж Ошни Лыадорса.
Вниз же плыли по теченью,
По хребту реки прозрачной
Лодки утлые вогулов.
Долго ль, коротко ль — проснулись
Все вогулы, с ними Вакуль,
Князь Асыка грозно-гневный.
Воинам сказал тут слово:
«Обманули песнопеньем
Колдуны высокой пармы
Храбрецов всех нас, вогулов.
Но вернемся мы обратно
И сождем дотла жилище
Яура, владыки пармы.
Слушать песен мы не станем
И сказаньям чудодейным
Не дадим внимастья вовсе».
Так сказал он грозно-гневно,
И послушались вогулы
Своего Асыка-князя
И направились на Джеджим.
А Вэрморт, игрок великий,
Увидал он вновь вогулов,
Вверх плывущих в синей Эжве.
Прочитал он заговоры,
Сильные сказал заклятья:
«Боги леса, вод широких,
Ветер буйный, славный Вихорь,
Отнимите вы дороги
У вогулов и надолго!
Пусть кружатся в темных пармах,
Но не смогут вверх подняться

На ту гору, на святую,
В синие вершины Джеджим
Никогда, ни в кои веки».
Вышли на берег вогулы
И толпой пошли по Джеджим —
В лес дремучий все попали.
Вверх идут — там сосны, ели,
Вниз спускаются, в ложбины —
Там болота, зыбь немая.
Вправо взяли — вот утесы,
Слева — лес тут непроходный.
Закружились иноземцы,
Путь-дорогу потеряли
И топтались в темных пармах.
Тут воскликнул князь Асыка:
«Вновь поймали всех нас в сети,
В паутины чародейства.
Отпусти нас, туп-волшебник,
Ты, Вэрморт, кудесник дивный,
Дай дорогу нам до Эжвы,
Поплывем охотно к дому,
К милым деткам и супругам».
Так сказал Асыка скорбно.
И дорожка тут открылась,
Все вогулы вновь вернулись
К берегам реки прозрачной.
Сели в лодки молчаливо,
Вниз спустились, к устью Сыктыв,
Чтоб вернуться к женам, детям
За Урал, за Камень дальний.

XXVII

«Детство, юность — сколь прекрасны!
Времена вы золотые,
Вы прошли, но повторенья
Счастья, свежести, надежды
Жду я снова с петеринцем.
Утра дней я ожидаю,
Из-за леса восходящих.
Жду зари румяно-светлой,
Золотистой в дальнем небе;
Утренней звездой, покрытой

Тонкой кисеей прозрачной
Легкого тумана дали;
Сумерек перед рассветом
В сочетании с чудной сказкой,
Снов последних перед утром
Повторенья ожидаю,
Сладкой жизни, уж мишувшей.
На блаженных островах я
В безымянном океане
Испытаю снова утро
Юности моей великой».
Так-то Райда размышляла,
Югидмортом все любуясь,
Белым мальчиком па пармах.
Югидморт же был уж отрок,
Он в лесах дремучих бегал,
Веселился, пел, кричал он,
Средь мальчишек был он главным —
Коновод во всех проделках.
И Вэрморт, игрок великий,
Поучал его нередко
Мудростям народов древних.
К звуку домбры приучал он
Помаленьку и неспешно.
Югидморт сказал однажды
Матери своей любимой,
Юра супруге верной:
«Мать моя ты, дорогая,
Расскажи мне: все откуда
Столь чудесно зародилось —
Месяц ясный в дальнем небе.
Солнце красное на своде,
Мать-земля и все деревья.
Знать хотел бы я сначала
Всех вещей происхожденье».
Улыбнулась мать родная,
Улыбнулась дочь Оксора:
«Рано ж начал Югидморт ты
Задавать вопросы людям.
И ответов ищешь всюду.
Знаю я, конечно, много,
Мудрость всю познавши девой
От отца, царя Оксора.
Все ж Вэрморт не хуже знает,

Разумеет много лучше
Всех вещей происхожденье.
Он споеет тебе на домбре.
Ты беги скорей к Вэрморту,
В хижине живет он молча,
Одиноко, тун-волшебник,
Песнопевец безгреховный.
Он познал значенье жизни,
Быстротечность дел обычных,
Миг единый нашей жизни.
В вечной дружбе он с богами
И внимает слову неба.
Так беги к нему, сыночек,
К роднику иди скорее —
Утолит он жажду сердца».
И перечить уж не стал тут
Югидморт, разумный отрок,
К хижине пошел он туна.
На скамье сидел кудесник
У крыльца и спину грел он
В свете солнечном полудня.
«О Вэрморт, пророк народный.
Научи меня ты песням
Старым, древним, величавым!
О вещей происхожденьи
Спой потом ты по порядку,
Чтобы знал я: все откуда
Возникает и зачем же.
Дай вопросы и ответы
В песнопеньях чудно-дивных».
Югидморт так обратился
К туну мудрому, Вэрморту.
Улыбнулся тут кудесник,
Добродушно усмехнулся:
«Попробуем, сыночек,
С разрешенья Бога неба
И других богов великих
И богинь прекрасногрудых
Песни старые на домбре
Воскресить на струнах вещих.
Эти струны золотые
Все-то знают, разумеют,
Ведают дела земные
И вещей происхожденье».

Так ответил тун-волшебник.
И затем пошел на берег
Светлого ручья на парме,
Вымыл пальцы все он чисто
И, вернувшись, взял он домбру.
На скамейку с Югьдмортом
Сел он рядом, тун-кудесник.
Волновать он тихо начал
Струны вещие, святые:
«Енмар, Бог высокий в небе,
Дай нам разум, силу снова,
Дар великий песнопенья;
Разреши ты восхвалить нам
Все дела твои издревле,
Изначала и доныне».
Начал так он и умолкнул
Тут на время, песнопевец.
Он взглянул на крышу мира,
Свод небесный светло-синий.
Продолжал затем он дальше:
«И защитники вы наши,
Боги древние, богини —
На людей вы не сердитесь,
Песнопению внимайте
Добродушно и с улыбкой.
Солнце красное, скажи ты,
Ясный месяц, расскажи нам
Все, как было изначально.
Мать-земля, ты столь пространна,
Чудодейна и прекрасна!
Ты поведай по порядку,
Что сначала и потом что
Зарождалось, расцветало,
Возникало, засияло.
Птицы божьи, прилетайте,
Звери пармы, приходите,
Песнопевцу вы вложите
В уши старые ту мудрость,
Что начертана повсюду
И глядит на вас от века.
Слышу, слышу ваши речи,
Вашу мудрость постигаю».
Струны домбры взволновались
И запели сами, свыше,

Без влиянья песнопевца.
Вот что было изначала —
Струны домбры так запели:
«Колыхались туманы
В пустоте безвидной, темпой.
Света не было в туманах,
Голоса не раздавались
В них, безвидных, темно-вязких.
Енмар-Бог тут появился
И сказал он слово правды:
«Как же быть и что мне делать
В пустоте безвидной, мрачной?
Мир создать бы надлежало...»
Пораздумался тут Енмар
И вздохнул он тяжело-скорбно,
Всемогущий, беспредельный.
Злой Оксоль тут показался,
Енмару сказал он слово:
«Младший брат я, старый Енмар,
Братом был я изначала
И родным тебе, Бог древний.
Дай мне волю, и спущусь я
В глубину туманов вечных,
Принесу тебе я тину,
Там, со дна, достану землю». —
«В пронасть древнюю спускайся.
Принеси земли кусочек», —
Так ответил старый Енмар.
И Оксоль нырнул в пучину
Беспросветного тумана.
Дна достал он и кусочек
Залежи — земли холодной —
Он принес тут Богу-брату
Старшему, святому Енмар.
Отдал тину в руки Бога,
А себе кусочек малый
В рот упрятал тайно, скрытно.
Енмар взял кусок той тины
И посеял вдоль тумана
По безвидной той пустыне.
Острова возникли вскоре,
Океан под ними вечный.
Круговратые движенья
Наступили в океане.

Острова сомкнулись вместе —
Мать-земля образовалась
Над волнами океана,
Гладкая земля вначале.
И деревья выросли
По лицу земли широкой.
Тут Оксоль посеял тоже,
Вынув изо рта кусочек,—
Горы мрачные возникли,
Придавили грудь земную,
Островки в том океане
Создались от посевов.
Енмар-Бог тут догадался:
Крепости великой ради
Он провел хребет Уральский
Поперек земного круга.
Сотворил затем он вскоре
Всех животных, всех по чину
Расположил он в порядке,
Добрыми создал вначале.
Солнце он поставил в небо
Для тепла земной светлицы,
Освещения природы.
Ясный месяц — то для ночи.
Солнце, месяц указали
Временам границы-сроки.
Облака тут понеслись
Над землею многодарной,
Потекли дожди немочно,
Создав реки и болота.
Человека напоследок
Сотворил он, мудрый Енмар.
Не дремал Оксоль коварный,
Злобу сеял меж живыми,
Злые думы дал он людям.
Мир расстроился в ту пору;
Человек в борьбу вступил тут
Со зверями повсеместно.
Звери лютые на пармах
Все друг друга истребляли.
Оскорбился добрый Енмар
И ушел на крышу неба,
На железную ту крышу.
И оттуда загремел он,

Шар катал он там свинцовый
По всему по своду неба,
Стрелы молнии бросал он,
Енмар горный, вниз, на землю.
И Оксоль тут испугался,
Он спустился в глубь земную.
Зажили с тех пор отдельно
Оба брата, рассердившись.
И дворец великий создал
Там, на небе, древний Енмар.
Во дворце зажег лучины —
Звезды яркие — повсюду.
И быка он создал также —
Радугу на тучах темных.
Выпивал тот бык небесный
Весь излишек вод подземных
И ручьев, и рек прекрасных.
В день дождливый он спускался
С туч на землю, весь блистая
Красным, синим и зеленым,
Яркоцветными боками.
И для птиц небесных дал он,
Добрый Енмар, путь молочный
Меж звездами, по равнине
С севера на юг далекий,
Дабы птицы все те знали,
Как лететь на юг прекрасный
В дни осенние надолго
И обратно возвращаться
С моря южного на север
В дни весны приятноликой.
Сам открыл он книгу неба —
Золотую книгу сдревле,
И законы стал читать он,
Чтоб исполнить все по правде.
Птицу Рык поставил в горы,
На вершины гор Уральских,
Дабы ведала та птица
Все законы Бога неба,
Исполняла бы их в сроки,
Предреченные надолго
Между Богом и Оксодем.
Народились боги в пармах,
Всё по воле бога Енмар —

Боги вод, лесов дремучих,
И Воршуд, хранитель дома,
И богини повсеместно.
Жизнь пошла волной широкой
По лицу земли прекрасной.
Все же Енмар недоволен
Нашим миром, полным злобы.
Некогда он все изменит,
От грехов он мир очистит,
Сузит власть Оксоля-брата,
Приберет к рукам всех прочих
И богинь, богатых чарой.
Енмар терпит все до срока
И читает книгу неба,
Золотую книгу, молча.
Будет время, скажет слово,
Слово новое для жизни
Смертным людям и бессмертным,
Всем богам земным, небесным».

XXVIII

Так кудесник, тун-волшебник
Говорил о мирозданьи,
О минувшем, отдаленном,
О начале всех творений.
Пел он день, другой и третий.
Речь держал он по порядку.
Струнам домбры величавой
Весь внимал бесперерывно.
Югдыморт же слушал песню.
И узнал он о минувшем,
Стародавнем и предвечном,
О вещей происхожденьи.
Тут спросил он вновь Вэрморта:
«Как живут все боги наши —
Боги ближние на пармах
И в реках прозрачно-светлых,
На горах седовершинных?
Спой о том ты, жрец-кудесник».
Сердцеведец, приворожник,
Прослезился тут Вэрморт наш,
Опечалился волшебник:

«Мало знают люди-дети
О великом и священном.
Дни проходят чередою.
Жизнь подобна сновиденью,
Есть она и нет ее уж,
Жизни светлой, беззаботной.
Дни печали наступают,
Труд и горе окружают
Черной стаей человека.
Смерть грозит нам ежедневно,
Скалит зубы меж деревьев.
Дай мне силы, Бог мой Енмар,
Удлини ты песнопевцу
Годы жизни без печали.
Пусть напиток пьет он сладкий,
Тот напиток песнопений.
Нет похмелья в том напитке,
Горечи там не бывало.
Струны домбры, вы дрожите,
Вы не бойтесь пальцев старых,
Крючковатых, неподвижных,
В горестях окоченелых.
Без сочувствий он живет ведь
Одиноко в темных пармах.
Любящих его здесь мало,
Друга верного нет в пармах,
Бескорыстья он не встретит.
Смерть закроет скоро очи
Песнопевца, без участия
Тело кинут близ утесов,
У дорожки безымянной —
Без улыбки, без прощанья».
Все же плакать неприлично
Туну-старика на пармах.
Ободрился, дух унылый,
Расскажи ты Югьдмарту
О делах великих, дивных
Тех защитников могучих,
Кем страна родная — парма —
Держится доселе твердо.
А грядущее — во мраке.
«На святом хребте Урала,
На скалах тех сизоликих,
В облачно-вершинных пармах,

У ворот Сибири дальней,
Где могуче льются воды,
Там, где брызжут водопады,
Где режут водовороты
И снега не тают летом,
Близ течений вод студеных,
На высотах безымянных —
Птица Рык там восседает,
Крыльями шумит порою,
Предрекая все несчастья.
Страшно кличет на все горы,
В исполненье Божьей правды.
Временем границы-сроки
Указует веще-громко.
В той стране, далекой Югре,
Есть вершина над горами.
Словно ястреб над лесами
Там парит в лазурной выси
Тол-поз-из, гора святая.
На вершине одинокой
Там гнездо из камня, в выси.
Ветер, бог Шуа великий,
В том гнезде живет издревле;
В каменном гнезде ветров он
Проживает беспечально.
Он же Войпель чуткоухий,
Вихорь буйный, бог суровый.
В день морозный, ясный, тихий
Бог Шуа все слышит чутко —
Каждый шорох в горной выси,
На камнях седых Уральских.
Ежель кто стучать там станет,
Песпи неть — во гнев великий
Он придет, наш славный Войпель.
Бурю снежную поднимет
И погубит человека,
Зверя, птицу беспощадно.
Страшно, страшно в день несчастья,
В пургу зимнюю в Уралах,
Близ гнезда седых утесов,
Где так тяжело восседает
Бог великий, чуткий Войпель,
Между сосен, елей мрачных,
В глубине сугробов снежных,

В можжевельниках шуршащих,
Среди вереска в долинах,
Покровенных пелепою
Севера — снегов неталых,
Молчаливых и угрюмых.
Дети Войпеля на пармах
Обижают беззаботно.
Боги леса — дети Вихря,
Ветра буйного на Камне,
Все живут в избушках серых —
Боги леса, и с семьями.
И шушукаются вместе
В бурю, в непогоду в пармах,
Безрассудно все хохочут,
Хлопая в ладоши громко,
Вихрем вдаль несутся в зиму,
По лесам дремучим мчатся
С гиком, шумом всей толпою,
Валят там деревья в пляске
Бешеной, в сугробах пармы.
Прячутся в испуге звери,
Зарываясь в снег глубокий,
Падают стремглав в сугробы
Птицы в страхе несказанном;
Лешие хохочут хором,
От избушки до избушки
Мчатся, машут все руками,
Ударяя в сосны, ели,
С треском все бегут к той Йоме,
К бабе Йоме в темных пармах —
Пива сладкого напиться.
Любят пиво чрезвычайно
Лешие, подобно людям.
В малицах зимою ходят
И в кафтан сине-зеленый
В пору летнюю одеты.
Боги леса проживают
Пресчастливо, помогают
Нам немало в дни напастей.
А в реке же быстротечной
И в озерах, в темных безднах
Проживают водяные —
В одиночку и с семьею.
Во дворцах они стеклянных

Дни проводят в дикой пляске.
Мы даем им жертвы много,
Чтоб людей не обижали,
Смертью тайной не грозили.
И коров хватают часто,
И быков на перевозах —
Тянут их на дно нещадно.
В дальнем Севере, над морем
Птица Каленик летает,
Блеском перьев озаряет
Лед холодный, темно-синий.
Сыплет искры над горами
Льдов прозрачных и сугробов.
Машет крыльями порою
На небесном дальнем своде.
Дивным светом озаряя
Все пустыни белой тундры,
Птица Каленик летает.
В наших пармах в день осенний
Вечерами собирает
Одиночных птиц на пармах
В стаи крепкие, в соборы —
Для полета в юг далекий.
Много, много, Югидморт мой,
Всех богов в стране холодной
На краю земли великой.
В каждом камне бог живет ведь,
И в деревьях стародревних
Духи жизни обитают.
Охраняет доли в пармах
Счастья бог — Воршуд чудесный.
В берестянке вон сидит он,
Тихо, молча созерцает
Незаметно, несказанно.
Шева-бог живет повсюду.
Заклинаньем извлекают
Из деревьев, камня шеву —
Напустить потом на зверя,
На людей порой из мести
Шеву-бога, эту порчу,
Что так губит человека.
Орт-двойник, живет он в теле
Человека, в сновиденьях,
Бродит-ходит он повсюду;

Видит, слышит, помнит, знает
Грезы, думы, все виденья.
А со смертью человека
Орт-двойник не умирает,
Остается жить надолго.
Силу чар и заклинаний,
Тайны темные природы
Не могу поведать вскоре:
Юн еще ты, мой любимец,
Югйдморт мой, внук Оксора».

XXIX

Долго, долго слушал Югйд
Мудрость дивную Вэрморта,
Напоследок он вернулся
К матери своей любимой.
И промолвил тут оп слово:
«Мать родная, дорогая,
Я все слушал чародея.
Нет конца его познањям,
Песнопеньям нет предела.
Чары туна всемогущи,
Превзойти его невозможно,
Здесь живя, па Джеджим-парме.
А хочу я быть превыше
Всех кудесников на парме.
Петь желаю я искусней
Самого Вэрморта-туна.
Отпусти меня надолго
В страны дальние востока.
Там узнаю я побольше,
В тех равнинах за Сибирью,
За горами, за Уралом
И за Камнем кренкозданным.
И вернусь оттуда мудрым,
Превзойду я песнопеньем
И Вэрморта, и всех тунов,
Счастлив буду навсегда я».
Ужаснулась дочь Оксора,
Услыхавши слово сына,
И всплеснула тут руками,
Напоследок прослезилась

И сказала слово правды:
«Ты же молод, Югьдморт мой,
Странствовать тебе ведь рано.
И умру я здесь, на пармах,
Вдруг лишившись Югьдморта;
Ты оставь пустые думы,
Князем будешь в Джеджим-парме.
А цевесту я найду ведь
В знаменитой Биармии,
У Двины-реки привольной».
Начался тут спор великий,
Состязанье Райды с сыном.
Яур, князь рыжебородый,
Райда, белая супруга,
Не пускали Югьдморта
В страны дальние востока.
Тут раздумалась о жизни
Райда белая на парме:
«Все то горе из-за тупа,
Он виной всему — Вэрморт наш.
Я лишилась Биармин:
Чародейством домбры древней
Отнял он мой город Кардор.
А теперь и Югьдморт мой
Отправляется за горы
Из-за мудрости Вэрморта,
Пожелавши быть повыше
Всех певцов на Джеджим-парме.
Прогоню я песнопевца —
Пусть живет вдали от Джеджим».
Так-то думала супруга
Яура, владыки пармы.
И сказала тут Вэрморту:
«Ты покинь святую гору,
Джеджим-парму ты оставь уж
И живи от нас подальше».
И покинул Джеджим-парму
Песнопевец знаменитый,
Тот Вэрморт, игрок великий.
И грустил в пути, в дороге,
Шествуя один с котомкой
По лесам дремучим, диким.
«О, как горько, о, как тошно
Человеку в этом мире,

В черно-белом, желто-красном!
Холод жизни поедает
Силы сердца раньше срока».
Руки, ноги заболели
У Вэрморта-песнопевца.
«Райда белая прогнала
Из лесов моих любимых,
Пожелала отомстить мне
За обиды блармийцев.
Вижу я неблагодарность
И ничтожность чародейки —
Дочери Оксора Райды.
Енмар-Бог меня покинул,
Позабыл ты песнопевца.
Дни его проходят тщетно
В одиночестве печальном»,—
По дороге так-то плакал
Тун-кудесник ослабевший,
Потерявший силы-чары.
Шанка набок тут свалилась —
Голова тряслась от горя,
Губы алые дрожали.
Тосковал Вэрморт так сильно,
Несказанно он грустил тут.
Загремел внезапно Енмар,
Подал знак отец великий
Песнопевцу-чародею.
«Видно, слышишь ты Вэрморта,
Плач его достиг уж неба.
Отвечашь, добрый Енмар,
Громом страшным с вышины ты
На печаль мою, на горе»,—
Говорил так тун-кудесник.
Услыхала гром небесный
Райда белая из Джеджим,
Испугалась и укрылась
В дальний терем, чтоб не слышать
Грома Бога с крыши неба.
День один, другой и третий,
Месяц долгий проходили,
Югыморт твердил все то же,
Повторял с утра до ночи —
Все просился в путь-дорогу.
«Не могу жить в Джеджим-парме,

Мудрости ищущего востока».
Напоследок поустали
Яур-князь, супруга Райда
Видеть слезы Югидморта,
Слышать стоны, восклицающья.
Снарядили в путь-дорогу
Сына милого к востоку.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса
Выдолбили в Джеджим-парме
Из сосны великой, старой
Лодку новую для Югид.
Засмолили эту лодку
И пустили в воды Эжвы.
Югидморт садился в лодку,
С ним силач Кэртморт могучий.
Бога Воршуда дала тут
Райда белая в подарок
Югидморту — во хранение
Сына милого в дороге.
Домбру новую князь Яур
Подал сыну на прощанье.
Заиграл тут Югид громко.
Он с весельем собирался
Плыть по Вычегде широкой.
Звери, птицы провожали
Югидморта с гор высоких.
Райда плакала близ Эжвы,
Руки белые ломала,
Тосковала несказанно,
Югидморта отпуская.
Яура сынок отважный
Вниз пустился по теченью
Вычегды-реки прекрасной.
С ним силач Кэртморт могучий.
Дальше, дальше уходила
Лодка малая от Джеджим.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же Ошпи Лыадорса —
Все глядели вниз по речке,
Вспоминая дни былые,
Юность дней давно минувших.
Дочь Оксора проливали
Слезы горькие о сыне.

Орошала Райда берег
Каплями слезы алмазной.

XXX

«О, как сладки эти песни
Стародавние на домбре.
Потерял рассудок вовсе
Комиморт я одинокий,
Потерял я мудрость жизни,
Испарился весь мой разум,
И не знаю, где теперь он,
Разум жизни невеселой.
Я прикован чародейно
К старине святой, великой,
К звону домбры вековечной.
Я на лестнице стою ведь,
На той лестнице бессмертья,
В небеса ведущей прямо,
Что искал я, слезно плача
С колыбели до могилы.
И не ведал я покоя
И лишился вот рассудка.
Я забыл дела на пашнях
И заботы на новинах,
Отложил я попеченье,
Весь охваченный безумьем —
Песнопеньем чародейным,
Звуком горним, отдаленным.
Вот доносится до слуха
Старины певуче-звонкой
Гул и шум и говор тихий
Милых предков отдаленных».
Сосны красные на пармах,
Ели мрачные в ложбинах
Все рядами сплошь стояли,
Речь великую держали:
«Чудо новое на Джеджим:
Югыморт плывет по Эжве,
С ним силач Кэртморт могучий.
В страны дальние Востока
Ведь направились герои.
Подвигов юнцы желают,

Новых песен, притчей-сказок,
Мудрость дальнего Востока.
А Вэрморт бредет на пармах,
К Вишере стремится старый.
Райда ж плачет неутешно
В тереме своем на Джеджим.
Много ж горя в жизни нашей!»
Так сказали сосны, ели
И качали головами.
На холмах стояли сосны,
А в ложбинах пихты, ели
Сказки сказывали дальше.
Молния сверкнула в парме,
Встрепенулись птицы, звери
Так внезапно от удара
Стрел чудесных Енмар-Бога.
Взволновались птицы, звери,
И теперь от слов священных
Великанов-сосен, елей
Побежали все толпою.
Они-медведь — на красный берег
Поспешает, Югыдморта
Увидать там он желает.
Волк же бурый, матерелый,
Он бежит навстречу туну
Поздороваться с Вэрмортом.
Ера-лось, он устремился
В Джеджим-пармы, плач царицы
Там послушать под оконцем
Терема в стенах дощатых.

Побежали так все звери
По тропам по разным в пармах.
Птицы тоже все летели —
Кто на берег, кто на Джеджим,
Кто на Вишеру к Вэрморту.
Лесом шел Вэрморт-кудесник,
Узкою тропой лесною.
По излучинам дорожки
Между сосен, елей темных,
По горам, покрытым ягой —
Ягелем, шуршащим мягко,
Белым мхом сухим, серебристым,
Чем питаются олени.
Шел Вэрморт и любовался,
В ельники вступал он дальше,
Там зеленые узоры
Голубики сине-сладкой
И черники влажно-сочной,
Кумачовые кусточки
Стелются брусники крупной.
Эти ягоды приятно
Утешали взоры туна,
Чародея-песнопевца.
И в болото он спускался,
Клюквой красною любуясь.
Журавли там повстречались
Длинноногие повсюду.
Пел Вэрморт в лесу дремучем:
«Ничего-то нет ведь слаще
Горницы лесов сосновых,
Крыши вырезной верхушек
Северной светлицы в пармах.
Благодарен чрезвычайно
Я тебе, мой Бог высокий,
Вновь утешил песнопевца,
Вовремя поспел ты к старцу,
Мысли добрые ты вызвал
Из души, согбенной горем.
Звуки сладкие ты дал мне:
Вот в умах звучат пазванья
Деревень уютно-дивных;
Лозым-деревенька в пармах;
Там Эжол на речке Енмар.
О, Эжол, Эжол прекрасный,

Отдается звук твой в сердце!
Снится «Лозым» в синей горке.
Так утешил Енмар — Бог мой —
Чудным звуком песнопевца».
Долго странствовал кудесник,
Много видел, был повсюду;
У верховьев быстрой речки
Вишеры, текущей к югу
С севера, с Уралов светлых.
Напоследок поселился...
Мудрая хозяйка леса,
Сизью-Гэтыр по прозванью,
Приняла Вэрморта с лаской
В темно-серую избушку.
Птицей сладкой угостила
И потом сказала слово,
Улыбнувшись лучезарно:
«Ты живи в моей избушке
До конца великой жизни.
Будь ты мужем мне желанным,
Тем супругом, кто приятен
Сердцу женщины безмерно.
Так живи, Вэрморт-кудесник,
Дай потомство Сизью-Гэтыр.
Я детей иметь желаю,
Счастливо живя на пармах
В роскоши лесов дремучих».
Тут Вэрморт не смел перечить.
Стал он мужем Сизью-Гэтыр,
Женщины мудрейшей в пармах,
Той хозяйки благолепной
Всех верховьев быстрой речки.
Прибежал медведь угрюмый,
Вишеры мудрец-топтыга,
С ним же вместе волк матерый.
А за ними горностаи
И лисица с росомахой,
Зайцы, белки — всей толпою —
И сказали в один голос:
«Долго, долго ожидали
Мы тебя, Вэрморт-кудесник,
Мы скучаем здесь, на пармах.
Спой нам песню, притчи-сказки
Расскажи нам своевольно.

Жаждем звуков мы священных,
Безгреховных древней домбры.
Ты сыграй нам, не ленися».
Домбры звон там раздавался.
Издивилися все звери,
Наслаждались звуком домбры,
Лежа мирно под оконцем
У крыльца избушки серой
С позволенья Сизью-Гэтыр.
А когда Нэрморт по лесу
Он бродил неторопливо,
Ручеек, со скал бегущий,
Ласково просил, журчащий:
«Песнопевец, научи ты,
Как журчать волнами славно,
Говорить, смеясь, игриво».
Клест и щур просили тоже
С вышины верхушек сосен:
«Тун-кудесник, ты послушай
Наше пенье со вниманьем:
Гип-геп, гип-геп, карц-парц...
Научи ты петь нас лучше,
Заунывно и печально».
Тетерь серый говорил тут:
«Пэд-эд, тэ-эд, тэд-эд, лэп-эд,
Песнопевец чудно-дивный,
Ты сыграй на дивной домбре.
Звуки песни сохраним мы
Для потомства в темных пармах».
Белка красная смеялась,
А потом и плакать стала:
«О, Вэрморт, я не умею
Волновать сердца живущих
Звоном песен чародейных.
Научи нас всех, коль можешь,
Тун-кудесник, царь ты песен».
Пел Вэрморт и утешал он
Птиц, зверей в лесах дремучих.

XXXI

Осень поздняя настала,
Ветры с севера подули,

С волн студеных океана.
Зашумели сосны, пихты,
Взволновались ели, ольхи,
Шумом пармы наполнялись.
Горы, доли волновались —
Дождь холодный лился с неба.
За медведицей бежали
Тут медведи с треском, с шумом.
И валилися деревья
Стародавние на землю.
Боги леса суетились
И бродили по дорожкам
Безымянным между сосен.
За дождем снежинки дальше
Поднялися и кружились.
Под лесами и рекою
Умолкали, воскресали,
Вновь угасли звуки песен
Родников, ключей в ущельях.
Напоследок все уснуло
В зимней слячке и падолго.
Горы, доли наполнялись
Чистым снегом серебристым,
Льдом хрустальным покрывались
Реки в пармах белоснежных.
В малицы одеты сосны.
Пихты, ели — вслед за ними,
И береза, и рябина.
Тун Вэрморт, кудесник старый,
В теплой он сидел избушке,
С ним же рядом Сизью-Гэтыр
Пряла молча на кудели.
Кырныш-ворон прилетел к ним
Весь озябший и в избушку
Залетел он к песнопевцу.
«Мы, все птицы, зря летаем
Над лесами, над горами,
А медведи спят в берлогах,
Лапы там сосут спокойно.
Волки бродят по дорогам,
Их желудок посит быстро,
Странников-волков голодных», —
Говорит так Кырныш-ворон,
Расположившись удобно

На притолке средь избушки.
И спросил Вэрморт-кудесник
Гостя черного неспешно:
«Повости какие в парме,
Расскажи нам, мудрый ворон».
«Повостей особых нету,
Жизнь идет всё, как и древле.
От рожденья — все к ущербу,
От ущерба — вповь к рожденью.
Яур, князь рыжебородый,
Размышляет беспрерывно,
О делах скорбит народных —
Как устроить жизнь получше.
Райда ж плачет денно-нощно
Все о сыне драгоценном.
Сильный Ошпи Лыадорса,
В кузнице кует он косы,
Сошники из крепкой стали
И мечи порою, копьа.
Искры сыплются от стали,
И стучит там звонко молот.
На оленях с дальней тайги
Вот посланец прибыл к князю
От Турьяна, царя Югры,
А другой — из тундры дальней.
Приглашают князя в тундру
На великий пир у Лого.
Тариолу за Тарьяна
Замуж выдает хозяйни
Тундр обширных, Того-Лого.
Яур, князь рыжебородый,
Собирается он в тундру —
И с супругой, белой Райдой.
Пригласят тебя на свадьбу,
Вместе с дочерью Оксора
Ты поедешь на оленях.
Райда ж любит ведь Вэрморта
И все помнит неизбывно».
«Полно, полно, мудрый ворон,
Обольщать певца Вэрморта», —
Так ответил тун-кудесник.
Ячменем тут угостил он
Кырныша в избе досыта.
Посогревшись, улетел он,

Черный ворон, за вестями.
А Вэрморт, он взял тут домбру
И воспел величье Бога:
«Как велик ты, Бог мой, Енмар,
Как прекрасен лик небесный,
Сколь ты добр для человека.
Кто познал тебя душою,
Восхитил сиянье неба,
Красоту постиг на своде
Голубом, на черных высях,
Где свершает бег предвечный,
Предреченный солнце-дева?
Месяц ясный — пастырь неба,
Что пасет стада созвездий.
Дивно, дивно все творенье!
Сколь чудесно сочетанье
Дел и дум твоих на небе,
И внизу, на океанах,
На земле богатой, тайной.
Ты прими мое моленье
И прости мои ошибки.
Солнце дальше уходило
С севера на юг огнистый.
Снег пушистый изукрасил
Все верхушки сосен, елей.
Резьбой белою искусно
Все излучины, дорожки
Тщательно покрыл надолго
Белой пылью повсеместно.
А светлицы гор высоких,
Горницы пизил болотных
Белой кровлей аккуратно
Он покрыл и осторожно
Остудил потом Бог-Енмар
Все жилища в светлых пармах.
А Морозко с красным носом,
Он стучал в лесах усердно,
Был прилежен белобородый
Мудрый старец, величавый.
Братом ведь он приходился
Вихрю буйному в Уралах».
Пестрый дятел прилетел тут
К обаятелю Вэрморту.
Стал стучать ретиво клювом

В елку старую немолчно.
Он червей искал на пищу
Под корой дерев древнейших.
А от елки близ избушки
Перешел к сосне великой,
Продолжал стучать безмерно.
Вышел старый песнопевец
На крыльцо избы сосновой
В валенках и теплой шубе,
Солнца пурпуром дивился,
На земное глянул небо —
Небо светлое над лесом.
И сказал он слово дятлу:
«Пестрый дятел, что стучишь там
Па всю парму сильным клювом?
Ты зайди ко мне, к Вэрморту,
Семенами угощу я,
Ячменем тем золотистым».
«Некогда мне прохлаждаться, —
Пестрый дятел так ответил. —
Мне червей побольше надо,
Недалече ждет супруга,
Сказки новые готовит
Для меня, на елке сидя.
Зимней сказкой потешаюсь.
А к тебе в избушку скоро
Уж гонец — летит стрелою
На оленях в легких санках,
Туриморт из Джеджим пармы».
Верно было слово дятла.
Меж деревьев показался
Туриморт в тяжелых пимах.
Прибежали тут олени,
В санках привезли тун-Тури.
И гонец сказал тут слово:
«Яур, князь рыжебородый,
С ним его супруга Райда,
Украшение Биармии,
Шлют привет тебе, кудесник,
И зовут на Джеджим-парму.
Вместе с ними ты поедешь
В тундры дальние, на север
К Того-Лого гостем званым.
Тариолу за Тарьяна

Выдает владыка Того —
Деву замуж князю Югры».
Сизью-Гэтыр услышала
Туриморта, затопила
Печку жарче, наварила
Кашу вкусную поспешно —
Ту, ячменную, в приятность.
Из голбца же принесла тут
Пиво хмельное на сладость.
Угостили Туриморта
Песнопевец тун-кудесник
И жена его, та Сизью.
Был доволен чрезвычайно
Туриморт, живя у туна.
И уехал он обратно,
Чтоб поведать князю пармы
О Вэрморте-чародее.

XXXII

Длится песня Комиморта.
И конца не видно вовсе.
Нет конца чудесной сказке,
Древней сказке о минувшем.
Велика ведь жизнь земная.
«Я устал, умолкли струны,
Биармия ж вся осталась
В глубинах времен минувших.
Тихо, медленно идет ведь
Все великое на свете.
Кто певцу пути укажет?
Кто поможет песню спеть нам?
Где найдем мы силу пенья,
Чтоб докончить начатое?
Бог мой, Енмар, ты поможешь,
Долголетье Комиморту
Ты даруешь милосердно.
Долго, долго буду петь я,
Удосужившись на домбре.
Стану я играть немолчно.
Мне излучины известны,
Все тропинки в нестрых пармах.
По тропинкам невидимкой

Тихо шествует сказанье,
Вьется и скользит тихонько
Сказка древняя неснешно.
Катится клубок преданья
Постоянно, молчаливо.
Все концы лесной дорожки,
И тропинки меж деревьев
Мне известны досконально.
Также Енмару на небе
Уж заранее известны
Все концы земных деяний
И последствия событий.
И спокойно созерцает
С крыши неба дивный Енмар —
Как, куда стремятся волны
Дел земных и мудровожей
Суесловных человека.
Вот его-то и зову я,
Чтоб помог он мне докончить
Начатое не бесславно».

XXXIII

Земляничкой пахнет всюду,
Аромат несется с пармы.
Ошибаетесь вы, детки,
Размышляя о желудке
Постоянно, дню-нощю.
Комиморт увлекся ныне
Не желудком, вечно тощим.
Земляника не прельщает,
Аромат не увлекает
Комиморта ничче вовсе.
Речи дивные не слышит —
Речь деревьев у истока
Быстрой Ижмы каменистой,
Речки темной, быстротечной.
Кедр высокий поднимался
Близ начала серой Ижмы.
На увалах горно-кряжных
Речь держал он по-илому,
Кедр великий, старец мудрый:
«Посмотрите вы, сестрицы,

Сосны, ели, пихты, ольхи,
Можжевельники близ леса —
Что-то новое случилось.
На окраинах вселенной
Яур, князь рыжебородый,
С ним его супруга Райда
И Вэрморт, игрок великий,
С Джеджим-пармы выезжают.
В север дальний собралися
На оленях быстроногих,
В санках легких, быстроходных.
Райда в красную одета
Шубу теплую с покровом
Кумачовым — нарядилась.
В белой малице сам Яур,
В черной шубе тун-кудесник,
Песнопевец знаменитый;
Вон спешат они на Ижму
Через пармы с громким звоном —
Колокольчики на иле
У оленей бел-мохпатых.
На великий пир по зову
Устремились к Того-Лого.
Тариолу за Тарьяна
Выдает владыка тундры,
Деву замуж князю Югры.
Обещал калым богатый
Царь югорский на Печоре
Самоеду Того-Лого.
Если спросите меня вы,
Кедра старого без шутки:
Где ж кузнец тот, сильный Ошпи,
Быстрый Ошпи Лыадорса?
Я отвечу, я скажу вам:
Он остался в Джеджим-парме
Охранять богатства Райды.
Райда белая собралась
В тундры дальние, на север,
Без желанья, неохотно.
Яур, князь рыжебородый,
Убедил ее поехать:
«Райда, белая красotka,
Украшенье нашей пармы,
Терем свой покинь на время.

Красоту утратишь скоро
Ты в слезах о сыне Югид.
Побывай у Того-Лого,
Осуши на время слезы
И предай ты их забвенью».
Так сказал супруг ей верный.
И словам его поддалась
Славного Оксора дочь
Райда, мудрая вещунья.
Посмотрите: звери, птицы
Взволновались все по Ижме.
Ожидали все красоту,
Синеглазую царицу.
Буйным вихорем несутся
Быстроногие олени.
Твердый наст снегов великих —
Гладкая для них дорога».
Все-то верно говорили
Те священные деревья,
Росшие у речки Ижмы
На увалах многодумных.
Яур, князь рыжебородый,
С ним его супруга Райда
И Вэрморт, игрок великий,
Ехали все на оленях
По сугробам отвердевшим,
Бриллиантами игравшим
В солнечных лучах весенних.
По узору снежной Ижмы
Путь держали дети пармы,
Приближались к юртам Того,
Старшины, владыки тундры.
Там и сям паслись олени
И бродили по сугробам,
Белый ягель добывая
Из-под снега, льда на парме.
Ударяли те олени
В лед копытом острым дружно
И ломали лед хрустальный,
Выгрызали вкусный ягель,
В дни зимы себя питая
Многотрудно, не без горя.
Песнопевец, тун-кудесник,
Он сказал тут слово правды,

На стада оленей глядя:
«Посмотрите-ко, друзья вы,
Яур, князь рыжебородый,
И ты, Райда, дочь Оксора:
Многотрудно добывают
Пищу сладкую олени
Из-под снега, льдов хрустальных.
Бьют копытом в лед зеленый
И ломают на куски все,
И под ними белый ягель
Щиплют острыми зубами.
Так себя они питают,
Доставляя жизнь и пищу
Северянам, самоедам,
Отдавая человеку
Шерсть и кожу, тело в пищу,
Кровь в напиток самоедам,
Кожу белую — в одежды
И рога в посуду людям.
О, безвинные творенья
Бога высшего на небе!
Вы — священные сосуды
Жизни сладкой тундр великих.
Без оленя невозможно
Жить на свете человеку
Близ студеных, отдаленных
Берегов песчано-ровных
Океана — старца мира.
Как назвать мне вас, олени,
Оценить как щедрость вашу?
Дивным чудом жизнь творится
На земле пространной ширью».
Так сказал он, тун-кудесник,
Заиграл затем на домбре.
Прибежали тут олени,
Эти кроткие творенья,
И сказали, и ласкали,
Алой мордой целовали
Песнопевца-чудодея.
И мычать все стали разом,
И бодаться тут рогами,
Подражая звукам домбры.
Прыгали в снегах в восторге
Эти дети тундр великих.

И заплакали герои —
Яур, князь рыжебородый,
И Вэрморт, игрок великий,
Залилась слезами Райда,
Видя радость и веселье
Стад оленьих быстроногих
И невинных, и прекрасных,
Простодушных, величавых.

XXXIV

Начался тут пир великий,
Пир роскошный, многоленный
В красной юрте Того-Лого,
Старшины, владыки тундры,
Вкруг костров сидели гости,
Званые из стран далеких,
Полубоги там сидели
Тех времен, давно мипувших.
Тариола близ тагана,
Близ костров, шипящих громко.
Тариола, та невеста
С черною косою густою
И с глазами, словно звезды,
Неба горного созвездья.
В совике из красной ткани
С землявикой была схожа
Та невеста. Тариола,
Чудо-дева светлой тундры.
Близко к ней Тарьян, князь Югры,
Дорогой жених с Печоры.
Седой царь Печоры синей,
Он отец Тарьяна мудрый,
Близ костра сидел преважно
Соболями весь покрытый.
Того-Лого тут же, рядом,
Сам хозяин красной юрты,
Он отцом был Тариолы.
Сарго-Яга, тун-кудесник,
Восседал он величаво,
Под себя сложивши ноги
В белых нимах драгоценных.
Туриган, голец Оксора,

Он сидел немного дальше,
Полулежа на мехах тут,
На оленьих шкурах мирно.
Яур, князь рыжебородый,
И Вэрморт, игрок великий,
С ними Райда — чудо пармы.
Близ огня сидели рядом.
Самоеды вместе с Югрой
Пили кровь оленью сладко.
А герои с Джеджим пармы,
Райда белая за ними,
Вкусной рыбой наслаждались.
Сур медвяный, многохмельный
Из рогов оленьих пили
Многославные герои.
Развязались языки тут,
И расхвастались все гости
Кто чем мог и как умел он.
Сарго-Яга заиграл тут
На своей на домбре тундры.
Удивились герои
Песням тундры многозвучной.
Сарго-Яга, песнопевец,
Говорил слова такие:
«Тариола, ты красотка,
Ягель белый на равнинах,
Нежная трава близ речки,
Ты — брусника светлой тундры,
Ягодка в стране безлесной
Вблизи моря, чаровница,
Радуйся ты, дорогая.
Будь счастлива ты с Тарьяном
В веки долгие на тундрах».
Воспевал так Сарго-Яга
Тариолу в светлой юрте.
Тут Вэрморт запел, кудесник.
Взявши в руки домбру нармы:
«Приходите, приходите,
Боги неба все оттуда,
Из-за крыши небесной,
Посмотрите, полюбуйтесь:
Цвет весенний между нами —
Чудо-дева Тариола.
Серебро реки тундровой,

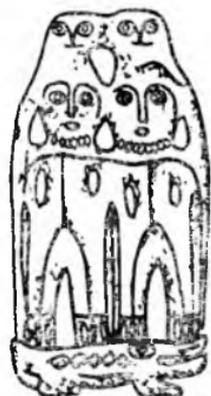
Золото зари востока,
Бронза на верхушках сосен.
В час вечерний, в час заката
Побледнели звуки, краски
Всей природы поднебесной —
Тариола все затмила,
Чародейка, первозданно.
Синь озер и пурпур солнца,
Белоснежные равнины
Тундры вольной, беспредельной —
То подножье Тариолы,
Той богини, той царевны,
Тариолы несравненной.
Папоротника цвет незримый,
Цвет таинственный, огнистый —
Губы алы Тариолы,
Той красотки тундры белой.
Лепесток ты дикой розы,
Цвет терновника близ леса,
Солнечных лучей сиянье
По краям кудели-тучи —
То ресницы Тариолы.
Птицы черные на небе,
На дуге молочной неба —
То глаза ведь Тариолы.
Облаков кудрявых стаи —
Груди пышны Тариолы.
Озера горящий пурпур
В час весенний, в час заката —
Нежные сосцы красотки,
Ягодки неизреченной.
Струны домбры — волос девы,
Дуги-арки над конями.
Перья Каленик над тундрой —
Брови девы благочестной.
Тариола, Тариола,
Мой язык пуглив, бессилен
Восхвалить твои богатства —
Думы горни, трепет сердца
Милой девы ненаглядной,
Улыбнися — дух воспрянет,
Загрусти — прольются слезы
У могучих всех героев.
Ты царица всех движений,

Властвуешь ты безгранично.
Своевольно, мило, нежно.
Драгоценность меж женами,
Ты — последнее творенье,
Лучшее меж всеми в мире.
Вздох последний Бога неба,
Дивной кисти испытанье
И могущества предел ты,
Чародейства ты граница,
Звук последний песнопевца.
Слез и смеха сочетанье.
Дивной сказки тайный узел,
Прелесть жизни, чарованье.
Ты — загадка для познавших,
Луч зари для непознавших.
Цель, стремленье жизни сердца.
Горнее для всех желанье.
Горностаи ты в белой тундре,
Ты — лебёдка, песня-сказка,
Что волнует душу мужа
Беспрестанно, неизбежно.
Цвет весенний, улыбки,
Дар ничтожный звона добры
Ты прими рукою белой,
Прикоснися дуновеньем,
Невидимкой обласкай нас,
Обедневших песнопевцев».
Тут всплакнула Тариола,
Услышавши звуки песни
Чародейные Ворморта.
Прослезились и герои,
Долго плакали, обнявшись,
И рыдали в умиленьи.
Тут очнулся Сарго-Яга,
Рассердился чрезвычайно.
«Ты пришелец, тун лукавый,
Ты заколдовал героев
Ведь напрасно, бестолково.
Я заклятем черnodумным
Превращу тебя сейчас же
В волка бурого на тундрах,
Побежишь стрелой из юрты
Волком желтым и беззубым!»
Так сказал тут Сарго-Яга.

И нахмурился кудесник,
Тот Вэрморт, игрок великий,
Вещее сказал он слово:
«Птица Рык в горах священных,
Посмотри на Сарго-Яга:
Святотатцем он явился,
Самозванцем в высшей жизни.
Обрати его ты в зайца
Пучеглазого надолго».
Испугался Сарго-Яга
Тех заклятий чародейных
И запрыгал он тут зайцем
Пучеглазым по всей юрте.
Опрокинул он таганы
И котлы с кипящей рыбой,
Выскочил из юрты светлой
И носился по полянам
Зайцем белым, быстроногим.
Лайки ж гнались вслед за зайцем.
Испугались тут герои
На той свадьбе знаменитой
И сказали в один голос:
«Ты прости, Вэрморт великий,
Дерзкий вызов Сарго-Яги
И сними свои заклятья,
Человека прежний образ
Возврати ты песнопевцу».
«Исполать вам, гости-братья!
Я сниму с него, заклятья,
Человека прежний образ
Возвращу я Сарго-Яге,—
Так сказал кудесник нармы
И воздел он руки к небу:—
Птица Рык, живешь ты правдой,
Исполнительница Енмар.
Ты услышь, прости безумца.
Человека прежний образ
Ты верни ему чудесно».
Человеком стал тут Сарго,
Показался всем героям.
И затем пошел на север,
К матушке своей родимой
С жалобой на Вэрморту.
Увидала Сариола

Песнопевца Сарго-Ягу
Вблизи моря, в дальней тундре.
Рассказал тут Сарго-Яга
Матери своей любимой,
Как на свадьбе он обижен.
Сариола так сказала:
«Сам во всем ведь виноват ты.
Ты зачем обидел туна
Словом дерзким, неразумным?
Больше большего не будешь,
Сын мой милый, ты безумец.
Наибольший тун-кудесник
Тот Вэрморт, игрок великий,
На всем севере нет больше
Чернокнижника, сильнее.
Обоятся Вэрморта».
Пир великий продолжался.
Ели, пили сладко, вдосталь
Гости званые у Лого.
Девы пели возле юрты
В пестрых совиках, красочки:
«М-га, м-га, это было
Уж давненько в тундре той.
Караванами бежали
Быстроходные олени,
Те рогатые красавцы.
К морю дальнему умчались,
Вместе с ними самоеды
В золотых санях по тундрам.
Серебристый мох встречался,
Лен кукушкин золотистый,
Изумруды трав зеленых
Возле речек переливных,
Близ озер глубоководных.
М-га, м-га, дальше в тундрах
Журавли им повстречались,
Гнездышки в березках белых,
Близ утесов гладкостенных.
Лебеди летали стаяй
Ближе к морю, где покраще.
М-га, м-га, Усако —
Древний камень — был он в тундре
На Войгаче отдаленном,
Диком острове пустынном.

Там ведь горы все из меди.
Самоеды поклонились
Уэсако из гранита,
Целовали руки бога,
Жертвы также приносили,
Угощали старца-камня
Уэсако. Сейчас спит он,
Почивает он подолгу
У студеных волн пролива;
А потом он вдруг проснется,
Много счастья принесет нам,
Тариоле дар богатый
Принесет он непременно.
Здравствуй, здравствуй, Тариома.
Ягодка, красotka наша!»
Так-то пели возле юрты
Девы красные, яранки.
Тут герои выходили
На поляны, на равнины
И в борьбу вступали рядом,
Взявши за руки друг друга.
Яур, князь рыжебородый,
Всех сильнее оказался:
Побросал он всех героев
В снег глубокий на равнине.
Удивились все гости,
Гости званые у Лого.
И толпой вернулись в юрту.
Снова ели, вдосталь пили
Сур медвяный, кровь оленью.
Красен пир был знаменитый
В светлой юрте Того-Лого.
День один, другой и третий,
Ведь уж месяц продолжался
Пир веселый в белой тундре.
Рог луны тут показался,
Новый месяц зародился,
Ветры теплые подули,
Быстро таяли сугробы,
Ручейки уж просыпались,
Заревели водопады.
Птицы с юга прилетели,
Шум их крыльев доносился
До ушей героев в юрте.

Пораздумались все гости,
Начали тут разъезжаться
На собаках, на оленях,
Кто как мог и что имел он.
Тариола в путь собралась,
И Тарьян за нею также,
К берегам реки Печоры —
Садмея-царя в хоромы.
Того-Лого караваном
К морю дальнему собрался.
Он сложил на сани юрту
И стада погнал оленей:
Самоеды вместе с ними.
Яур, князь рыжебородый,
С ним его супруга Райда
И Вэрморт, игрок великий,
Кочевали тоже в тундрах,
Вблизи моря побывали.
После лета все вернулись. —
Яур, Райда в Джеджим-парму,
А Вэрморт, кудесник славный,
К Вишере он устремился.
Он пошел к супруге верной,
К многомудрой Сизью-Гэтыр.
Этим кончился великий
Многославный пир у Лого.

Из-за туч румянец солнца
 Восходил в то утро рано.
 Птица-солнце ночевала
 В облаках пурпурно-светлых.
 Вылетела спозаранку
 Из гнезда — румяной тучи,
 Поднялась затем на небо,
 Засияла ярким светом
 Летнею порою жаркой.
 Дивовался чудо-птице
 Тун-Вэрморт, кудесник славный.
 И сказал он слово правды:
 «Енмар, Бог мой, чудесами
 Поражаешь ты безмерно.
 И красоты раскрываешь
 Пред глазами человека.
 Сколь ты добр, отец великий!»
 Это ж видел кедр старейший
 И промолвил он тут слово:
 «Двум вещам я удивляюсь:
 Красоте природы дивной
 И восходу и закату
 Солнца яркого над нами.
 Также взор мой поражает
 Беспредельное безумье
 Человека в этой жизни.
 Посмотрите вы на Райду,
 Верную супругу князя —
 Ведь сама же отпустила
 Югьдморта в путь далекий
 И теперь же непрерывно
 Проливает слезы в пармах,
 В тереме своем на Джеджим.
 Вот послушайте, как плачет
 Райда, белая красотка».
 Говорил все верно старец,
 Кедр великий, на увалах.
 Райда плакала, тоскуя,
 В тереме своем на Джеджим:
 «Дона, дона, миян пией,
 Съёлём, съёлём, миян пией.
 Где ты, где ты, мой сыночек,

Драгоценность, сын мой милый?
Где ты, друг мой, сердцевина
Помыслов моих печальных?
Ясный месяц ты на небе,
Солнце красное на своде.
Где сияешь ты, мой милый?
Кто глядит в глаза сыночка?
Кто любит тебя тобою?
Или нет тебя уж больше,
Расклевали божьи птицы
Очи ясные у Югыл,
Звери лютые сожрали
Тело белое сыночка.
О, невозможно мне так думать,
Мыслить так ведь не могу я.
Не стерпеть мне боли сердца,
В глубь земли спущусь я скоро.
О ты, Енмар, Бог великий,
Дай взглянуть еще разочек
На глаза мне дорогие.
Птица Каленик, святая,
Прилетай скорей, дружок,
Принеси ты Югыморта
На спине твоей священной.
Я прижму к груди печальной
Сына милого надолго.
И держать я буду долго
Дорогого мне сыночка
У груди своей у белой.
Девы нежные на пармах —
Сосны, ели, пихты, ольхи, —
Пожалейте мать родную,
Дайте, дайте Югыморта
Поцелую хоть разочек,
В щеки алые сыночка
Югыморта поцелую,
В нежную головку, сына.
И уже потом умру я,
Не жалея жизнь нисколько.
Лейтесь, слезы белой Райды,
Утешения нет вовсе.
И пустынно в темных пармах,
На холмах ведь глухо, тошно,
На реке печально вовсе.

Жизни нету никакой уж.
Горе, горе, умираю,
Дайте, дайте Югьдморта,
Божьи силы, силы неба,
Дайте матери родимой,
Сердцевину жизни дайте!»
Так рыдала дочь Оксора.
Взволновались все пармы,
Крыша неба всколебалась,
Птица Рык тут закричала
С гор великих, гор Уральских,
Крыльями тут замахала,
Вещее сказала слово:
«Горний Епмар! Ты услышь нас!
Загляни ты в книгу жизни,
В золотую книгу неба,
Не пора ли Югьдморту
Уж вернуться в Джеджим-парму?»
И ответил Бог великий:
«В книге сказано: «Не скоро
Югьдморт вернется в Джеджим,
Будет плакать мать родная,
Райда белая, на нарме.
Сына Мойбыра родит тут
В утешенье скорби тяжкой» —
Вот что сказано в той книге».
Исполнительница правды,
Птица Рык тут приумолкла,
Пармы же уснули снова.
Ощутила Райда, плача,
Вдруг движенье в недрах жизни —
И в утробе тут ребенка
Вдруг спознала и умолкла.
«Стой, — она сказала тихо, —
Жизнь во мне, ребенок в недрах,
Я должна ведь быть спокойна».

XXXVI

Было лето в светлых пармах.
Облака сияли в небе.
Тихо плыли, без волнения,
Неустанно, беспрерывно

Овцы белые на небе —
На равнинах сине-гладких,
Там бродили тихо, плавно,
За Печорой, на Уралах.
Серебро реки широкой
Вдаль текло волной свободной.
Сосны, ели говорили
Тихо, сладко и немолчно,
Родники журчали громко.
Проходили дни, недели,
Месяцы чредою мерной.
Мальчик Мойбыр тут родился
В Джеджим-парме, на высотах.
Райды белой он сыночек.
В утепенье дан ей, бедной,
Тосковавшей все по сыну
Югьдмарту отдаленном.
Тяжкий камень тут свалился
С груди Райды белоснежной,
И печаль светлее стала,
Хоть осталась в сердце Райды.
Все же часто вместе с князем
Яуром, владыкой пармы,
Выходила Райда к Эжве,
К Вычегде зелено-желтой.
И глядела дочь Оксора,
С нею вместе мудрый Яур,
На теченье вод струистых.
Вверх смотрели, вверх по Эжве,
А потом и по теченью.
Вниз по речке лугогорной.
Лентой синею тянулась
Между гор река живая.
«Нет ли лодки чужестранной?
Хоть не видно ль вдоль теченья
Лодки шалой с Югьдмартом,
Иль намек на возвращенье?» —
Размышлял с супругой Яур.
Но не видно ничего там,
Река белая несется
От куста к кусту подальше.
Так и годы проходили
В Джеджим-парме тихо, мерно.
Новости уж не рождались

Ни на пармах, ни в ложбинах.
Мойбыр-мальчик, не тужил он,
Возрастал он непрерывно.
Новости ведь всё готовил
Мальчик Мойбыр, хоть и мал он.

XXXVII

Красный месяц из-за леса
Выходил тут в час вечерний,
Пламенем казался дальним
И пожаром отдаленным.
Вот горят леса на высях,
На холмах, травой обросших,
Черный дым клубится к небу
И огонь пылает красный.
Лижет он деревья сладко,
В черный уголь превращая,
Зарево видать далеко;
Пламенем казался месяц,
Заревом на древних пармах.
Пораздумался кудесник,
Тот Вэрморт, игрок великий,
Круг широкий наблюдая,
Круг луны печально-полный.
На крыльце сидел кудесник,
Починял он тут подошвы
Обуви, уже истертой.
Сизью-Гэтыр отлучилась —
В лес пошла доить корову.
Долго нет ее — к чему-бы?
Грустно стало тут Вэрморту.
«Жизнь проходит незаметно,
И к концу идет сказанье,
Сказка жизни вся проходит.
В временах забудут люди
Подвиги, печали наши.
И к чему трудились много,
Как следов не будет вовсе?»
В тяжких думах пребывал он,
Тун-кудесник, обаятель.
Раздались внезапно в парме
Тут шаги. К нему, к Вэрморту,

Кто-то шел поспешно, тихо.
«Кто ж там ходит невидимкой?» —
Пораздумался кудесник.
Гость нежданно появился:
Яур, князь рыжебородый.
На крыльцо он сел тут рядом
И повел беседу сладко:
«Вести черные пришли к нам
С Биармии отдаленной,
С берегов Двины великой.
Вот как все случилось, слушай
Ты, Вэрморт, игрок великий,
Расскажу я все подробно.
Я сидел на Джеджим-парме
В тереме своем сосновом,
В тереме с зеленой крышей.
Лает пес, собака лает
Первый день, второй и третий.
Поднял морду он к верхушкам
Старой ели и все лает
Беспрестанно, пес, все брешет,
Лапой бьет сырую землю.
Вышел в парму, посмотрел я
На верхушку старой ели.
Белки нет там, красной урпи.
Пес все брешет, громыхает.
«Пред бедой ты, лайка, брешешь», —
Тут подумал я правдиво.
Через день, другой и третий
Я срубил ту чародейку —
Елку мрачную на парме.
Сделал лодку я из елки,
Посадил я в эту елку
Кузнеца и Туриморта.
Поплыла тут чародейка,
Лодка малая, сама ведь,
Без усилий человека.
Сильный Опши, наш кузнец он,
С ним же вместе Туриморт мой
Быстро съездили, далеко —
До пределов Биармии —
И скорехонько вернулись.
Живы оба, рассказали
Чудо чудное на Джеджим:

«Племя Роч идет все ближе
И грозит уж Биармии;
Через год, другой и третий
К нам нагрянет это племя».
Сильный Оппи Лыадорса,
С ним же вместе Туриморт мой
Так сказали в один голос.
Воинов у нас ведь много,
Наш Кортморт, силач великий,
С дерево он будет ростом —
Он уехал с Югымортом;
И призвать пора обратно
Югыморта в Джеджим-парму.
Вот берись-ко ты за домбру
И сыграй ты все заклятья.
Заклинанья запоешь ты —
Знаю, скоро тут вернется
Югыморт на Джеджим-парму,
С ним Кортморт, силач великий».
Вот какое молвил слово
Яур, князь рыжебородый,
Сидя рядом на крылечке
С тун-кудесником Вэрмортом.
И Вэрморт, тут взял он домбру,
Пальцем шевельнул он струны
Тихо, нежно-золотые.
Услыхавши эти звуки,
Тут заплакал, пролил слезы
Яур, князь рыжебородый.
Вспомнил дни, былые годы,
Годы юности великой,
Когда жил он беспечно,
С верой в сердце жил в те годы.
И запел Вэрморт великий:
«Енмар, Бог наш, ты защитник!
На тебя мы уповаем
В годы старости, как прежде.
На концах земли живем мы
И не трогаем соседей,
Никого без всякой пужды.
Ты верни нам Югыморта
И Кортморта в Джеджим-парму.
Мы нуждаемся в героях.
Чужеземцы вновь грозят нам,

Не дают покоя пармам.
Ты же знаешь все до корня,
Справедливых защитишь ты.
Лес дремучий, лес священный,
И к тебе иду с молитвой!
Сосны, ели, пихты, ольхи,
Вы внимайте слову домбры:
Югыморта нам верните,
В нем нужда велика нынче.
Передайте слово правды
От увалов — дальше в горы,
От лесов родных — в чужбины,
Через Камень, волны леса
Потечет с известьем новым:
«Югыморта ждут все в парме,
Уж пора ему вернуться
К милой матери родимой
И к отцу на Джеджим-парму».
Эту новость передайте,
Сосны, тем сибирским кедром,
Чьи орехи лущат люди
На Урале и в Сибири.
Звери, птицы, к вам зываю!
Ты, медведь, не будь бездушным,
Расскажи-ка всем медведям,
Что пора вернуться в парму
Югыморту из Сибири.
Волк ты бурый, странник леса,
Ты не будь к нам равнодушным,
Ты считай чужое горе
За свое, радей о сыне
Яура, о Югыморте.
Передай волкам сибирским:
«Слезы льются в Джеджим-парме,
Не дождутся Югыморта».
Длинноухий заяц робкий,
Скачешь зря ты, пучеглазый,
По ложбинам, по болотам.
Ты беги скорей за Камень,
На ухо сибирским зайцам
Ты шепни: «Нет Югыморта,
Сына Райды, в Джеджим-парме
Льются слезы беспрерывно.
Поищите вы, зайчонки,

Где в Сибири проживает
Внук Оксора, светлый Югид».
Слушай, ворон, черный Кырныш,
О делах ты поразмысли.
Зря сидишь ты на вершине
Ели стройной, величавой.
Полети-ка ты за Камень,
На сибирские равнины,
Поищи там Югидморта
И скажи ему тихонько:
«Югидморт наш, не пора ли
Уж подумать о Вэршуде,
Боге счастья Джеджим-пармы?»
Вся природа взволновалась
И сказала громко, звучно:
«Позовите Югидморта
Из Сибири в Джеджим-парму!
День настал уж возвращенья».
Птица Рык тут шевельнулась,
Закричала, зашумела,
На горах Уральских сидя.
Правым глазом в даль Сибири,
Левым в пармы поглядела.
Поминутно все следила
За теченьем быстрой жизни,
За великим, за малейшим.
«Енмар, Бог великий в небе,
Загляни ты в книгу жизни,
Не пора ли уж вернуться
Югидморту в Джеджим-парму?»

Енмар-Бог прочел тут в книге:
«День настал уж возвращенья
Югьдморта в Джеджим-парму».
За шумели все деревья,
Встали на ноги все звери,
Залетали божьи птицы,
Отыскали Югьдморта.
Славным гостем Бариткулы
Югьдморт был в это время.
Черный ворон полетел тут
За Уралы, в даль Сибири;
И медведь, и волк, и заяц —
Все туда стремглав бежали.
День прошел, другой и третий
И неделя миновала.
На крыльце сидели молча
Яур, князь рыжебородый,
И Вэрморт, игрок великий.
Вдруг внезапно показался
Черный ворон над лесами.
И приблизился к избушке
Тун-кудесника Вэрморта.
«Кур-лу, кур-лу, — он сказал тут, —
Югьдморт спешит на Джеджим,
Из Сибири он стремится
В дальний запад, в Джеджим-парму.
Ждите, ждите сына Югьд.
Кур-лу, кур-лу, до свиданья,
Я навстречу Югьдморту,
Черный ворон с вороненком,
Полетим теперь немедля».
Улетел обратно ворон,
За лесами вновь он скрылся.
Через день, другой и третий
И медведь, и волк, и заяц —
Побежали все к Вэрморту,
Заревели, заорали:
«Ой, кудесник ты, Вэрморт наш,
Югьдморт спешит за Камнем,
В Джеджим-парму он стремится,
Мы назад к нему идем все».
Так сказали, удалились
И медведь, и волк, и заяц,
Скрылись все в лесах дремучих.

И заплакали тут оба —
Яур, князь рыжебородый,
И Вэрморт, игрок великий.
Долго слезы проливали
На крылечке, сидя рядом.

XXXVIII

День к закату мой склонился,
И прошли солнцевороты,
Лун ущербы наступают,
И к концу идет вся сказка.
Конь устал мой и споткнулся,
Водопады приутихли.
Не два века ведь живу я.
Тошно, грустно Комиморту,
Жалко домбры песнопевцу,
Но потомкам передать я
Должен домбру из рук в руки.
Поколенья пусть продолжат
Восхваленье Биармии
И расскажут о паденьи
Древней жизни в светлых пармах —
Отчего и как случилось.
Всюду новым все сменилось
В роковом круговороте,
Думы старые угасли.
Новорот я вижу в песне
Неизбежный, хоть печальный.
И готовлюсь я к молчанью.
День угас, но даль заката
Долго крыльями колышет
Над лесами и рекою.
Так и домбра — хоть умолкла,
Эхо все звучит на пармах;
Так и песню продолжаю,
Хоть решился песнопенье
Прекратить уж вовсе старец.
Тайна старая свершилась
Незаметно, беспрерывно.
Лето осенью сменилось,
Днями ягод пестроцветных.
И зима за ней, колдунья

Белоснежная, явилась.
Льда дворцы она повсюду
Воздвигала величаво.
Не навеки устояла
Стародревняя колдунья.
Солнца жар, он растоплял все
В дни весны — зимы творенья.
Так боролись стихии.
Нет и не было застоя
В сказке жизни, вдаль идущей.
Долго ль, коротко ль все было,
Вдруг однажды крик поднялся,
Голос в парме вдруг раздался:
«Югыморт наш появился,
Он на Эжве в лодках едет.
С ним его жена-супруга
Дуур-Кури Таритгола,
Бариткулы дочь святая.
И ребенок с ними вместе
Изъюморт, он сын любимый
Югыморта, Таритголы,
И Кэртморт. силач великий,
Едет в лодке вверх по Эжве.
И гребцы там из Сибири,
Витязи все в красных шапках,
Провожают Таритголу».
Шум поднялся в древней парме,
Звуки новые раздались.
Югыморт играл искусно,
Домбру новую держал он
На коленях в чудной лодке,
Песни новые он пел тут,
Песни мудрые востока,
Неизвестные потомкам.
«Что мы слышим, сосны, ели,
Пихты, ольхи, все деревья,
Можжевательники в ложбинах —
Этих песен не певали
Песнопевцы в древних пармах,
Новых звуков не слышали», —
Так сказали в один голос,
Шишками звоня на пармах,
Кедры, сосны, ели, пихты.
Увалень-медведь, сын леса,

Наострил он уши спешно
И прислушался он к звукам.
И затем завыл он громко,
Заревел в лесу дремучем.
Волк завыл, поднявши морду.
Он глядел на крышу неба,
Выл он скорбно, неутешно.
Испугался заяц белый,
Прыгнул вправо, прыгнул влево,
Уши поднял до вершины:
Сосен древних, величавых,
Потерял рассудок вовсе,
Стал кружиться по полянам.
Чайки белые летали,
Звуком домбры наслаждались,
Музыкой той Югьдморта.
Выше чаек все вороны
Тут закаркали немолчно.
Птичьи крики доносились
До ушей красотки Райды.
Вышла на берег супруга
Яура, владыки пармы,
Устремила взгляд на небо:
Ястребá парили в небе,
Коршуны летали стаей
За лесами, над рекою.
Волновалось сердце Райды,
Несказанно трепетало.
«За тем лесом, косогором,
Белой отмелью песчаной
Едет сын мой, Югьдморт мой.
Енмар неба, дивный Енмар!
Погляжу я, поцелую
Югьдморта и умру я,
Преспокойно лягу в землю
Без печали, повидавшись
С милым сыном Югьдмортом», —
Так шептала дочь Оксора,
По щекам катились слезы.
Рядом с ней стоял кудесник,
Тот Вэрморт, игрок великий,
Дальше — Ошпи Лыадорса,
Туриморт за ними также.
Мужики, подростки, дети —

Все глядели вдаль по речке,
Ожидали чудных лодок —
Югьдморта все встречали.
Белый дым клубился в парме,
Застилал он крышу неба.
Близ кумирни красный пламень
Воспылал: костер огромный
Загорелся пуще, больше.
Яур, князь рыжебородый,
Жертвы приносил усердно:
И теленка, и ягненка —
Всем богам земли великой.
Вся увешена береза
За кумирней кумачовой
Там стояла одиноко.
Шкуры всех зверей висели
На ветвях березы белой,
Созерцая дым великий.
Под березой был князь Яур,
Думы к небу направляя.
Благодарность возносил он
Богу неба близ кумирни.
Всех земных богов почтивши,
Енмару молился Яур.
Слезы лил он о возврате
Югьдморта в Джеджим-парму.
Берег шумом оглашался.
Вдруг умолк он, гул народный:
Это лодка показалась
Из-за леса в синей Эжве.
И вторая, третья лодки —
Караваном прибыл Югьд
В светлый дом отца родного.
Челноки все ближе. Ясны
Лица подплывавших в лодках.
Югьдморт поднялся в лодке
И Кэртморт, силач великий.
Дуур-Кури-Таритгола
С Изьюрмортом на руках тут
Посреди ладьи стояла.
Витязи все в красных шапках —
Воины Сибири дальней —
Тех героев окружали.
Тишина. На берег вышел

Югыморт могучий первым.
Дуур-Кури-Таритгола
На руках с ребенком после
Из ладьи на берег вышла.
Осторожно выступла
С Эжвы вод на красный берег.
Крик поднялся тут в народе.
Бросилась на шею сыну
С плачем Райда, дочь Оксора.
И держала сына долго,
Вся дрожа, в объятьях нежных,
Несказанно проливая
Слезы — мать родная сына
Увидала наконец-то.
Мужики, подростки, дети —
Все заплакали тут рядом,
Увидавши дочь Оксора
Всю в слезах, в объятьях сына.
Яур, князь рыжебородый,
Прибежал он от кумирни,
Обнял сына, обливаясь,
Как ребенок, безудержно
С дочерью Оксора вместе
Сладкими слезами. Югид,
Гладил он руками нежно
И отца, и мать родную,
Целовал он руки, плечи
Яура и милой Райды.
Показал затем супругу
Дуур-Кури-Таритголу.
Рассказал о ней он князю,
И о сыне Изьюморте.
Матери своей премудрой
Все поведал он подробно.

XXXIX

О, не все известно в мире
Комиморту-песнопевцу.
Из отрывков, отголосков
И преданий отдаленных
Созидал я ткапи песен,
Из обломков дней минувших

Я решился дом воздвигнуть —
И просторный, и великий.
Не удастся мне, конечно,
До конца воздвигнуть зданье.
Мал я разумом, бессилён,
Краткотечен в этом мире
Многосложном и чудесном.
Чудеса веков минувших
Уж потеряны навеки.
Я внимал волнам поющим
Водопадов говорливых
И близ дома, на Шугуре,
Плакал также я немало;
Близ ручьев, среди утесов
Старины искал могучей
И в корнях деревьев силы
Я искал усердно, всюду.
В жизни птиц, зверей угрюмых,
В их обычаях чудесных —
Видел разум я повсюду,
Дивовался я немало,
Созерцая царство Бога.
Созидает он повсюду
И порядок, и движенье,
Скрытный Сам, незримый в мире.
И в пылинках малых — он же.
В звездном царстве я встречаю
Дело рук его повсюду.
Изучайте, дети, дальше
Чудеса природы мудрой,
Наблюдайте беспрерывно.
Вот сидели все герои
В тереме владыки пармы;
Все сидели на скамейке,
Югидморту все внимали.
Он держал в руках ту домбру,
Домбру новую Сибири.
Речь держал о Таритголе
И о сыне Изъюрморте,
И о странствиях великих
По рекам широким, дальним —
И по Каме, по Тоболу,
И по Оби многоводной.
«Мы сначала побывали

На Чердыни, у Юсьморта,
Князя Перми многогорной.
Здесь Кэртморт, силач великий,
Победил он в жаркой схватке
Толпазморта-чародея.
Поразил игрой на домбре
Слух чердынцев я впервые —
Пел здесь песни нашей пармы.
А оттуда мы спустились
Вниз по Колве быстротечной
И по Каме синеводной,
Поднялись по речке быстрой,
Многобурной мы на Камень,
На высоты гор Уральских.
Скалы древние стояли
Молчаливо перед нами,
Ввысь глядели беспрестанно,
Головами устремившись
К крыше неба синеградской.
Ястреба кружили плавно
В вольном воздухе над Камнем,
Наблюдая зорко сверху
За тетеркой, уткой, белкой
В море леса над Уралом.
В город Кыштым мы попали,
В красный город многославный.
Здесь служили князю Чору.
И в сраженьях побывали
С племенами плоскогорий,
Расположенных на юге.
А от Чори мы пошли тут
В город Некор, вглубь Сибири.
Бариткула — он владыка
Той страны, богатой лаком, —
Радостно он принял в терем
Нас обоих и сказал он:
«Помогите мне в сраженьях
С остяками вниз по Оби».
Побывали в битвах многих,
Победили князя Тора.
И вернулись мы обратно
В крепкий город Бариткулы.
За те битвы выдал замуж
Дуур-Кури Таритголу

За меня, за Югыморта.
Здесь Кэртморт, силач великий,
Опрокинул в дивной схватке
Витязя Миридолона.
Я ж играл на новой домбре
Песни мудрые Востока.
Научился тут читать я
Книги трудные Китая.
Здесь почувствовал душою
Слезы матери впервые.
И хотел уж я вернуться.
Птица ж Каленик сказала:
«Не судьба еще вернуться
Югыморту в Джеджим-парму,
Побывай ты у тунгусов».
Я поехал на собаках
К Енисею, к тем тунгусам,
Видел деву Фуджи-Тари,
Многославную колдунью,
Дочь она царя Тумиго.
Через год вернулся снова
В город Некор, мной любимый.
Зашумели тут все пармы,
Птицы, звери взволновались.
Прилетел затем наш Кырныш:
Вызывали в Джеджим-парму
Все меня уж неотвязно.
Бариткула отпустил нас.
Взял с собой я сына Изьюр
И жену свою красотку
Дуур-Кури Таритголу.
И направился я в Джеджим,
А со мной Кэртморт великий
И сибирцы в красных шапках.
Мы три года путь держали,
Вновь вернулись в Джеджим-парму.
Снова вижу милых сердцу
И отца, и мать родную,
И кудесника Вэрморта», —
Так рассказывал все Югид.
И затем запел он песни,
Песни древние Востока,
Сказки чудные Китая.
Издивились герои,

Услыхавши эти звуки.
Райда плакала, дивясь
Разуму, красе чудесной
Югьдморта, сердца жизни,
Мальчика, кто стал уж мужем.
Яур, князь рыжебородый,
Тут промолвил слово правды:
«Сын мой милый, ты мой Югьд,
Будь начальником отныне
Всей страны по синей Эжве.
В тереме отдельно буду
Жить я в парме, а со мною —
Райда, светлая супруга.
А Вэрморт, игрок великий,
Он отправится обратно
К Вишере, в свою избушку.
Защити ты, милый Югьд,
Биармию и все пармы».
И ответил Югьдморт тут:
«Туриморта я отправил
В устье Выми старшиною,
В Княж-погост же — Явьльморта,
А Кэртморт — он в устье Эжвы
Соберется для защиты
Биармии знаменитой.
С сильным войском мы поедем
В Биармию и отгоним
Племя Роч на юг, обратно.
К Устюгу мы отодвинем
Это племя постепенно,
Сохраним мы Биармию».
Югьдморт тут все исполнил,
Что поведал он героям:
В Биармию он собрался.
Яур, князь рыжебородый,
С ним его супруга Райда
Перешли в отдельный терем
Недалеко от вершины
Джеджим-пармы синегорной.
А Вэрморт, игрок великий,
В путь собрался к Сизью-Гэтыр.
К той супруге многомудрой.
Прибыл он в свою избушку
И на гвоздь повесил домбру.

Птица Рык спросила громко:
«Енмар неба, Бог великий,
Ты скажи, что будет дальше».
Енмар книгу открывает,
И читает в этой книге:
«Через век страна погибнет
У реки Двины прозрачной —
Биармия та исчезнет.
Парма Эжвы жить же будет
Долго, долго и прекрасно.
Югыморт вернется вскоре,
Он на время отодвинет
К Устюгу назад, обратно
Племя Роч и сам вернется
В Джеджим-парму знаменитым.
Югыморта правнук будет
Явгымморт, кудесник чудный.
Явгымморта правнук будет
Мудрый волхв Пансотник грозный
При Пансотнике свершится
Перемена в жизни пармы».
Услыхавши слово Енмар,
Птица Рык умолкла снова.

XXXX

«Чудище на светлом небе
Показалось над страну —
То звезда с хвостом огромным,
Что восходит и заходит
Со звездами чародея,
Тун-кудесника с оленем.
У кудесника три глаза
Ярко смотрят вниз, на землю.
Быть беде на Джеджим-парме.
Мирно жили много лет уж,
Постарели несказанно.
Племя Роч ушло обратно
К Устюгу, назад — на время.
Югыморт вернулся в Джеджим.
Майбыр вырос, сын любимый
Светлой Райды, и женился.
Изъюрморт детей имеет.

С правнуком теперь играет
Райда, радуясь улыбкам
Беззаботным тех малюток.
Но звезда меня стращася,
Чудище пугает сильною.
Быть беде на Джеджим-парме», —
Размышлял Вэрморт-кудесник,
Сидя дома на крылечке
В летний вечер с Сизью-Гэтыр.
Правда вся в словах Вэрморты.
Царь Оксор давно скончался,
Заболела и красотка
Райда белая на Джеджим.
Яур, князь рыжебородый,
Известил он песнопевца
О болезни светлой Райды,
В Джеджим-парму взял он туна.
И отправился кудесник
С Вишеры на дальний Джеджим.
Шел он почью в темных пармах.
Дивный месяц показался
В час полночный меж деревьев.
Золотистый, чудный месяц
Из-за резьбы сосен, елей.
Засиял он, лик чудесный,
Взволновал красою душу.
Слезы брызнули внезапно
У Вэрморты-песнопевца.
«Енмар, Бог мой, ты всемогущ! —
Так воскликнул тун-кудесник. —
Бог всевышний, как прекрасен
Лик твой дивный занебесный.
Как он добр, душою ласков,
Светлый образ сердца мира.
Мой удел ты, горный Енмар,
Ничего не надо больше
Одинокому Вэрморту.
Ты защитник всех убогих,
Сирых, слабых, угнетенных,
Ты сияешь лучезарно
И зовешь всех одиноких
К высшему блаженству в небе!
Вынь ты душу из Вэрморты
И к себе приблизь скорее.

Паслажусь я лицезреньем
Красоты твоей небесной!
О, как жажду видеть Бога,
Быть поближе к Богу Енмар!
Ничего-то нету слаще
Занебесного сиянья,
Бога вышнего на небе!»
Так Вэрморт молился в пармах.
На коленях он стоял тут,
Между кочек, среди елей,
Воздевал он руки к небу
И все звал он Бога Енмар.
Дивный месяц, продолжал он
Золотистым своим кругом
Озарять вершины сосен,
Ветви елей в темных пармах.
Он ласкал кого-то нежно —
Как бы сына он там встретил,
Средь деревьев на плоскогорьях,
И расстаться не хотел уж
С милым сыном в эту пору,
Все нежнее становился.
Пастырь ночи — тайный месяц, —
Безмятежно проливал он
Свет волшебный, несравненный
С неба горнего на пармы.

ХХХХІ

Райда светлая лежала,
Дочь Оксора, вся больная,
В тереме своем высоком.
Яур, князь рыжебородый,
Он сидел тут, возле Райды.
Тихо Райда говорила:
Яур-князь, супруг мой милый,
Я умру, ты не печалься.
Есть приметы близкой смерти.
Но спокойна я душою,
Видела своих я внуков,
Правнуков своих ласкала.
Югьдморт мой — муж разумный,
Защитит он Джеджим-парму.

Изъюрморт — прекрасный воин
И кудесник превосходный.
Много, много прочих тунов
И защитников могучих
Величавой древней пармы.
Биармия — та погибнет,
И спасти ее нет силы.
Вещий сон сказал мне правду:
Лишь на время Югыморт наш
Отодвинул все несчастья.
Но они вернуться вскоре.
Парма ж древняя счастливо
Оставаться дальше будет».
Так сказала слово правды
Дочь Оксора и умолкла.
Отдохнувши, продолжала:
«Есть приметы близкой смерти.
Лесом шла я до болезни —
Вот недавно я ходила
За черникой в лес дремучий, —
И деревья не пускали,
Все хваталися руками
Цепкими за плечи Райды.
Удержать меня хотели,
Побеседовать любезно.
Я вперед все шла упрямо,
Раздвигая руки-ветви
Сосен, елей величавых.
Что же дальше тут случилось?
Женщину я увидела
Меж деревьев резбовидных,
Тонкой хвоей сероцветной
Покровенных, как куделью.
Женщина та шла поспешно,
Шевеля зачем-то быстро
Пальцами поочередно.
Я ее позвала громко:
«Чужестранка, подожди ты!»
Тут исчезла невидимка,
Женщина из темной пармы.
Я вернулась тут обратно,
Испугавшись невидимки.
Подошла я к золотистым
Пивам на полянах светлых,

Васильками любоваться
Стала я и желтым злаком.
Полозница, та богиня
Ячменя на зыбких нивах,
Встретилась со мной внезапно.
Поклонилась и исчезла.
Васильки на кудрях были
Полозницы и колосья
Покрывали всю одежду —
И шушун, и нарукавник.
Так богиня промелькнула
На меже и тотчас скрылась
В ячмене густом, волнистом.
Значит, умереть мне надо». —
Вот что Райда говорила.
Яур, князь рыжебородый,
Слушал вещьую супругу
И молчал он мрачно, скорбно.
Югдморт вошел тут в терем,
Внуки все тут появились,
Правнуки вошли толпою.
Посмотрев на всех с улыбкой,
Радостно, глаза закрыла
Дочь Оксора и уснула.
«Умерла, — сказали дети, —
Оставляем тело Райды
Украшеньем Джеджим-пармы». —
Опоздал Вэрморт-кудесник:
Увидал он беспробудно
Спящую царевну Райду.

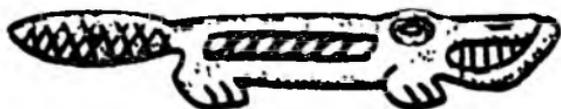
XXXXII

Положили тело Райды
В белый гроб на Джеджим-парме.
И проделали отверстие
В том гробу у изголовья,
Чтоб могла смотреть на пармы
Дочь Оксора, коль захочет,
Любоваться белым светом,
Видеть правнуков деанья,
Созерцая безмятежно
Новый город, жизнь людскую.

А сама же дочь Оксора
В Старом граде поселилась,
Предки где живут прекрасно
И спокойно, и блаженно,
Беззаботно, беспечально.
Новое весло ей дали —
Положили с нею рядом
В белый гроб, для светлой Райды:
На блаженный остров ехать
Коль захочет дочь Оксора,
То весло возьмет ведь в руки,
По проливу вдаль поедет
В той ладье — в гробу сосновом.
Тем веслом работать станет
И спокойно, и неспешно.
Царь Оксор ее там встретит,
На том острове блаженном;
Ночи страшной нет там вовсе.
Украшений положили
Много-много светлой Райде.
Будет ей во что одеться,
Чем питаться в том проливе,
Где дорога пролегает
К острову святых героев.
Яур, князь рыжебородый,
С ним же вместе дети, внуки,
Правнуки большой толпою,
Югыморт, хозяин пармы,
Слезы горестные лили
Понапрасну, бесполезно.
«Вы живите меж собою
Дружелюбно и согласно
И не ссорьтесь по пустому.
Копшкой черною бороться
Из-за слова — не полезно.
Зря сердиться на людей же
Бестолково, неразумно.
Избегайте братской ссоры,
Чужестранцев уважайте,
Слабых старцев почитайте.
И любите человека
В каждый час и повсеместно.
Были старые познайте,
Мир великий изучайте,

О делах великих, старых
Передайте вы потомкам
В песнопеньях чудодейных.
И любите бога Енмар,
Исполняя все законы
Бога высшего на небе.
С правдой Божьей проживете
В пармах светлых и прекрасных
Вы счастливо, беснечально».
Так сказал он слово правды
И ушел он в терем светлый,
За дощечки сел там Яур.
Записал на тех дощечках
Все деянья светлой Райды,
Дочери Оксора чудной.

БИАРМИЯ

I

«Көнөсь дона изъяс кодъ жö
Мича важся сыланкывъяс,
Йöз кост висътасьöмъяс-мойдъяс?
Уна рöма ловъя шöртсьыс
Кöни олöм кыан станыс,
И чöлнöкыс стансьыс кöни?»—
Сийö ылö кольöм кадö
Сёрнитис тадз пöрысь утка,
Коді Съöd из вылын оліс:
«Менам вунöмаöсь аслам
Мича сыланкывъяс йöзлөн,
Тшöтш и важся шусьöг-мойдъяс...»

КОМИМОРТ

II

«Югьд вөрöй, пöрысь вөрöй!
Козьнав мыла сыланкывъяс
Меным... Ордымъястö восьты,
Кодъяс нуодöны водаö
Пöрысь пожом пуяс дорті,
Восьты ассыд озырлунъяс:
Югьд ваа гуся ключьяс...
Куш да зумыш чугра-изъяс,
Гажа вöра джуджыд мылыкъяс,
Олöны кöн вына тупъяс,
Налöн нимкывъясöн төдмөд...
Уна пöтка познад ошйысь...
Муса вөрöй! Вежа парма!
Коді гусяторъяс төдö
Тэнсьыд — кузя сійö олас!
Еджыд нитшка гажа мылыкъяс,
Зарни вутшка номтöм нюръяс,
Мепсым пыасьöмөс кывзöй —
Со мый тиянлысь ме кора:
«Висьтасьöй вай, важся калö
Кодъяс овывлвлісны тапі?
Висьталöй и сійöс меным,
Кутшöм вöлі налöн олөм...»
Тадзи бöрдөм сорöп кевми
Синва кисьті съод вөр шöрас.
Кыліс менö пöрысь рака,
Тадзи вочавидзис сійö:

«Нюжмасьтөг пет сьокыд туйо,
Зумыш войвывланьо, ёртй.
Кузя ковмас тэныд мунны:
Вуджны пюра увтасінтяс,
Тшөкыд вора джуджыд мыльктыас...
И мед шувгас весьтад парма,
Юяс сёлөдчаспы ванас —
Найос кывзыны эн сувтлы.
Туяд некытчө эн джөмды,
Вудж тэ повтөг чугра-изтяс,
Визув ваа паськыд юяс,
Лыдтөм-тшөттөм лыа діяс.
Лун и вой пыр водзлань нырчы,
Восьлав, некытчө эн ылав,
Немтор вылө тэ эн видзөд.
Коркө сэсса чугра йылысь
Казялан тэ пу важ керка
Лянкыд, дзуртысь кильчө пома,
Дзоля өшиньяса... Пыран
Тайө керка пытпкас — аддан:
Пөльө сәні, пызан дорас,
Мойдтяс, вөвлөмтортяс гижө...
Тошкыс кок улөдзыс сьлөн,
Сөстөм лым кодь еджыд юрси...
Синтяс пөльлөн зумыш-сьөдөсь,
Кызди бушков дырйи снәж.
Пөльө дінас тадзи шыась
Төвся войө, вой шөр войө:
«Сьөлөмшөрөй, Комимортй,
Важся мойдкывтяснад ошйысь...
Дона изтяс кодь жө мича
Важся сыланкывтяс сыв мем.
Важся шусьөгтяс мем висьтав,
Йөз кост вөвлөмтортяс. Ставсө —
Мудрой притчаяс, мый төдан,
Кодтяс, быттьөкө кораллтяс,
Шума-зыка визувинысь
Югыд море-океаплөн...
Мөвптяс-лачаястө ловзьөд
Аслад висьттяс-мойдтяс пытпкын».
Пөльыд вомсө сәки осьтас —
Паськөдчасны уна рөмнас
Тэ водзын важ сыланкывтяс,
Кызди өшкамөпка юлын».

Тадзи шуис меным рака,
Тшөтш и веськыд туйсө индіс,
Индіс веськыд визьөр сэтчө,
Кытчө воны меным колө...
Воссис сылан тыра кудйис
Комимортлөн... Лов шы руөн
Кокньыдика качөдчисны
Важся сыланкывъяс сэтысь —
Быттьө вурун туцыль разьсө
Уна рөма мича шөртысь
Сись кодь пожөм пуяс дорын,
Югыд ключьяс весьтын рытнас...
Гашкө, мазі чукөр кайө
Дзизгигтырйи енвевтланьыс?
Гашкө, малямущьяс сэні,
Еджыд катшасинъяс весьтын,
Лэбалөны кытшөн-кытшөн?
Оз, оз мазі чукөр лэбав
Сынөдас... Оз малямущьяс
Гартчыны... Шань сыланкывъяс,
Мича сыланкывъяс-мойдъяс
Юргөны став парма пасьта...
Комиморт, важ олөм төдысь,
Пөрысь тун да вөрса олысь,
Быттьө ён да зэлыд ньөввуж,
Шөтө мича сыланкывъяс
Стөча сэтчө, кытчө колө...
Му бердөдзыс пөрысь козьяс,
Накөд ыргөн пожөм пуяс
Зарни кольяс тыра лапнас,
Сьөлөмсяньыс Комимортлы
Копыртчылісны, кор ейө
Сывны пондіс... Эз өд ланьтлы —
Юрсө пөлынтьөмөн сьыліс
Вой да лун — сідз быдса вежон...
Кыдзи арся кымөр зэрнас
Озыр... Кыдзи муыс көртөн —
Сідзи сьылысьлөн гөлөс
Озыр... И оз помась некор
Тайө мыла сыланкывйис,
Важся мича сыланкывйис!
Тадзи төлысьыс оз мудзлы
Кывтны енэжөдыс войнас
Нәмъяс чөж...

И зарни шонді
Оз жё мудз, оз кус, оз дзёбсьы,
Вылісянь пыр шонтё мусё,
Кызди Енмыс сылы тшөктё...

КОМИМОРТ ПАНӨ МОЙД

III

Парма пытпті шыён-гажён
Вёрса лунтыръясён шөйтё.
Сійё шызбодны оз мудзлы
Дзоньнас пармасё... Гёрд гача,
Гёрд и шапка юрас. Дёрём
Сылён гоҗся турун рёма...
Пуяс костті, быттё бушков,
Ветлё шутлялігтыр Вёрса,
Эзысь нитшка изъяс костёд,
Кодъяс нэмсё зумыш-чөлөсь...
Ёма-баба сьёд вөр шөрын
Кутіс тотшкөдчыны зіля
Гөрайывса керка-жырйё...
Пырис. Өшинь дорас луксис.
Сылён чужём тырыс чукур,
Вижөдз косьмөмаёсь кияс —
Сэтшөм пөрысь вёрса бабыс...
«Ой, ті, челядь, вёрса челядь! —
Татшөм сёрни сійё паніс, —
Мем сьёд кань ті корсьөй-вайёй,
Сэсся пестөй ыджыд бипур!»
Керкабердса башня вывсянь
Реҗыд кыліс лёкысь лөвтөм:
Скөрсё босьтчөмаёсь песни
Баблөн отсасьсыяс — каньяс.

ЯУР-КНЯЗЬ ДА СЫЛӨН ЕРТЪЯСЫС КЫВТӨНЫ ПЫЖӨН БИАРМИЯӨ

IV

Ыргөн кырся пожөм пуяс
Парма шөрын, сьёд вөр шөрын

Вашкөдчөны... Зумын козьяс
 Найос кывзөны зэв чөла:
 «Миян вына Оксой — Яур
 Пемыд Войвывланьё мөдiс,
 Паськыд Эжва юд кывтас,
 Сэсся кельыдлөз Двинаөд
 Аслыс гөтырпула Яур
 Биармияө — оз матө!
 Низь куясысь мпча паса,
 Сийө бөжалысьыс ачыс
 Писькөс пыжнас... Вына Оп-пи,
 Лыадорысь тун да дорччысь,
 Эбөс жалиттөгыс сынө.
 Ыбысь со Бөрморт тиөтш пакөд,
 Кывтө сигудөкнас ворсиг.
 Сигудөклөн мыла горысь
 Дзоньнас вөрпым тырө гажөн».
 Тадзи шөпкөдчисны лөня
 Пожөм-козьяс парма шөрып,
 Югыз ваа Эжва дорын.
 Варгыль Ошлөн воши унмыс,
 Налысь ванкөдчөм кор кылис...
 Оз мөй өдйө кокыс печлась —
 Вуджө нюрьяс, насъкыд сөпьяс,
 Вөрса вотөс кокнас нырө.
 Джуджыд мылькъясө оз джөмдыв,
 Пөрөм пуясө оз конъясь —
 Төвзё Эжва юлань сийө,
 Медым лыа берег вывсянп
 Видзөдлыны аслас синмөн
 Ыджыд дивө — куим өртлысь
 Зумын войвывланьё кывтөм...
 Вөрса шыш — руд Көин — кылис
 Ошлысь котөртөмсө, чуймис:
 «Кытчө Ошкыс тадасө төвзё?»
 Сэсся ачыс ынимс-өддзис,
 Кыресьө визув Эжва юлөн
 Югыз лыа берег вылө...
 Тамын синма, табъя кока
 Көчиль весьөнөрис-новзис:
 «Кытчө уськөдчисны ставөн?
 Мый нин лой миян вөрын?»
 Сэсся Кузь пель дыр эз көсйи —
 Паськыд, визув Эжва юлань

Ньöv моз лэбис парма-вөрөд,
Гырысь розъя чөдлач вомөн;
Намыр-озъяс, пувъяинъяс —
Ставсö мышку саяс колис...
Ыджыд сюръяса ён Йöра
Ловзис-садъмис парма шöрын
Тайö полошуйтчöм шыас:
«Мыйся дивö нин сэн лои
Миян паськыд Эжва вылын?»
Ыджыд изйö гöна боксö
Гыжйыштис да пуяс костöд
Уськөдчис тшöтш Эжва дорö.
Вöлись сэки вöрса зверьяс
Шызисны став парма пасьта:
«Мыйкö Эжва дорас лои —
Ставөн котöртöны сэтчань!»
Тшын-бус уськөдчисны найö.
Öта-мөдсьыс вежавидзтөг,
Эжва юлань ловъя гыөн...
Енвевт бердас лэбач кельöб
Аддзис пармаыслысь шызьöм,
Тшöтш и сылөн лэбан öдыс
Содис... Лöзов енвевт увсянь,
Енмөн сетöм бордья ловьяс,
Найö казялисны асьныс
Куим ёртлысь дзибрös пыжсö...
Шлывгис уна лэбач öтвыв
Миян югыд Эжва весьтти,
Бытьö гыма-чарда кымөр...
Вöрысь петöм-локтöм зверьяс
Эжва лыа берег вывсянь
Дивуйтчисны ёртъяс вылö,
Кодъяс мөдöмаось повтөг
Биармия ыли муö —
Яур-князьлы гöтырпула...

ВÖРМОРТЛÖН СЫЛÖМ

V

Сэки рыжöй тошка Яур
Бур кыв ёртъясылы шуис:
«Аддзад, вöрса пöтка-зверьяс

Ставныс бурсиёны милы,
 Медым лючки кывтім-воим
 Ылі Биармия муё
 Меным, князьлы, гётырпула.
 Тэ, Вөрморт, бур сьылысь-ворсысь,
 Вай жё сигудёктё босьтлы,
 Горёд сьёлёмсяньыд сьывны —
 Тадзи аттьёалам асьным
 Вөрса олысьясёс бурсьыс!»
 Эз ков кевмысьны Вөрмортлы:
 Сійё сигудёк струная
 Вөрзьёдіс да сьывны босьтчис;
 Чёла кывзё пемёс-пётка,
 Кызди сійё сьылё-ворсё...
 Шонді-Енмёй, югыд Енмёй,
 Пель Вөрмортлань асьыд бергёд,
 Кывзы сигудёклысь ворсём —
 Тэныд юрбитёмкодъ сійё!
 Войся тувой, Тёлысь-Енмёй!
 Тэ Вөрмортлысь кывзы сюся
 Гректём мёвпъяса шань сьылан:
 «Сьёкыд туйё петіс Яур,
 Миян Оксой, вөрса кодзув,
 Джеджим парма видзысь-дорйысь!..
 Сійё ас ки улас кутё
 Сöstём Эжва, югыд Сыктыв,
 Вымь да джуджыд ваа Лёкчим,
 Сім-ты, Сёй-ты, Дон-ты, Кой-ты!
 Юяс-тыясбердса вёрсьыс
 Пемёс-пётка вылас сійё
 Отнас медыджыдыс сәні!
 Ылын-ылын Биармия...
 Пермлён медся мича нывла
 Паськыд Эжва вывтi кывтё,
 Оксор-сарлён өтка нывла
 Еджыд Райдаысла Яур.
 Кёнкё Войвыв саридз дорын,
 Лёз Двина кён югыд ванас
 Войвыв саридз пытшкё усьё,
 Каленик, став лэбач рёдсё
 Паньсь-чужтысь, сәні олё —
 Тшап да озыр Кардор бокин...
 Сән тшөтш олё пёрысь Оксор
 Аслас Еджыд Райда нывкөд!

Видзёдлэй жё, кутнём гажа
 Енвевт улас му выв олём
 Сись кодъ пожёмъяса вёрас:
 Урпи, зонка кодъ жё визув,
 Бёжсё паськөдөмөн төвзё,
 Кисьтө турун вывсьыс лысва;
 Наян Руч, гөрд пася, вөтчө,
 Чожа вөтчө Урпи бөрся,
 Медым нурьясьыштны сійөн...
 Визув Урпи өдйө-өдйө
 Пашкыр пожөм йылө кайис,
 Косас коли наян Ручным,
 Коньөр, шөгсьө пожөм улас...
 Табья кока Көчиль йөктө
 Пуяс, кустьяс гөгөр лунтыр,
 Доыдлунысла оз инась...
 Енэж шөрө, югыд лөзас
 Еджыд кымөр, пур моз, катис,
 Медым видзөдлыны мусө,
 Да и тупкис аснас шондi —
 Банйөм чужөмбаана ашьөс.
 Но и кымөр сайсянь сийө
 Зарни югөрьяссө койө!
 Мусө Шондi-Ен оз вунөд,
 Быд лун төждысьсө сы йылысь,
 Öзйө енвевт лөзас — мудзтөг
 Видзьяс-пюрьяс, парма-вөрсө,
 Му выв эрдьяс пөжө-шонтө!
 Быттьө бура мыськөм керка,
 Муыс шондi гажөн югзьө!
 Кывтныс лөсьыд жө нин. ёртьяс,
 Дзирдсө койысь Эжва выветi,
 Дзибрөс пыжын, писькөс пыжын...
 Еджыд быгйөн ворсысь гыяс,
 Видлөй, миян бөрся вөтчөй!
 Еджыд быгйөй! Кытчө нырччан

Ваас öшйöм кустсянь кустö
Водзлань, лыа кыркöти дорти?
Лöнь курьяяслань тэ кыван,
Лыа дi бердö он ляскысь,
Пырджык ю шöрланьыс зэвтчан...
Гыяс вылын ворсысь быгйысь
Кокниджыкöсь миян мöвпъяс —
Югыдлöзö, парма сайö
Лэбовтисны миян водзын!..
Сэни паськыд Эжва юным
Пöся сывъясьö Двинакöд!
...Сэни ыджыд шудным миян!»
Татшöм сылан гора юргис,
Юргис сигудöклөн шыыс.
Куим ёртлөн дзибрöс пыжсянь...
Быттьö сигудök струпаяс,
Куим ёртлөн ловныс юргис!
А Вöрморт эз дугдыв ворсны,
Лун-вой ворси́гмозыс сылыс...

ЭЖВА ВОМЫН

VI

Сутки гөгөр, войковъясöп,
Пыжас бöжавны оз мудзлы
Рыжöй тошка Яур князьным, —
Джеджим парма видзысь-дорйысь.
Тшöти и вылыс Эжва дорса
Тшöкыд вöра чугра-изъяс...
Сыкöд дзибрöс пыжын кывтö
Смоль сьöд Ош-ни Лыадорса,
Эбöс жалиттöгыс сыкö...
И Вöрморт тшöти накöд пыжас,
Ыджыд сямá сылысь-ворсысь.
Юлөн ыркыд визув вывти
Найö кывтöны пыр водзö —
Дзоя Эжва чужани́сянь
Ыджыд Эжва усяни́дз...
Пемыд изъя чугра костысь,
Мырпома да турипувъя
Паськыд пюрысь письтö Эжва,
Дзор Тимансянь водзлань, водзлань

Эжва ньѳжйѳникѳн кывтѳ...
Кыдзьяс-пипуяса расьяс,
Ловпуяса увтасиньяс —
Дзоньнас зумыш парма-вѳрсѳ
Сйѳ аснас лѳня вундѳ...
Берег пѳлѳнѳдыс сѳтр,
Ошльѳм, ыжнѳнь пашкыр кустьяс
Морѳс тырнас лолалѳны
Юсянь пѳльтысь ыркыд тѳлѳн...
Ключ кодь югыд кѳдзыд ванас
Чугра изьяс костысь Эжва
Зйля сѳстѳммѳдѳ-мыськѳ
Галя изьяса виж лыа —
Кок ув туйсѳ аслыс вѳчѳ.
Нырчѳ водзлань — кытй чукльѳн,
Кытй веськыда... Оз жалит
Югыд васѳ; ворсѳ — вѳзйѳ:
«Локтѳй мелань, йѳз и пемѳс,
Кодлы колѳ — юй ставныд!»
Кымын водзѳ — сымын паськыл
Лоѳ Эжва миян... Сйѳс
Туйын ѳтнассѳ оз кольны,
Сыкѳд кутчысьлѳны пѳся,
Содтѳд вынсьѳдѳны вапас
Сыктыв, Висер, визув Лѳкчим!
Накѳд ѳти сывйын водзѳ
Бара тшапа кывтѳ Эжва
Асыввывсянь рытиввылѳ,
Медым пемыдлѳз Двинаѳ
Усьны аслас югыд ваѳн...
Ки на ки мед сѳсся сыкѳд
Войвыв саридз дорѳ мунны —
Узьны кузь да кѳдзыд тѳвсѳ
Войвыв саридз пѳль дворечын.
Сѳнй виччысьны, кор шондй
Тувсов шоньд-гажнас локтас!
Пѳся окыптѳмсѳ сылысь
Тѳвбыд Войвыв саридз ордын
Эжва виччысьны оз мудзлы...
Дыр на мѳвпалисны ѳртьяс,
Джеджим пармаысь бур ѳртьяс,
Эжва юлѳн чужсьѳм йылысь —
Кыдз да кытысь сйѳ лоѳ?
Яур мѳвпалѳмсьыс медводз

Садьмис, ёртъясылы тшөктіс:
 «Видзёдлөй жө, парма пиян,
 Мый сэн водзын, ыркыд руас
 Ворсө-лөзалө ю весьтас?»
 «Аддза веж туруна діяс,
 Унзіль вөра лыа діяс...
 Діяс костын валөн визла
 Бырө: узыө сәні ваыс...
 Ковмас писькөдчыны миян
 Унзіль сәтөр кустъяс пөвстөд,
 Діяскостса векни вискөд» —
 Тадзи вочавидзис сылы
 Паськыд пельпомъяса Оп-пи.
 Видзчысьбөмөн куим ёрлөн
 Векни висөд кывтіс пыжныс
 Рытнас, шонді пыран кадө.
 Исковтісны ньөжйөникөн
 Найө мышку сайын діяс
 Да и вошины ру пытшкас.

ЕНМАР ЧАРДАЛӨ-ГЫМАЛӨ

VII

Кыськө төв ныр ыджыд зэрөн,
 Чардөн-гымөн төвзис-локтіс.
 Зэрө парма вылө сувтсөн.
 Бушков ойзө сьөд вөр шөрас,
 Лёкысь чашйө пожөм-козъяс,
 Кысьтө увъяс вывсьыс кольяс —
 Найө, тронякылігтырйи,
 Воча точкисьлөны, сәсся
 Шерөн гылалөны муө...
 Ош сэн вужля улө дзебсьө,
 Көин юрсө сүйө розьө.
 Лэбачьяслөн вичко сылан
 Гымсьыс здукөн шөри ори.
 Йөра, садьтөм, нетө вөрсьыс,
 Нюрө повзьөмвывсьыс пырө...
 Ай Көр уна вожа сюрнас
 Дась нин пасьвартны көть кодөс...
 Көнбөр Көчиль кустъяс улө
 Зәрсьыс кузь пельясө дзебө...

Тымөн өти помсянь мөдөдз
 Енэж сизим пельö потö,
 Чарда-биа потас туйяс —
 Быттьö югид вира сөнъяс!
 Гымакыліс гожея бушков,
 Быттьö чугра йывсянь Енмар
 Лунтыр гөгльöдліс, эз мудзлы,
 Свинеч ёкмыль енэж эрдөд...
 Вöрын весьöпөрöм тунъяс
 Медся шуштöм пемыдінъяс
 Здукөн корсялісны, сәсся
 Ставөн ланьталісны сэтчö...
 Пежгаг яндзим төдтөг сәки
 Енэж вывсьыс Ыджыд Енмөс
 Ләптіс серам выв — и вывлань
 Дзоргис көдзыд синмөн сійö.
 Ыджыд сьөлöма бур Енмыс
 Сәки усыпаньвыв нин пуксис:
 Тронякылысь хрусталь жырйын.
 Югид дзирда кодзув пөвстын
 Эз нин лөкысь — дыша, лөня
 Чардби нөвъяс мулань шөтіс.
 «Оз на помась менам олөм.
 Лөнъла, нөрөвитла здуксö».
 Ыджыд Ен тадз аслыс шуис...
 Шуис — вөчис... Кымөръясын
 Гым гор быри, чардби вошис...
 Пежгаг бара таысь скөрмис,
 Васөд оланінас дзебсис —
 Изъякостса гусяшö:
 «Енсö скөрмөдны эг вермы,
 Сы вылын көть кыз ог серав —
 Сылөн терпливлуныс ыджыд,
 Менам теш вылö оз дөзмы.
 Бурджык, пыра аслам позйö,
 Уль да ыркыд му ув позйö.
 Сәні виччысьыштла — гашкө,
 Бурджык кад на воас меным».
 Дыр на ропкис тадзи Пежгаг,
 Сәсся изъяс костын ланьтіс...

ЯГМОРТЛӨН ЮР

VIII

Коркө өвсисны жө дырөн
Эжва вылын быгъя гыяс.
Бара петисны кузь туйо
Яур-князь да сылөн ёртъяс:
Лыадорысь вына Ош-пи,
И Вөрморт оз кольччы, кывтө,
Ыджыд сяма сылысь-ворсысь...
Яур-князь сэк бара тшөктис:
«Видзөдлөй вай, парма пиян,
Мый ни Эжва вылас вөчсө —
Мыйся ёкмыль сэпи, водзас?»
Видзөдлис Вөрморт зэв сюся
Водзө — вочавидзис пыр жө:
«Диа-муа кост виямас,
Сөстөм ваа Эжва вомын,
Буретш визла ворсапинас,
Ловъя морт юр ыджыд куйлө,
Дарьюрьяс моз носни дияс
Сийөс босьтөмаөсь кытшө...
Ог төд, кызди сәсся кывтам
Тайо юр дортис, ёртъяс, —
Ставнас юсө сийө тупкө...» —
Сылысь-ворсысь гөлөс шыысь
Өнi кылис ыджыд полөм...
Но, а юрид восьтис вомсө,
Куим ёрткөд сёрни панис:
«Кытчө пырччад, парма пиян,
Эжва визла вывти повтөг?
Воськов тиянөс ог лэдз ме!»
Ыкша сёрни кылөм бөрын
Пузис Лыадорса Ош-пи,
Скөрысь босьтис ыргөн шысө
(Эз тай весиг здуксө ыдъясь),
Югыз ваын куйлысь юрсө
Тай да бытникас лөчыз шынас...
«Өвсыв, Лыадорса Ош-пи,
Здукөн эи на сідзи скөрмы, —
Бур кыв бара танi шуис
Рыжөй тошка Яур-князьным:
— Великанөй, юрөй, кывзы,

Абу гажѣм юѳр висьтын:
 Биармияѳ ми кывтам —
 Вайны гѳтыр вылѳ меным,
 Яур-князьлы, Оксор-сарлысь
 Райда нывсѳ Джеджим гортѳ...
 Биармиялѳн шань нылыс
 Аслас авъя мичѳн тнѳктѳ
 Водзѳ кывтны куим ѳртлы...
 Туйсѳ миянлы эн потп тѳ,
 Сысысь бурѳн тѳныд мынтам
 Озыр козиньясѳн... Галкѳ,
 Збыль тѳ важ Куль Енним миян?»
 Воча кывнас юр эз нюжмась,
 Ыджыд жыннян моз жѳ ѳувгис:
 «Абу муувса Куль Ен ме —
 Багатырѳн коркѳ чужлѳ
 Дзор Тиманын... Вѳлѳ пиѳн
 Шылыд тундралѳн, сѳѳд вѳрлѳн
 Ягморт нима вына пиѳн...
 Ылѳ саридз сайсянь татчѳ
 Ыджыд вѳрѳг котыр волѳс.
 Найѳ куштывлѳсны горна
 Вѳрысь гуся кевманѳнъяс:
 Быдса пыж тыръясѳн зарни,
 Зарни дон жѳ мпча куяс
 Найѳ лѳтчѳдлѳсны татысь...
 Сѳдз Двина бердса веж вѳръяс
 Вийси-дорйи, кыдзи верми,
 Вѳрѳг котырысь... Но ѳтчыд
 Найѳ ылѳдлѳсны менѳ:
 Юи унмовсѳѳдысь зелльѳ —
 Да и ойбыртѳ... А войнас
 Юрѳс керыштѳсны... Сѳмын
 Вины эз вермыны дзикѳдз...
 Со и куйлѳ сѳсянь юрѳй
 Югыд ваас ыджыд из моз...
 Рыжѳй тошка Яур-князьѳй,
 Мелѳ сѳрниясьсыд лолѳй
 Менам бурасис... Ме сета
 Туйсѳ тѳянлы Двинаѳ,
 Медым коралѳнныд-вайид
 Биармияысь шань ичмонь —
 Оксор-сарлысь Райда нывсѳ.
 Яур, шыасѳѳмнад лолѳс

Быттьо выйон менсьым мавтин;
Сідзкө, абу скөр да тшап тэ,
Сідзкө, бур туй тэныд водзэ!..»
Татшөм сёрни бёрын юрыд
Ланьтис... Изйөн бара лои,
Пёрт кодь съод да ыджыд изйөн...
Недыр дивуйтчисны ёртъяс —
Бара дзибрөс пыжнас водзэ
Мөдисны...
Лёнъ паськыдинө
Сэсся петисны — Двина сэн
Вежис Эжвалысь лёнь васө...

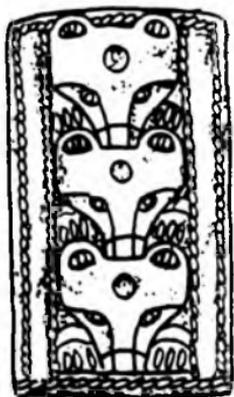
БИАРМИЯ ВИДЗЫСЬ РЫМДА

IX

Вожа йыла нёрыс йылын
Сулаліс зэв пёрысь пожөм,
Колля-исергаа увъяс
Сылөн кусыньтчоны муөдз...
Юрнас довкйөдлыштис пожөм,
Кышөдчыштис ыргөн кырсьнас...
Гожея турун рөма пасьнас,
Зарни шөвкысь мича гачнас
Сійө тшапитчыштис, сэсся
Шыасис тадз, төждысьөмөн,
Вөрса аслас рөдвуж дорө:
«Ю дор джуджыд кыркөтш бокысь,
Лөз Двина бердса сук вёрысь,
Помтөм пармалөн веж нывъяс,
Кызъяс, пипуяс и козъяс,
Менам чойяс, муса чойяс,
Вай жө висьталөй ті мёным,
Муса нывъяс, рочаканьяс,
Кызди водзэ кутам овны
Татшөм неминуча бёрын?
Джеджим пармалөн збой пиян
Яур-князьлы гөтырпула,
Оксор-сарлөн Райда нывла,
Татчөдз локтөмаёсь пыжөн
Асыввывсянь, дзор Тимансянь,—
Эжва садьман-чужанінсянь...

Пыжас — рыжкӱ тошка Яур,
 Сыкӱд Лыадорса Ол-пи,
 И Вӱрморт тшӱтш пыжас накӱд,
 Ордас сигудӱксӱ кутӱ,
 Ыджыд сяма сылысь-ворсысь...
 Мый мем вочавидзад татчӱ,
 Лӱз Двина бердса сук вӱрысь
 Муса чойяс, дона чойяс?»
 Пашкыр юръяснаныс чӱла
 Сылы докшитисны пуяс,
 Сӱссия, ванкӱдчыштӱм бӱрып,
 Пӱрысь пожӱмыслы палӱн
 Татшӱм воча кывийс вӱли:
 «Нинӱм мӱвпыштны эг кужӱй —
 Нинӱм висътавны ог вермӱй...
 Ставыс Енлӱн шуӱм серти
 Нӱмъяс чӱж му вылас вӱчсӱ!
 Збыль кӱ кӱнкӱ мыйкӱ лони,
 Сидзкӱ, лоӱмторлы лони
 Вӱли енӱжсяньыс тшӱктӱм!
 Ставсӱ тӱдӱ Еншым!
 Сийӱ
 Мед и вочавидзӱ ачыс...
 Ошкамӱшкааыслысь миян
 Вӱли юавны тшӱтш колӱ:
 Тьяс-юясысь сӱдз васӱ
 Медым пӱттӱдзыс тап юны,
 Енӱж эрдъяс вывсянь сийӱ
 Дыр-ӱ му вылас оз лӱччы?
 Из-Урал вылын ӱд важсянь
 Вежа лӱбач Рыклӱн позйыс...
 Сийӱ нӱмсӱ пӱжӱ позъяс
 Ыджыд колькъяс... Колькъяс пытшкас
 Му выв олӱм пӱжсӱ-чужсӱ!
 Вежа лӱбач, сийӱ ставсӱ
 Тӱдӱ... Миянысь оз дзесбсы —
 Индас-висъталас, кыз водзӱ
 Овны миянлы ас муын...» —
 Пуяс костын тшӱкыд вӱрас
 Татшӱм гуся сӱрни вӱли.
 Налысь ванкӱдчӱмсӱ кылис
 Оксор-сарлӱн Рымда вокыс,
 Биармия видзысь-дорйысь...
 Сирӱд мыр моз ӱзйис-скӱрмис,

Тошсö пыркөдөмөн горзис:
«Кызди?! Лысьтөмаось кортөг
Локны мяян вежа муö
Яур-князь, Вөрморт, бур сылысь.
Лыадорса вына Ош-пи...
Водзö кызди сәсся овны?
Сöмын пышйыны и колö
Лөз Двина бердса веж вөрьяс
Тундралөн кун эрдьяс вылө...
Быдөн Рымда пöльöс öнi
Дойдны-öбöдитны вермö,
Кызди пöрысьми — эг казав,
Виччысь сöмын, кор збой челядь
Тошкөс нетшынтасны менсьым!..»
Тадзи видчис пöрысь Рымда,
Сәсся юалис Вөршудлысь:
Локтөм йөзьяс Биармия
Кызди дөзбөритны сылы?
...Вөршуд эз и восьтьыв вомсö —
Водзö тшапа оліс чөла
Олөм видзысь вөрса Елмыс...
Кыліс Рымдамыслысь горзөм
Ош да аслас эньлы шүпс
(Ошлөн, парма пилөн, гөтыр,
Ас кодьяс жö өп да гөна):
«Лэчюд черөн петіс Рымда!
Ылі муысь воөм йөзөс
Кутас сійö зырны-пөйтны.
Лөз Двина бердса веж вөрьяс
Наысь дорйыны... Вай ветлам
Налысь видзөдлыны тышсö...»
Со и мөдөдчисны гозья
Нюрьяс, сөнтьяс, мыльктяс вомөп!
Налөн кок шы улö садьмис
Көин, да и ачыс шызис —
Кырсьсö сійö лөз Двиналань
Вутшьяс, пөрөм пуяс вомөн...
Юргö парма пасьта юөр:
«Ыджыд кось вылө өсь черөп
Петö Рымда... Вөрөг котыр
Биармияö цельк пыжөн
Воö...»
Кузь кокьяса Көчиль
Бара весьөпөрис-повзис:

Сэтчө уськөдчылас, татчө —
Аслыс дзебсянін оз аддзы...
Руч Двина бердса веж көджысь
Джуджыд кыркөтш йылө кайис...
Ыджыд Йөра, вына Йөра
Садьмис-чеччис... Пожөм бердө
Гыжъялыштис гөна боксө,
Сэссия, уна вожа сюрсө
Водзлань чургөдөмөп, збоя
Уськөдчис тшөтш лөз Двиналань.
Чуграбердса тшөкыд вөрын
Лэбач кельөб кыліс горзөм
Рымдалысь — сьөд кымөр быттьө,
Лэбис Рымда горзөм вылө...
Курксө сьөд бордьяса Кырныш,
Думсьыс виччысьө, кор пансяс
Куим ёрт да Рымда костын
Вир кисьтана чорыд тышыс...
Варышьяс со чардби өдөн
Лэбалөны ю весьттыс,
Сюся кыйөдөны — көні
Локтөм вөрөгъяслөн пыжныс.
Пөрысь Рымда пөльлөн горзөм
Лөз Двина бердса сикт-грездьяс
Шызьөдіс... Став мужик рөдыс
Локтөны ю берег пөлөн
Рымда пөльлы отсөг вылө.
Налөн черьяс, мечьяс вылын
Югөрьяснас шонді ворсө...
Скөрмис бара вына Ош-пи,

Өти кинас меч жö босьтö,
 Мöднас — шы...
 Но рыжöй тонка
 Яур бур кыв тані шуö:
 «Ой, Вöрмортöй, кывзы менö —
 Вай жö горöд важся сылан,
 Рымда дорйысьясöс медым
 Босьтис муас лчкысь унзиль —
 Сэки бырö налön эбс...»
 И Вöрморт эз нюжмась дырсö —
 Кинас сигудök струнаяс
 Ловзьöдис да сывны босьтчис:
 «Турун-дзоридзьяслön прöшви,
 Вöрлön чуймöдана серыс,
 Öтка көклön көкөм-бөрдөм,
 Уджач мазьяслön дзизгөм,
 Лэбачьяслön вичко сылан —
 Ставыс менам сыланкывйын!
 Джеджим парма-мулön зарни —
 Важся мича сыланкывйыс,
 Асья кодзувьяс кодь сөстөм,
 Рытъя шондi кодь жö мелi,
 Дзик öд енвевт берлас качö
 Шоньд сынöд гыяс вылын.
 Кодзувьясыс енвевт йирас —
 Быттö кисьмөм пелысь розьяс
 Пелысь пулön, кодлön вужйыс
 Му пытшкын. а пашкыр юрнас
 Сийö пырö енвевт йпрö.
 Быттö мөскөс югьд төлысь
 Öшкамөшкаöс быд асыв
 Вөтлө му вылө, мед юас
 Шорьяс-юяслысь сөдз васö.
 Медым эз кус му выв олөм,
 Шондi некор күстөм бинас
 Мусö дөзьöритö-шонтö!..
 Енмыс лэбачьяслы индiс
 Енвевт вывтi гуся ордым:
 Тури-утка. дзодзöг-юсьяс
 Писькөдчöны тулыс-арсö
 Лунвывсянь да — войвывланьö,
 Войвывсянь да — лунвывланьö,
 Бокö ордымсьыс оз кежны!
 Куйлө пызан вылас Енлön,

Енвевтвывса хрусталь жыръяс,
 Зарни книга, кытчö ставсö
 Водзвыв гижöма: мый Яур,
 Джеджим парма видзысь-дорйысь,
 Оксор-сарлöн Райда нывлöн,
 Биармия медшапъ нывлöн,
 Коркö верöс лоö... Ставыс
 Сийö книга серти артмö —
 Книга гижöдсö он вушты!
 Биармиялöн збой войтыр,
 Косьсö весьшөрö эн нанöй,
 Бурджык водöй, удал зонъяс,
 Узьöй чöскыд-чöскыд унмöн!
 Сигудöклöн мыла горыс
 Сэки садъмöдас, кор тшöктас
 Вöчны тайöс миян князьным...»
 Ставыс — челядь, посни войтыр,
 Парма вöрсьыс немöс-лэбач, —
 Здукöн унмовсисны сэки...
 Биармия видзысь Рымда
 Ачыс чорыд изйö пöри,
 Нитшкöн эжсьöм чорыд изйö...
 Биармияса збой йöзлöн
 Лöз Двина вылысь став пыжыс
 Тшöтш жö изъясисны здукöн,
 И Двина бердса вөр весьтыш
 Öшйис неляд чунган чöвлун...
 Но, а найö, куим ёртыс,
 Джеджим пармаса геройяс:
 Яур-князь, гöрд тошка, Ош-пи,
 Лыадорса вына Ош-пи,
 И Вöрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь,
 Лöз Двина вывтí пыр водзлань
 Писькöдчисны дзибрöс пыжнас —
 Налы ньöжйöникöн воссис
 Оксор-сарлöн озыр сарство...

КАРДОР

Х

Сэн, кöн йиа чугра бердö,
 Саридздорса кыркöтш изйö

Лун-вой нойтчоны скөр гыяс,
 Джуджыд чугра моз жё тшала
 Кардор зымвидзё... Вөр весьтын,
 Видзьяс, увтасінъяз весьтын,
 Еджыд нитшка тундра весьтын —
 Аслас кёдзыд мичён карыс
 Дона из кодь... Кардор гөгөр
 Көрьяс кытшлалёны... Зіля
 Сувтса пеля лайка понъяс
 Ыджыд стадаясё найёс
 Ставсё чукөртлөны рытнас.
 Керьясысь кыз стенъяс дорын,
 Буретш карас пыранінын,
 Цербер-пон зэв ыджыд олө,
 Ветлысь-мунысь вылө увтчө...
 Ыргөн кольчаа кыз голя
 Сылөн... Домалөмны понсө
 Кольчасяныыс ыргөн чептөн
 Дорөм дзирья өдзөс бердө...
 Карсө кытшалысь стен вывті
 Лун-вой шөйтөны съод каньяс,
 Зэв кузь гона ыджыд каньяс
 (Налөн рөдвужыс — Сибирын,
 Джуджыд лымъя кёдзыд муын).
 Найё мойдөны, кор шаньёсь,
 Биармиялысь важ мойдъяс
 Ветлысь-мунысьлы... Лёк водзын
 Найё нявзылөны гора...
 Паськыд тундра эрдъяс вылын
 Эмөсь гуся кевманінъяс,
 Джуджыд пиня потшөс сайын,
 Нитшсьөм-эжсьөм стенъяс сайын
 Еп Юмала олө... Сылөн,
 Биармия Еялөн, юрыс —
 Зарни... Югыд эзысь вевттьө
 Сылысь пельпомъяс да кияс...
 А Юмала Енсө тайёс
 Кытшалөны мукөд Енъяс —
 Вылын морөсьясныс налөн!
 Мича югыдлөз шушунъяс
 Найёс тубралөны... Тыпапа
 Енъяс сулалөны кытшөн!
 Алёй лентаясөн юрси
 Налысь мичмөдөма — муас

Тшукöны шöвк лента помъяс,
Енлы гуся кевман жырйö
Пыранінсö вевттьö-тункö
Яргöрд рöма мича дöра...
Оксор-сарлөн югыд керка
Карас мукöд керка пытшкып —
Кыдзи бадьяс пöвстын кыз пу...
Лöзов слюда öшинь дорын
Орчтөн пукалöны кыкөн —
Оксор-сар да Райда нылыс...

ОКСОР ДА РАЙДА

XI

Едждöм тошсö веськыд кинас
Малыштис да сёрни панис
Оксор-сар, Рамдайлөн пиыс:
«Муса нылöй, дона нылöй,
Кардорлөн тэ вежа ичмонь,
Помтöм тундралөн көзайка,
Кыззи кутам сэсея овны?
Став Двина бердса йöз-войтыр
Узьöны...
И Рымда-пöльöс
Мыла гблöса Вöрмортныс
Изйö сыланкывнас пöртис.
Матыстчö со дзибрöс пыжныс
Миян карлань куим ёртлөн,
Биармияысь мед нуны
Эжва йылö тэнö, Райда.
Пыжас — рыжöй топка Яур,
Лыадорса вына Ош-пи,
И Вöрморт тшöтш накöд кывтö,
Ыджыд сяма сылысь-ворсысь...
А öд оз позь лэдзны гидö
Ыжъяс дорö Кöин-шышöс;
Ошкöс лэдзны оз жö шогмы
Рам да полысь көръяс дорö;
Чипан позйö пöрысь Кутшлы
Туйыс век мед вöли пöдса!
Эжва йывсянь локтöм йöзöс
Карса войтыркöд ме көсья

Зырны-пасьвартны!
 Мед найӧс
 Косявласны ӧти здукӧн
 Карсӧ видзысь ыджыд понъяс —
 Нолтӧ, мынтӧдала чепсьыс:
 Вӧлись аддзыласны гаж сӧк
 Эжва йывса кортӧм гӧстьяс...
 Ме яранъясӧс на татчӧ
 Паськыд тундра вылысь кора —
 Визув дадювъясӧн найӧ
 Воасны да доръясны тшӧтш
 Менсьым карӧс куим ӧртысь!
 Корся, босьта паськыд мечӧс,
 Пета тыш вылӧ, ог повзы —
 Ачым доръя ассьым Кардор!»
 Воча кывнас Оксор-сарлы
 Здук эз нюжмась Еджыд Райда:
 «Юрси нывбабалӧн кузь кӧть —
 Дженъыд мывкыдыс, но век жӧ
 Со мый шуа тӧныд, батьӧ:
 Ӧдӧ исковтӧны лунъяс
 Мортлӧн сӧдз нин дженъыд нӧмысь;
 Мортлӧн олан югыд здукӧ
 Мыйлы Ен шуӧма лоны —
 Мед и лоӧ сӧйӧ ставыс!
 Войся енвевт кузя Тӧлысь
 Медым аслас туйӧд кывтӧ,
 Медым Шондӧ оз жӧ вунӧд
 Водзӧ вылӧ ассьыс ордым —
 Мед и водзӧ кайӧ-лӧтчӧ
 Асыввывсянь рытыввылӧ...
 Югыд хрусталь оланӧнсянь
 Енвевтсяньыс ыджыд Енным,
 Дона изъясысь троп вывсянь,
 Аддзӧ-тӧдӧ му выв олӧм —
 Сӧйӧн веськӧдлӧ, кыз колӧ...»

РАЙДАӦС ПЫШИӦДОМ

XII

Зумыш войвывланьӧ мудзтӧг
 Писькӧдчӧны дзибрӧс пыжнас

Вижгөрд Кардорлань бур ёртъяс:
 Рыжой тошка князь, збой Яур,
 Вына Ош-пи Лыадорса,
 И Вөрморт оз кольччы наысь...
 Матын тундрабердса саридз,
 Со тай — посняммисны козъяс,
 Шочмисны и пожом пуяс,
 Суе пу некытысь он аддзыв...
 Кизьбормо да чино парма —
 Ляпкыд кыз пуяса растяс
 Вежоны сук лыска вөрсо;
 Еджыд витшкөн эжсьом тундра,
 Вутшка помтом-дортөм нюръяс
 Паськөдчоны ёртъяс водзын;
 Көдзыд вой төв жвичком шыын
 Кылис саридзлөн нин лов шы...
 Сэсса аддзисны и Кардор
 Джеджим пармаса геройяс!
 Карсо кытшалома ставнас
 Пиня йыла джуджыд стенмон.
 Джуджыд лыа валтяс стенсо
 Дорйоны... Стен пельосъясын —
 Башняяс...
 Стен бердянь кыло
 Ыджыд понлөн лёкысь увтөм —
 Видзо карас пыранисо
 Ыргөн чептөн дорөм Цербер:
 Вына борья кокнас сийо
 Лёкысь чаййо-койо мусо,
 Ыргөн чепсо гольскиг-йириг...
 Башня вевдорас съод каньяс
 Омлялоны — лөгныс пето
 Карлань кывтысь ёртъяс выло...
 Повзис сэки вына Ош-пи
 И Вөрморт тшөтш весьөпөрис!..
 Бара рыжой тошка Яур
 Бур кыв ёртъясыслы шуис:
 «Ой, Вөрмортө, сылысь-ворсысь.
 Вай жө сигудөктө босытлы,
 Вай жө горөд сэсса съывны
 Эжва йывса мича сылан!»
 И Вөрмортөс кыкысь корны
 Эз ков! Сигудок струная
 Сийо вөрзөдис — и ловзис

Сигудёкыс сылөн кийн...
 Ловнас кыпаліс Вөрмортным,
 Съывны зіля босьтчис-өддзис —
 Вөръяс-ваяс весьтті ылөдз
 Юргис сылөн мыла съылан:
 «Пырыс тыдалана вон моз
 Енвевт паськөдчөма помтөг
 Му весьтас, а мусө дзоньнас
 Мыськө помтөм-дортөм сарид...
 Уна пөлөс ловья пемөс
 Олө гыа саридз гыркыш...
 Ышлолалө морөс тырнас
 Саридз, челяд йывсьыс төждөн.
 Ыджыд таб моз муным лөня
 Саридз морөс вылын куйлө;
 Быгйис, быттьө еджыд прөшви.—
 Содтөд саридзыслөн мичлун!
 Төлысь еджыд чужөмбансө
 Мыськө саридз ваөн войпас;
 Шонді асывводзнас зіля
 Мысьсө-кунайтчө сөдз ваын,
 Сэся лунтыр сөстөм баннас
 Югзё, мусө шонтө-видзө...
 Дзор Ураллөн изъя асык
 Дзоньнас асыкалө Мусө:
 Сійөн оз и потлась Муным —
 Нэмъяс чөж пыр видза-ловья...
 Нюммун, Енлөн шуда ичмонь —
 Югыз светөй! Вөльнөй светөй!
 Биармиялөн збой войтыр,
 Вай жө усыпаньвыв ті нуксөй.
 Локтысь йөзлы дольдпырысь
 Няньөн-солөн паныз петөй.
 Биармияө эг лөкөн

Джеджим пармаысь ми воёй —
 Яур-князь да вына Ош-пи,
 Тшөтш и ме, Вөрморт,— пельк ныжкөй
 Мудзтөг пьськөдчим пыр, кывтім...»
 Сигудөклысь мыла горсө
 Кыліс еджыд ичмонь Райда:
 «Лёз Двинасянь кутшөм шыяс
 Менсьым шызьөдөны съөлөм?»
 Тадзи дивуйтчис сар нылыд,
 Сэсся служкаяслы тшөктіс:
 «Вай жө, гортсаяс, ті ветлөй
 Дорөм дзирья өдзөс дорө,
 Корөй гортө воөм йөзөс...»
 Оксор-сарлөн горт олысьяс
 Öдйө уськөдчисны вöчны
 Тшөктөмторсө. Ветлысь йөзыс
 Ставөн мөдөдчисны накөд.
 Дорөм дзирья өдзөс сайысь
 Мый жө казялісны? Дивө:
 Кардор видзысь понъяс ставөн
 Ланьтөмаөсь потшөс бокас
 Сы ни садь... А ыджыд Цербер
 Шкоргис-узис карлань мышкөн —
 Ставнысө Вөрмортлөн сылан
 Личкөма... И весиг Цербер
 Оз нин повзьөд өні йөзсө,
 Көть и дзирдалөны важ моз
 Сылөн пиньяс — кузьөсь, ёсьбсь...
 Каньяс, арся вой кодь съөдөсь,
 Оз жө повзьөдлыны йөзсө —
 Ланьтөмаөсь башня вылас,
 Бөжъяснысө өшөдөмөн.
 Парма, тундра весьтын Кырныш
 Шливгис-лэбис, курксіс-горзіс:
 «Чукөртчөй вай, лэбач рөдыс —
 Еджыд бордья ыкша Юсьбй,
 Вөрса паськыд нюрысь Тури,
 Тыяс видзысь перыд Горда,
 Дзодзөг-гөгөраяс, сюзьяс —
 Кардорө вай өдйө лэбөй:
 Ылі муысь локтөм войтыр
 Карас пырөмаөсь... Налөн
 Могыс — босьтны Райда нылөс
 Яур князьлы гөтыр вылө

Да и нуны Эжва йылö...»
Шызис ставнас бордъя войтыр,
Лэбис Кардорö — и аддзö:
Рыжöй тошка Яур, Ош-пи,
Вына Ош-пи Лыадорса,
И Вöрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь,
Ён öграда порог вомöн
Повтöг воськовтисны, сэсса
Мöдöдчисны сар дворечлань —
Паськыд куим ёртлөн воськов!
Сарлөн кесйылöс-слугаяс
Да и ветлысь-мунысь войтыр
Вöтчöны тшöтш ёртъяс бöрся...
Восьса öшинь пырыс Райда
Видзöдис, лöz синма ичмонь,
Куим ёрт вылö — и воис
Сылы сьöлöм вылас Яур...
Яур-князьным, вына Ош-пи,
И Вöрморт, бур сьылысь-ворсысь,
Виччисны, кор гортсьыс петас
Öшинь улас Райда-ичмонь...
Куим ёртлөн локтан кадö
Трон вылас Рамдайлөн пныс,
Пöрысь Оксор, шкоргис-узис
И эз кывлы, и эз тöдлы,
Мый нин керка дорас вöчсьö.
А лöz синъяса сар нылыд
Со мый куим ёртлы шуис:
«Джеджим пармаса геройяс,
Вай жö садьмöдöй тi кызкö
Батьöс менсьым, Оксор-сарöс;
Вай жö кызкö вöчöй сiдзи,
Медым тiяплы, бур ёртъяс,
Петис паныд гажөн-бурөн!»
Биармия вежа нывлы
Тадзи вочавидзис Яур:
«Дырсö виччысьнысö, Райда,
Миян кадыс абу, эскы:
Понъяс шызясны, да-й ачыс
Цербер садьмас, юрсö лэптас —
Косявласны куим ёртöс
Кардор видзисьяс... Шань нылöй,
Райда, пет вай гортсьыд öдйö.
Котöрт, лэччы лöz Двиналөн

Алыкös берег вылö — сэнi
 Дзiбрöс пыжным мяян... Бöрсö
 Вывлань нельöн ми и катам!»
 Буретш тайö здукö садьмис
 Биармияса збой войтыр —
 Мечьяс дзирдыштисны, шыяс...
 Сэки сигудöк струнаяс
 Бара шыясисны лöня,
 Сьöлöм вөрзьöдана нора —
 Быттö шога горзö каля
 Лöз Двиналöн визла весьтын;
 Быттö Из бердса сук вöрып
 Дзуртыштисны пожöм пуяс...
 Сигудöклöн нора шыысь
 Сьökыд унзиль бара босьтiс
 Биармияса збой йöзöс —
 Верстьö йöз и посни челядь
 Бара унмовсисны ставöн...
 Сэки Оксор-сарлöн нылыс
 Удж на Оксой-князьлы вöзйис:
 «Рыжöй топка Яур-князьöй,
 Лый тэ меным визув көрöс,
 Сэсея кильчö помö пукты —
 Медым аддзылисны ставöн,
 Мый семьятö ассьыд, князьöй,
 Сюсьлун тырмас тэнад вердны».
 Дыр эз көсйы востер Яур,
 Босьтiс ньöввуж кias, зэвтлiс
 Сылысь вуджсö, ыргөн йыла
 Ньöвсö войвыввланьö шötiс —
 Виис тундра вылысь ошкös...
 Мöd ньöv асывыввлань шötiс —
 Виис көиннös ёсь ньöвнас.
 Ыргөн йыла коймöd ньöвсö
 Шötiс рытиввыввлань Яур —
 Ыджыд йöраöс öд виис
 Лöз Двина сайысь ёсь ньöвнас.
 Нельöд ньөвйыс Яур-князьлөн
 Лэбис лунвыввланьö — көрöс,
 Визув көрöс сийö виис...
 Ньöv бöрсяыс вына Ош-пи
 Ветлiс лунвылö, а сэссея
 Оксор-сарлы кильчö помас
 Тшана көрсö сийö пунктiс.

Югзис-ньюмуні сэк Райда:
 «Рыжой тошка Яур-князьой,
 Дорёд меным зарни чунькыты,
 Медым аддзылісны ставон
 Мый он нёръясь — менё збыльысь
 Босьтан гөтыр вылө, князьой...»
 Кузнечао вына Ош-пи
 Тэрыб воськовъясон мунө,
 Горсө ломзёдө да бисө
 Пушканон ныр пөльтө-содтө.
 Сэссия босьтө ыджыд мөлөт,
 Ссылөм сорон камгө-дорччө:
 «Из-Уралон чужтөм зарни,
 Небзыы өдйөджык да ачыл
 Сэссия чунькытшө и гартчышт
 Оксор-сарлөн вежа нывлы
 Чунькытшасян нимтөм чунаяс...
 Муув Енмөй, отсышт меным,
 Оксор кузнечао тэрмась...»
 Коркө-й вайис вына Ош-пи
 Бура дорөм зарни чунькытш...
 Босьтис сійөс Яур-князьным
 Да суйис аслас кион
 Нимтөм чунаяс Райда пывлы...
 Югыд заринас, кызд шонді,
 Озйис Райда кыин чунькытш!
 Сэки ньюмуніс сар нылыд,
 Татшөм мелі сёрни паніс:
 «Сідзкө, вай мед ворсас өні
 Мича сыланкыв Вөрмортныд,
 Янсөдчан, шог сылан ворсас
 Райдалы — өд регыд ковмас
 Меным янсөдчыны сэссия
 Биармия дона мукөд...»
 Яур-князьлөн Оксор пывлы
 Татшөм воча кывйис вөлі:
 «Райда, вежөра шапъ нылөй,
 Оз позь сывнысө Вөрмортлы —
 Сигудөклөн гора шыысь
 Джуджыд башиявывса каньяс
 Садьмасны, да-й тшөтш и понъяс —
 Найө косявласны здукон
 Тэнсыд гөстьястө, сар нылөй...»
 Лөня бөррдзис сэки Райда,—

Кыдзи лысва, синва войтъяс,
Гожся турун вылын лысва,
Сылөн югъялісны... Сыкөд
Асьныс нормисны бур ёртъяс:
Рыжой тошка Яур, Ош-пи,
Вына Ош-пи и Вөрморт тшөтш
Сос помнаныс чышкалісны
Синъяс дорнысö зэв гусьөн —
Бөрдöмнысö мед эз адзыв
Куим ёртлысь вежа Райда...
Зарни вевта чужан гортсö
Со и энөвтис сар нылыд —
Петис сійö куим ёрткөд
Юлөн алькөс берег вылö,
Пуксис князьлөн дзибрөс пыжö.
Нельөн мөдöдчисны найö
Лөз Двина ю паныд катны...

ГЕРОЙЯС ВООНЫ ГОРТАС

ХIII

Лун и, мөд и — вежон чөж нин:
Гортас катöны геройяс;
Накөд тшөтш и катö Райда,
Биармиялөн шань быдтас.
Эжва вомö писькөс пыжныс
Налөн пырö...

Мыш саяныс

Кольём ляпкыдінъяс, діяс
 Ру нин ньөжйбникөн тупкө...
 Сэк Вөрмортлөн лолыс бара
 Озйис — сигудок струная
 Сійө вөрзөдіс, а сәсся
 Сывны сьөлөмяньыс босътчис:
 «Вөчим шензөданатор ми —
 Енвевт эрдсьыс ловъя кодзув
 Босътим-нетшыштим: од кывтө
 Князьлөн дзибрөс пыжын Райда,
 Кардорлөн веж тувсов дзоридз,
 Оксор-сарлөн муса нылыс...
 Ок, и долыдось ми талун —
 Саридз улысь югыд жемчуг
 Судзөдімө сьыланкывйөн!
 Олом здукъяс, дона здукъяс,
 Вай жө искөвтөмсьыд сувтлөй:
 Локтан кадыс оз на во мед;
 Мед и кольём кадыс вунлө!
 Яур, рыжөй тошка князьөй,
 Авъя Райда вылө видзөд —
 Нюммун аслад ыджыд шудлы!
 Төд и со мый: тэнад киө
 Уси медся югыд кодзув
 Войся енвевтсянь да өзйө —
 Дзоньнас вольной светыс югзьө!
 Гажөдчы и тэ тиөтш, Райда,
 Кыпыд сьөлөмаөн ло вай —
 Войвывлөн тэ муса кага,
 Кыа рөма лежнөг дзоридз,
 Турун тыра эрдъяс вылын
 Еджыд юра бобөняньөй.
 Джеджим вөрын, миян дорып
 Кутан чикыш моз жө овны —
 Югыд горничаян, ичмопь,
 Кутан красуйтчыны. Видзөд —
 Миян весътысь сөстөм енвевт
 Быттьө мичмөдөма кодкө
 Доръясөдыс кыа визьөн...
 Шовді миянөс оз эновт,
 Да и Төлысь пемыд войнас
 Кывтө Джеджим весьтти лөня.
 Енвевт вылас Енмар-Еныс
 Мудзтөг лыддьө ыджыд небөг;

Небӧг серти сәсся Енмар
 Лӧсьӧдӧ став Му выв олӧм...
 Дзоньнас турунвиж хрустальысь,
 Югьд кӧртысь дорӧм вевта
 Енмар-Еплӧн ыджыд керка.
 Джоджыс — кодзувъяса енӧж,
 Керка стеньясыс алмазысь...
 Енлысь кывзысь тэ, сар нылӧй —
 Джеджим пармаын ов сідзи,
 Медым рыжӧй тошка Яур
 Тэнад сёрни-сӧвет серти
 Уна аслас нэмын вӧчис
 Ылӧдз нималана бурсӧ!» —
 Юргӧ-лӧбӧ Эжва весьтӧ
 Мыла гор — Вӧрморт, дерт, сәни
 Ворсӧ ситудӧкнас пыжын.
 Тадзи ванькӧдчисны пуяс —
 Пашкыр ножӧмъяс да козьяс,
 Бадьяс, нывв пуяс да кызъяс;
 Ыжнӧнь васӧд увтасінын,
 Льӧм пу, лежнӧг, онильӧм, нишпу,
 Исергаа пелысь-аньяс, —
 Адзисны кор дзибрӧс пыжсӧ
 Куим ёртлысь... Сәсся ша
 Налысь ванькӧдчӧмсӧ торкис:
 «Дивуйтчӧй жӧ, муса чойяс,
 Збыль ӧд лӧмторсьыс шензян —
 Рыжӧй тошка Яур, Ош-пи,
 Вына Ош-ли, и Вӧрморт тиӧтш
 Кардор карӧ, важея карӧ
 Волісны да сьыманкывйӧн
 Биармия мусӧ дзоньнас
 Унмовсьӧдісны, а сәсся
 Еджыд Райдаӧс, сар нылӧс,
 Катӧдісны Эжва йылӧдз...
 Став Двинасӧ дзибрӧс пыжӧн
 Найӧ мупӧмаӧсь — со тай,
 Абу вошӧмаӧсь!
 Эг на
 Тӧдлӧй татшӧмтор ми водзджык!»
 Пуяс шенасисны шыӧн
 Увьясананьс пензьӧмысла,
 Сәсся горӧдісны сьывны:
 «Шимих-лили-сине-гили-

Роко-то-то-гымда-гато-
 Ули-лили-иуаня».
 Пуясыслысь шувгём-ссылём
 Вёрса лэбачьяс да зверьяс
 Кылісны да асьныс сэся
 Сьывны горөдісны өтвыв;
 Горзігтырйи уськөдчисны
 Эжва юлань шумён-зыкён;
 Зверьяс кок шыысь став муыс
 Тірзис-вөрис... Лэбач кельөб
 Тупкис еневт отсө дзоньнас!
 Тадзи здукөп шензис-шызис
 Вөр-ва...
 Рыжөй топка Яур
 Сэки юалис Вөрмортлысь:
 «Берегсяпныс кутшөм зыксём
 Татчөдз, миян дорөдз, кылө?
 Кутшөм кымөр нөрыс сайсянь
 Качис, тупкис аспас енэж?»
 И Вөрморт, бур сылысь-ворсысь,
 Сылы вочавидзис төлкөн:
 «Оэ өд кымөр — лэбач кельөб
 Тупкө аспас еневт отсө,
 Зверьяс кок шыысь өд муыс
 Дзоньнас тіралө да вөрө:
 Вёрса зверьяс, лэбач-пөтка
 Петө долыдшырысь паныд
 Райдалы!»
 Сэк нормөм ёртьяс
 Гусьөн бөрддзисны... А Райда
 Эз дзеб бөрдөмсө, эз яндысь —
 Алөй чужөмбакас сылөн
 Синва войтьяс, быттё лысва,
 Югъялісны...
 Со пин асыв
 Вежесө югыд гөжеся лунөп,
 Эжва вывті дзибрөс пыжөн
 Водзө катөны бур ёртьяс,
 Накөд — Оксор-сарлөп пылыс...
 Яур ёртьясыслы бара
 Тадзи тшөктө-шуө бурысь:
 «Вай жө видзөдлөй, шань вокьяс...
 Чошкөдлөй и нельяснытө —
 Кутшөм кок шы вөрсые кылө?

Кодкõ мян бõрся вõтчõ
 Да и оз на õтнас, гашкõ!..
 Лёксъыс видзчысьõмыс, ёртъяс,
 Оз на съõктõд — быдтор овлõ
 Вõльнõй светас: талун гажа,
 Аски, видзõдан да, зэрõ...»
 Яурлы Вõрмортным бара
 Воча кывсõ шуис-сетис:
 «Самоедõс, князь, ме аддза,
 Коді, чайтсьõ меным, Яур,
 Биармиясянь нин тõвзьõ
 Миян бõрся кõръяс вылын...
 Кылад асьныд — мыйкõ горзõ,
 Татчõдз юргõ сылõн гõлõс».

Со мый горзис нõрыс йывсянь
 Биармияысь нарошнõй:
 «Яур-князьõй, вына Ош-пи,
 Оксор-сарлõн вежа нылõй
 И Вõрморт тшõтш, сьылысь-ворсысь,—
 Сувтлõй, кывзõй менõ! Муртса
 Суи тиянõс...

Шань юõр:
 Оксор-сар, Рамдайлõн пиыс,
 Ыстис ме съõрысь, мый сийõ
 Весиг войт мында оз лõгав!
 Тшõктõ вõчны тэныд, Яур,
 Райдаыскõд ыджыд кõлысь —
 Джеджим пармаõ сэк ачыс
 Сийõ гажõдчыны волас!
 Биармиясьыс збой йõзыс
 Оз жõ скõравны, кõть, ёртъяс,
 Сидзи бõбийõдлинныд пайõс;
 Ыджыд башня вылын капьяс
 Важ моз ветлысь-мупысь йõзлы
 Онi кургõны... И понъяс
 Важ моз дзоньвидзаõсь... Цербер
 Садьмис, сюся видзõ Кардор.
 Рымда пõль зэв ыджыд изийысь
 Бара мортõ пõри... Ловъя
 Биармия видзысь-дорйысь!»
 Тадзи нõрыс йывсянь горзис
 Самоед — да эз мõй õдйõ
 Биармиялань бõр бергõд
 Визуф кõрьяссõ, мед нуны

Оксор-сарлы гажа юөр
Сы йылысь, мый пылыс ловъя —
Катё дзибрёс пыжён водзлань,
Джеджим пармалань, збой князькөд.
Но, а Райда бара нормис,
Батьсё казьтыліс да... Лёня
Пыжас сійё шогсис-бёрдіс...
Яур-князьным сэки паніс
Нылёс бурёдана сёрни:
«Вай эн бёрд, сар нылёй! Кывлін —
Джеджим пармаөдз өд локтас
Миян көлысь вылө батыд
Сины бур...
И сэтпём шапя
Кутам өтлаын ми овны!»
Ловнас бөр кыпаліс Райда,
Чышкис синвасё...
Ю весьтё
Воис Енмён ыстём асыв.
Водзлань писькөдчисны мудзтөг
Помтём-дортём вөръяс пытпті
Джеджим пармаса геройяс —
Налён мынку сайё коли
Изъя пыдөса, сөдз ваа
Емва ю и вильыш Сыктыв;
Висер ю и впзув Лөкчим;
Но эз джөмдывны геройяс
Юяс вомын — водзлань, водзлань
Катісны — и өти асыв
Налы петкөдчисны ылын
Джеджим пармалён лөз мылькъяс.
Медводз — му бердөдзыс кошыр
Куим ёртсянь чужан мулы!
Налён сёлөмтясып өзйис
Долыдлун — өд чужаніныс
Мам моз виччысьөма найёс,
Абу вунөдөма!
Яур
Чужан керка ассьыс аддзис
Эжва весьтысь, пöрыс йылысь...
Кыськө нем виччысьтөг кымөр
Локтіс, вевттис енвевт лөзсө,
Гымыштіс.
Но абу кымөр,

Вёлём, качёма му весьтас —
 Паськыд бордъяссö Рык лэбач
 Шевкнитіс му весьтас... Вывсянь
 Сылөн грымакыліс гөлөс:
 «Яур-князьöй! Бөр со воин
 Менам тшöктөм серти!
 Вайин
 Тшöтш и Райда нылөс гортад —
 Ов да олөмыслы радлы,
 Мыйта выныд тырмас, вöч тэ
 Аслад чужан мулы бурсö!
 Райдаöй! Тэ лөньюд ловтö —
 Со мый водзö вылө шуа:
 Регыд пи тэ чужтан-ваян;
 Сійö быдмас-ёнмас, сэсся
 Локтас Из вылө и аддзас
 Ёсь да зумыш чугра йылысь
 Менсьым, Рыклысь, ыджыд колькъяс —
 Енэжувса вöльной светсьыс
 Медся шензьöдана дивö».
 Тайö сёрни бöрын сэсся
 Воссис сөстөм гожея енэж;
 Шонді зарни чужөмбаннас
 Бара енвевт шöрас öзйис —
 Шлывгис-лэбис вежа лэбач
 Вöра чуграяслань, Излань...
 Сувтіс куим ёртлөн пыжныс
 Вöрса ичöтик ю вомö;
 Дзибрөс пыжсянь берег вылө
 Воськовтісны: сар ныв Райда,
 Лыадорса вына Ош-пи
 Рыжöй тошка Яур-князькөд,
 И Вöрморт тшöтш, сьылысь-ворсысь;
 Джеджим пармаса став олысь
 Аддзис-төдіс рыжöй князьöс;
 Шыөн-гажөн Эжва дорö
 Уськөдчисны: мужик войтыр,
 Баба чукөр, том йöз, челядь.
 Еджыд Райдалы, сар нывлы
 Шоньд му бердöдзыс найö
 Копыр вöчисны ю дорас!
 А сар нылыд оз жö чöv ов.
 «Аттö» сьөлөмсяньыс шуис
 Пыдди пуктөмсьыс бур йöзлы...

Сэссия Яур-князь да Райда
Князьлөн чужан керка дорё
Матыстчисны, кильчө вылас
Кайисны, а кильчө вывсынь
Пырисны и керка пытшкас.
А Вөрморт, бур сылысь-ворсысь,
Муніс гортланьыс жё отнас —
Пожём керйысь тшупём позйё,
Сигудөксё көрт тув йылё
Сійё бшөдіс, мед шойччас
Сылён медся муса ёртыс...
Аслас кузнечаё муніс
Лыадорса вына Ош-пи;
Парма пытшкын, съөд вөр шёрын
Сылён дорччаніныс...
Бара
Ош-пи босьтчис пёся дорны
Мечьяс, шыяс Яур-князьлы...
Тадзи воисны геройяс
Джеджим гортаныс... Зэв бура
Найё овмөдчисны...
Райда
Частё петавлывліс отнас
Помтём пармаё да чёла
Сэні мөвпавлывліс: кызди
Водзё олём кутас мунны?
Пи йывсысь, код коркё чужас;
Казьтывліс и кольём важсё...

XIV

Ловзьёй! Ловзьёй, вөр-ва вынъяс,
Ыджыд вынъяс: юяс-шоръяс;
Райсянь кусөднысё лэччөй
Менсьым биён сотчысь лолөс!
Енвевтывывса ыджыд Енъяс,
Ме, йөзінын-туйын ветлысь,
Кевма — ме ордё ті волөй —
Ме дзик отнам. Югыд мөвпъяс
Нуөй-төлөдөй ті менсьым —
Йөзлөн съөлөмъяскөд йитөй!
Кызди овны? Мый мем вөчны?
Мирлысь гусягоръяс восьтысь,

Ачым гөгөрвотом йозлы...
 Весшөрө ме сьолөм дойон
 Вольной светса войтыр дорө
 Вөзйыся! Дзик некод менсьым
 Оз кыв вөзйысьомөс... Кувны
 Эськө важон меным колө!
 ...Но од вылын-ылын Елмыс
 Эм на Енвевт эрдас — сийон
 Эг на кув ме онөдз: Енмыс
 Мекөд сөрпитлывлө шая,
 Водзө овны менө, бать моз,
 Сийө ышөдө.
 Ов лолын,
 Менам сьолөм пытшкын, Енмөй,—
 Сэки усыпаньвыв ме пукся,
 Лоа дзоньвидзаон нэм чөж,
 Кута мудзтөг сьывны-ворсны
 Тэнө нимөдан бур сьылан!
 ...Кывзис менө, локтис Енмыд —
 Сэки сигудөкөс босьти,
 Сылысь вөрзөди струнаяс —
 Бара важыс ловзис меын...
 Гректөг ола-выла отнам,
 Аслым сыла-ворса нора;
 Сыла пуясыслы вөрсьыс —
 Найө, медшань ёртъяс менам,
 Гажөдоны отка лолөс...
 Вөрса Енъяс! Локтөй, локтөй,
 Мөвпъяслөн веж койташ вылө —
 Ставным казтыламө сәни
 Ылө кольөм-мунөм томлун;
 Юа-мылькъя нарма вөрлысь
 Казтыштам тшөтш челядьдырө...

XV

Сигудөклөн шыяс улө
 Сьылам тиянлы сы йылысь,
 Кыдзи Оксой-Яур князьным
 Гажа көлысь вылө корис
 Гөстьясөс Печора вылысь,
 Лөз Двина вылысь тшөтш корис,
 Сөстөм ваа Емва вылысь;

Висер вожсаясѳс эз жѳ
 Вунѳд корны... И Сибириысь,
 Из-Урал сайысь бур йѳзѳс
 Корис Оксой мян Яур;
 Къдзи муніс гажа кѳлысь,
 Коді кутпѳм козин вайліс
 Гѳстыяс пиысь, коді къдзи
 Ошкис Оксор-сарлысь нывсѳ —
 Оз позь вунѳдны;
 Мед нѳмъяс
 Юргѳ сьыланкыв сы йылысь!
 Перыд йѳзѳс, пискѳс йѳзѳс
 Ыстѳ Оксор дінѳ Яур
 Ылі Кардорѳ, мед локтѳ
 Ыджыд кѳлысь вылѳ Оксор,
 Да и Рымда пѳль мед волѳ!
 Тюренъшей — тун, нимкыв тѳдысь,
 Аддзѳдлыны Оксор-сарѳс
 Паськыд Емва вывсянъ муніс
 Биармияѳ... Вередня
 Тѳвзис двор Печора йылѳ
 Пельк да кокни лызьяс вылын,
 Сямдейѳс мед корны-вайны,
 Югра видзысьѳс... Вѳрмортным
 Корис Берендели-князьѳс;
 Луза вылысь корис Яур
 Вѳвъяс видзысь Кочимортѳс;
 Ертъяс Яурлѳн, яранъяс,
 Бариткулаѳс Сибириысь
 Корисны...
 А Ягморт ловлы
 Пармадорса кевманінѳ
 Вайис дона козин Оксой —
 Аслас кѳлысь вылѳ ѳна
 Корис Енъясѳс князь Яур.

XVI

Нимѳдѳй да ошкѳй ставѳн
 Правда дорйысь Епмар-Енмѳс —
 Сійѳ лѳсьѳдліс дзик ставсѳ:
 Мусѳ, Енвевтсѳ да-й сетіс
 Му выв тваръясыслы Олѳм...

Кывзад Комимортс? Водзё
Сійё Райда йылысь сылан
Сылас тїянлы да ворсас...
Эз кё кёйы Енмар-Енмыс,
Медым юргис тайё висьтыс —
Эз вёв эськё Комиморт сэк!
Комимортлысь сыланкывъяс
Кыис-гөрөдавліс ставсё
Енмар-Ен...
Медтёлка йёзысь
Сійё вежөрадзык ёна!
Ыджыд милөстьнас кузь олём,
Дзоньвидзалун, эбёс-вынйөр
Енмар сетё сылы, коді
Радейтё шань Енмар-Енмёс,
Олігчөжыс сылы эскё.

XVII

Югыд хрусталь кодь жё йиён,
Гөн кодь кокни небыд лымийён
Эрдъяс, нёрысьяс да юяс
Тункысисны — вөр-ва узис...
Көдзыдысла бапйём шонді
Югзьөдлывліс кыммём юяс,
Нёрысьяс тшөтш эжліс гөрдөн...
Вөтъяс видзөдісны козъяс;
Вөтын коллялісны кадсё
Ныв пу, пожём пу да ловну,
Тусяпу да нищпу — ставён!
Еджыд маличаяс налы
Төлыс козыналёма — майбыр,
Шоньд сөвик пытшкын сөмын
Майшасьтөг кузь төвбыд вуграв!
Мыйла эськё чөскыд вөтъяс
Пышйылёны асывводзын,
А оз нюжавлыны рытөдз?
Мыйла эськё дзоньнас мирыс,
Югыд светыс, вөльной светыс
Абу татнём төвся мойдкыв?..
...Коркё-й лунвывсяныс шонді
Лөктіс войвылө выль жарөн,
Мышъяс вывсьяс садьмём юяс

Йисö пасьнитисны — со тай
 Дрöбйöм торпыригыс налөн
 Войвыв саридзланьö кывтö...
 Тури-утка, дзодзöг-юсяс
 Чужан войвывланьыс öдйö
 Лэбöны яр шондi бöрся...
 Восьöм юяс вывтi гöстьяс
 Локталiсны Яур-князьлөн
 Райда нывкöд кöлысь вылö.
 Медводз томъяс дiнö воис
 Паськыд тундра нюръяс вомөн
 Визув кöръяс вылын Оксор.
 (Вылас тулан куяс паяс,
 Озыр зэв Рамдайлөн пиыс!)
 Сыкöд ыджыд караванөн
 Воöмаöсь тшöтш и войтыр
 Биармиясьыс... Кöр куысь
 Пими кокъясаныс налөн;
 Пельясаныс — исергаяс;
 Дона чунькытшаöсь ставөн!
 Аддзис Райда пöрысь батьсö —
 Восьса енэж кодъ жö синъяс
 Сылөн кöтасисны пыр жö!
 Бытьö асыводзып лысва,
 Югыд дзирдөн синва войтыяс
 Сылөн дзирдалiсны...
 Оксор
 Яур-князьöс, бытьö писö,
 Кутлiс аддзисигас, кисö
 Пöся топöдлiс... И сэки
 Князьлөн керка дорö локтiс,
 Кутiс кытшлавыны сы гөгөр
 Йöраөн Ягмортлөн лолыс;
 Бытьö тундра нурса тури,
 Лэбач Каленик тшöтш воис,
 Князьлөн кильчö вылö пуксис.
 Пыжөн локтiс Беренделя
 Гажа кöлысь вылö — уна
 Гöстьöс вайис сiйö сьöрсьыс!
 Гыа скöр Печора бердсянь
 Сямдей кöръяс вылын локтiс;
 Тövзис-воис понъяс вылын
 Того-Лого — Яур-князьлөн
 Керка пытшкас пырис тшана;

Верзьёмөн и Кичиморт тшөтш
Ылі Луза дорсянь локтіс
Джеджим пармао, а сыкөд
И Лунморт веж Сыктыв дорсянь;
Бариткулабс Сибириьсь
Вайисны ён кока көрьяс;
Тюреньшей-тун, нимкыв төдысь,
Локтіс Емва вылысь... Уна
Воис ыджыд чина гөстьяс
Джеджим пармао, князь ордө —
Найос лыддьөдлыны ставсө
Он и вермы!
Пызан гөгөр
Гөстьяс пуксялісны тшапа
Пызан гөгөр князьлөн гортыи.
Еджыд Райда нывкөд орччөн
Отар бокас пуксьө Яур,
Мөдар бокас — пөрысь Оксор...
Юсь кодь Каленик, лым еджыд,
Пызан сайын насянь матын;
Яур-князьсянь веськыдвылө
Тури-Ягморт төрис-пуксис;
А Вөрморт да вына Оп-пи,
Вежавидзөмпырысь, чөла
Кыкөн Яур-князьсянь ылын
Пуксисны... А пызан вылас
Сөмын абуыс и абу:
Гөрд и еджыд мича чери,
Пемөс-пөтка яй и вотөс —
Чегө пызаныс — и гөстьяс
Сөйисны да кылөдісны
Чөскыд сөянсө ён сурөн.
Сэки Яур-князь Вөрмортөс
Сывны чуйдөдіс, а мөдыс
Кинас сигудөк струная
Вөрзьөдіс — и сигудөкыс
Ловзис сэтшөм мыла горөн!
Нора зелькнитісны воча
Лөз слюдаысь өшиньясыс
Князьлөн керкаын — и гөстьяс
Ставөн шензисны: «Ми өнөдз
Татшөм шыяссө эг кывлөй!»
А Вөрморт сэк сывны босьтчис
Шудаморт йылысь важ сылан:

«Коркө саридз дорө локтис
 Шудаморт пельк лызьяс вылын;
 Югьд йиысь керка пытпкын
 Саридз дорас жө и оліс
 Шонді-ныв... И Шудамортным
 Лбз слюдаысь бшиньяс пыр
 Ена нимкодясис нылбн,
 Сійбс корліс частб: «Петав,
 Петав керка пытпсыд, шонді —
 Вичча кильчб вылад тэнб!»
 Шонді-нывлбн керка весьтас
 Енвевт пасьта лыдтбм кодзув
 Тадзи кевмысльісны нывлы:
 «Петав гортсыд, мича нылбй,
 Тэтбг пемыд вбльнбй светыс!»
 Но эз кывзысь шонді-нылыд,
 Хрусталь керкасб эз энвот —
 Ббрддзисны сак енвевт эрдас
 Кодзувьясыс... Шудамортным
 Шогсьбмысла кутіс кувны
 Саридз йи вылас... Энь Он сак
 Локтис да тюленьлбн гбсбн
 Шудамортбс сійб вердіс,
 Мед эз кувсы мбдыс... Кбйн
 Кыскис-вайис Шудамортлы
 Еджьд чери тундра вылысь,
 Сьбд яраньяс ордысь... Ловзис
 Сэки Шудамортным бара,
 Кутіс виччысьны, кор петас
 Шонді-нылыд... Шудамортбс
 Отнасбс, мед оз кув тшыглы,
 Дикбй зверьяс эз жб кольны...
 Енвевтсяньыс Енмар-Енмыд

Аддзис зверьясыдлысь бурсö —
 Да и ас ордас Энь-Ошкös
 Дзоля нылыскöд и босьтис —
 Öнöдз войся енвевт съодас
 Шудамортös мездысь Ошкыс
 Сизим кодзув чутөн öзйö;
 Сизим кодзулөн жö öзйö
 Тшöтти и нылыс сыкöд орччөн;
 И руд Кöинös Ен босьтис —
 Енвевт эрдъяс вылын сййö
 Öнöдз райса олём олö...
 ...Петис сәсся шондi-нылыд
 Югыд йиысь вöчём жырйысь,
 Шудамортös сәтшөм пöся
 Окыштитис — и сәки збыльысь
 Лои Шудамортыд шуда!
 Юкö мянкöд, оз жалит
 Шудамортыд ассьыс шудсö,
 Шондi-нылөн сетём шудсö.
 Кокни гажөн, югыд гажөн,
 Ыли муысь локтём йöзйö,
 Гöстьяс, ловьяснытö öзтö!
 Тшöтти и куим ыджыд ёртлысь
 Öзтö сёлёмъяс да ловьяс!»
 Тадз Вöрмортным голькйис-сыйлис
 Князьлөн пир вылын, и гöстьяс
 Ставөн дивуйтчисны: «Некор
 Öнöдз сыланкыв эг кывлöй
 Тайö сылапкывсьыс мича».
 Öтсöгласөн пызан сайын
 Гöстьяс ошкисны Вöрмортös...
 Шызис керка пытшкыс князьлөн —
 Ыкна сёрни öзйис-пансис
 Гöстьяс костын...
 Медводз сәни
 Кутис висьтасьны сар Оксор:
 «Коркö волісны варягъяс
 Саридз сайсянь... Пыжъяс вылын
 Найö пыриспы Двинаö,
 Гуся кевманінъяс вöрсьыс
 Куштывлісны — эзысь, зарни
 Ләччөдлісны пыж тыръясөн...
 Биармияса збой йöзкöд
 Войнас кытшалі да вöтлі

Найӧс саридз саяс бӧр ме!
Сямдей висьтсӧ сӧсся паніс:
«Самоедгъясӧс ме коркӧ
Ӧдйӧ пӧкӧритлі-венлі —
Ок, и ён ме вӧлі, ёртгъяс!»
Сӧк Ягморт тшӧтш ышмис-тшанмис,
Ыкшасис: «Варяггъясӧс ме
Ена нӧйтлі аслам нӧмын!»
Беренделя серам сорӧн
Гора ошйысис, кызд сійӧ
Пыжӧн воывліс Сибирӧдз
Сьӧкыд туйсьыс ньӧти повтӧг...
Каленик сӧк керка пытшикас,
Быттӧ чардби, югыд гӧннас
Югнитіс — и гӧстгъяс ставӧн
Повзисны да лангъісны сӧк;
Сюсьлуннас Каленик-лӧбач
И Ягмортӧс пангъяс-венас,
Ог нин смертнӧй йывсьыс шуӧй!
Сӧки рыжӧй тошка Яур
Юрнас довкнитіс Вӧрмортлы —
Мӧдыс сигудӧк струная
Бара вӧрзӧдіс да сывны
Сӧсся горӧдіс: «Сар нывлысь
Сыланкывйӧн мичлун ошка:
Лӧз Двина бердса шань быдтас,—
Тувсов дзоридз, югыд дзоридз!
Вӧрын кисьмӧм оз да чӧдлач
Тадзи вашкӧдчӧны лӧня:
«Ми кӧть юмовӧсь, но Райда
Вӧрса вотӧсгъяссысь юмов!»
Гожся асывводзӧ лежнӧг
Со мый Райда йылысь шуис:
«Менам дзоридзгъяссысь гӧрдӧсь
Вом доргъяссыс Райда нывлӧн!»
Ю дор видзса турун пиысь
Еджыд юра катшасингъяс
Тільгун дзоридзгъяскӧд ӧтвыв
Висьтасисны: «Ми кӧ вермим
Мичлуннаным Райда нывкӧд
Ӧткодгъясны — сӧки эськӧ
Сӧтшӧм шудаӧсь ми вӧлім!»
Тшӧтш и кымӧргъяссыс коркӧ,
Гожся сӧстӧм сынӧд лӧзас

Еджыд морёснысö мыськиг,
 Дивуйтчисны: «Райда нывлөн
 Мичаджыкөсь морёсьясыс,
 Еджыдджыкөсь, зумыдджыкөсь
 Миян морёсьясысь!»
 Сөстөм
 Ключ тадз чугра бердын дзольгис:
 «Лёсьыд горöй менам — бытьö
 Хрусталь тронякылö-ворсö!
 Сöмын Райда нывлөн гөлөс
 Менам гөлөсысь на мыла...»
 Из-Уралысь дона изъяс
 Ставөн öти кывиö вöли
 Воöмаöсь: «Синва войтьяс
 Биармияысь сар нывлөн —
 Медся мича дона изъяс!»
 Лысва войтьяс веж кор вывсянь
 Висьталісны:
 «Бөрдіс Райда —
 Шонді дзирдъяс моз жö войтьяс
 Райда синъясысь зэв рама
 Исковтісны...
 Сылөн синъяс,
 Бытьö кодзувъяс сьод войын,
 Ворсөдчисны — жугыль бияс
 Вежліс радлун наын...
 Бөрддзас
 Оксор-сарлөн нылыс — сэки
 Турун-дзоридзяс и пуяс,
 Йöз и вөрса лютöй зверьяс,
 Сөстөм енвевтыс и муыс
 Бөрддзылөны вежа нывкөд...
 Сигудөклысь мыла горсö,
 Сьылысь-ворсысьлысь сямлун —
 Ставсö, лөз синъяса Райда,
 Тэныд вöзъям — тайö козин
 Примит!» Бөрддзас сэки Оксор.
 Нормисны и дона гөстьяс,
 Пидзөс выланыс дзик ставныс
 Сувталісны Райда водзö...
 Нывлөн алöй чужөмбанас
 Пöртмасисны синва войтьяс,
 Бытьö сөстөм асья лысва,
 Бытьö дона из-алмазъяс...

XVIII

Туган йыла пöрысь пожом
 Нöрыс вылын, пуяс пöвстын
 Юрнас довкйöдлыштис, сэсся
 Панис сёрни: «Муса чойяс,
 Козъяс, ловпуяс да кызъяс,
 Видзöдлöй вай, мый нин вöчсö
 Князьлөн югыд керка пытшкын?
 Сэтчö локтöмаöсь гöстьяс
 Ылöдз нималана войтыр:
 Пöрысь Оксор, сылөн гöтыр
 Биармияысь збой йöзкöд;
 Лэбач Каленик. А Тури,
 Тури лов, Ягмортлөн пöлыс —
 Пызан саяс быттьö ловъя
 Пукалö и кулём бöрас —
 Сьöкыд олёмсьыс да лёксъыс,
 Мыйта тöдлис нэмнас Тури,
 Лолыс кувтём сылөн лои...
 Юысь-гажöдчысьысь уна
 Князьлөн кöлысь вылын; гöстьяс —
 Керка пытшкас, öшинь улас —
 Сёрнитöны-ветлöдлöны,
 Гажмöмаöсь крепыд сурысь,
 Гортса чöскыд юмов сурысь;
 Öта-мöдыслы зэв тшапа
 Тöдöмлунъяснаныс найö
 Ошйысьöны вензигтырйи;
 Сэсся кутчысисны пöся
 Вермасьны — и медся ёнөн
 Тури-Лов, Ягмортлөн пöлыс,
 Лои гöстьяс пиын; ставсьыс
 Сюсьджык вежöраён сэни
 Каленик петкöдлис асьсö;
 Шензьöдö став воём йöзöс
 Сылёмнас Вöрморт — и юргö
 Сигудöклөн мыла горыс!
 Райда, Оксор-сарлөн быдтас,
 Мичлуннас да авъялуннас
 Чуймöдö жö кöлысь вылö
 Локтём йöзöс: шондібанысь
 Сылөн чужöмбаныс югыд!
 Мудзтöг гажöдчöны гöстьяс,

Помтөг муно гажа кӧлысь:
Лӧбӧ вежон бӧрся вежон».
Пӧрысь гожӧмыслысь сӧрни
Сійӧс кытшӧ босьтӧм пуяс
Кывзисны да нӧрыс йывсянъ
Сюся видзӧдлісны князьлӧн
Гажа кӧлысь вылӧ...

Нимкодъ

Райда авъялунысь налы!
Нимкодъ сигудӧклӧн звӧнысь —
Ловтӧ ӧзтысь звӧнысь...

Сӧрни

Пуясыслысь кылӧм бӧрын
Шызисны зверь-пӧтка вӧрын.
«Вӧрса вокъяс! — Ош тадз шуис, —
Косас колимӧ ми — эз тай
Князьлӧн гажа кӧлысь вылӧ
Корны миянӧс! Вай, сідзкӧ,
Асьным кӧлысь вылас мунам!»
Сӧсся скачӧн лыйис-муніс
Князьлӧн керка дорӧ Ошкыд;
Гозъя вылӧ тшӧтш и Кӧин
Пыдди пуктытӧмсьыс дӧзмис —
Налӧн кӧлысь вылӧ кортӧг
Муніс Ош бӧрсяюд сійӧ.
Кӧч да вӧрканы, руч да сьӧдбӧж,
Уръяс, туланъяс да пизьяс —
Ставныс мӧдӧдчисны вӧрсьыс
Яур-князьлӧн кӧлысь вылӧ!
Воисны да ыджыд кытшӧн
Кытшалісны сылысь керка;
Лӧчыд гыжъяснаныс лӧкысь
Гыжъялісны керка стенсӧ,
Скӧрсӧ песіг...
Уна варыш,
Кырнышъяс да катша-рака,
Сизьяс, сюзьяс сьӧд вӧр шӧрсьыс —
Быттьӧ гыма-чарда кымӧр —
Лӧбач кельӧб воис-ӧпйис
Яур-князьлӧн керка весьтӧ!
Шумсӧ-зыксӧ кылӧм бӧрын
Весьӧпӧрисны геройяс,
Кӧлысьвывса донна гӧстьяс —
Мечьяс кватитісны, шыяс!

Сэки рыжѡ тошка Яур
Бара довкнитіс Вѡрмортлы --
И Вѡрморт, бур сылысь-ворсысь,
Босьтіс сигудѡксѡ, петіс
Князьлѡн кильчѡ вылѡ, пуксис,
Кинас сигудѡк струная
Вѡрзьѡдіс — и мыла звѡнѡн
Найѡ шыасисны...

Здукѡн

Енмис сигудѡклѡн шыис —
Быттѡ кымѡръясын ловзис
Гым. И вѡрзис сэки керка
Яурлѡн, ■ гылалісны
Пызан вывсьис сура дозъяс...
Парма шѡрын, съѡд вѡр шѡры
Вѡрзисны ■ чугра-изъяс:
Посни торпыригѡдз найѡ
Пасьмувісны... Вѡрса зверьяс,
Лѡбачьяс ■ князьлѡн гѡстьяс —
Ставѡн ланьталісны эдукѡн,
Сѡмын сылысь-ворсысь ѡтнас
Сѡлѡмсяньис голькѡйс-сьыліс:
«Со, мый вѡлі, парма пиян,
Ылѡ исковтѡм нин важас:
Шондіморт, тун, нимкыв тѡдысь,
Ылі Лунвылѡ ѡд ветліс —
Сэні омлялісны тѡвьяс,
Ворсіс гьяснас лѡз саридз;
Кывтѡ вѡлі Шондімортыд
Саридз вывті дзібрѡс пыжѡн.
Повзис гьясысь да тѡлысь,
Повзис путкыльтчѡмысь — пыжсѡ
Витіс береглянь.

А сэні.

Берегвывса пѡрыс йылын, —
Дикѡй зверьяс омлялѡны!
Шѡйѡвошис Шондімортыд,
(Шуйгавылын — гья саридз;
Веськыдвылын — дикѡй зверьяс!).
Кутіс юрбитны... Сэж Енмар
Восьтіс-шевкнитіс лѡз вонсѡ
Енвевтлысь, и енвевт пытшсьис
Шондімортыд сэки аддзис
Енмар-Еялысь оланінсѡ:

Мича керкасõ и садъяс,
 Садъяс пытшті кывтысь юяс —
 Шондіморт ок ёна шензис,
 Енлысь озырлун кор аддзис!
 Но, а Енмар со мый шуис
 Шондімортлы: «Челядь дорад,
 Гõтыр дорад, Шондімортõй,
 Ылі войвывлõ бõр мун тэ,
 Талунсянь и водзõ вылõ
 Пукав гортад; олõм йылысь,
 Кулõм йылысь унджык мõвпав!»
 Кывзис Енмõс Шондімортыд,
 Мунис гортас бõр, да сәні
 Частõ мõвпавлывліс õтнас
 Олõм йылысь, кулõм йылысь...»
 Тадз Вõрмортным сылыс-ворсіс —
 Сылõн сылан улõ ставõн
 Раммисны —
 И вõрса зверьяс,
 Пармаас бõр ләбач-пõтка
 Мõдõдчисны: эм и налõн
 Вõрас гõтыръяс да челядь!
 Воис помыс ыджыд гажлы:
 Райдакõд да Яур-князькõд
 Янсõдчисны дона гõстьяс,
 Разõдчисны коді кытчõ.
 Ләбач Каленик, тшап юсь кодъ,
 Том гозъялы сьõлõмсяньыс
 Вурсиис, а сәсся õдйõ
 Чужан Войвывланьыс ләбис;
 Мõдõдчис Печора вылõ
 Сямдей, да и мукõд гõстьяс
 Гортас муналісны... Оксор
 Дыр на бõрдіс сән — Вõрмортлõн
 Сыланкывйыс сылысь ловсõ
 Вõрзõдõма...
 Янсõдчигас
 Шуис том гозъялы Оксор:
 «Зәв дыр олõй, муса челядь,
 Тыр-бур шудаа... А Енмыс
 Регыд тїянлы — мем әскõй! —
 Сетас гаж выланьыд питор!
 Майшõдлас кõть дзоля каднас

Пиныд —
 Быдмас, шудсö ваяс
 Тiянлы, шань гозъя, — тöдöй!
 Нималас зэв ылöдз сiйö,
 Тiян пиныд, Югыдмортпыд!»
 Янсöдчис да сэсся гортас,
 Биармияö, сар Оксор
 Перыд кöръяс вылын мунис.
 Колины том гозъя кыкөн,
 Ньюмялöны дольдпырысь:
 Муслун, шуд и слава — ставыс
 Колис кыклы налы...
 ...Гортас
 И Вöрморт тшöтш довгис-мунис;
 Кöрт тув йылö сигудöксö
 Гортас öшöдис — öд коркö
 Сiйö ковмылас на бара...
 Ачыс сьылысь-ворсысь, кодi
 Эдукөн ылöдлыны вермис
 Мыла сьылöмнас кöть кодöс,
 Лöня öшинь дорас пуксис,
 Водзö олöм йылысь мöвпөн
 Сэсянь ывла вылас дзоргис:
 Тöдис водзвыв, мый нип лöб
 Йöзлөн олöмын; мый вежсяс
 Шытöг локтысь матыс кадö...
 Лыадорса вына Ош-пи
 Бара кузнечаас дорччö.
 Уклад-кöртысь дорö-вöчö
 Йöзлы коланасö ставсö!
 Ыджыд мөлöтөн оз музлы
 Лун-вой клёнгыны: веж парма
 Воча йёлöганас клёнгö!..

XIX

Райдалён да Яур-князьлөн
 Пилы, Югыдмортлы, сьылö
 Потан дорас Зарнигöтыр:
 «Эн бöрд, менам зарни кага,
 Дзибрöс потанад эн бергав;
 Кöрлөн сюрсысь вöчöм нённысь
 Нёнйав чöскыд кöра йöвсö

Шань Лозанканымлысь, кодї
 Йирсьо паськыд видзьяс вылын,
 Кузь да небыд турун пытшкын.
 И эн бõрд вай — тәнõ некод
 Дзибрõс потанад оз курччав —
 Абу номйõсь керка пытшным!
 Узь вай, узь, сар нывлõн быдтас, —
 Коркõ сарнас лоан ачыд!
 Мый нõ кияснад сїдз õвтчан,
 Немтор гõгõрвотõг горзан?»
 «Ки-ти-ля-ля-па-па-та-та» —
 Баблы вочавидзõ кага.
 «Тырмас дурныд! — Зарнигõтыр
 Олõдõ тадз Югыдмортõс —
 Татшõм дзолядырсянь визув
 Да и варов сэтшõм, зонмõй,
 Тадзтõ больгысьõн и быдман!
 Бурджык, кывзы да эн торкав
 Менõ, бабсõ, пõрысь мортõс,
 Ло вай кывзысьысьõн, кага...
 Коркõ зев нин важõн Тõлысь
 Матын лэбалїс Му весьтас...
 Югыд Тõлысьсõ скõр челядь
 Изйõн лыйлїсны да нийтõн...
 Дõзмис сәки Югыд Тõлысь
 Да и качис вылõ-вылõ...
 Югыдмортõй, сїдз эн вõч тә —
 Тõлысьсõ эн лыйлы изйõн!
 Югыд тõлысьсõ мõй позьõ
 Дойдавы? А лоан бурõн,
 Еджыд кõч моз локтас Тõлысь,
 Миян кильчõ помõ пуксяс,
 Сõстõм, югыд, — быттõ эзысь;
 Еджыд кудрияссõ лõня,
 Менам донаõй, тә вõлись
 Малыштан сәк Тõлысь юрысь —
 Сийõ бур йõз ордад частõ
 Волõ гõститны — ме тõда...
 Сюся кывзы, Югыдмортõй,
 Менсьым сыланкывйõс водзõ:
 Кык сыв енвевтõдзыс мусянь
 Коркõ вõлї — инмõдчывлїс
 Керка вевтъясõ лõз енвевт...
 Шуда вõлї сийõ кадыс!

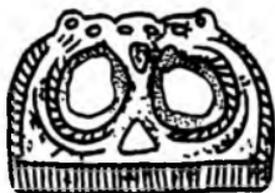
Важон кольом шуда кадõ
 Овлис нывбаба...
 Дерт, сийõ
 Эз вõв прõсуж: ассыс паськõм
 Да и челядыслысь кõлуй
 Вõли песлалõма, сæssя
 Енвевт дорышьясõ васõ
 Ошõдлõма, медым косьмас...
 Енвевт лõгасьõма сæки
 Тõлктõм баба вылõ — здукõн
 Сийõ ылыстчõма мусянь —
 Кинад он нин сæssя судзõд
 Джуджыд гõра йывсянь весиг.
 Югымортõй! Паськõм-ветьõк
 Некор косьтыны эн õшлы
 Енвевт дорышас! Он кывзысь —
 Тэнõ ньõръяла ме, бабыс...»
 «Ау-уа, кя-тя, тя-ля,
 Ки-ти, ля-ля, па-па, та-та!» —
 Потан пытпянь сылы повтõг
 Вочавидзõ Югымортыд...
 «Энлы воча кывнад, эллы;
 Пõрысь йõзõс пыдди пукты,
 Ичõtдырсяньыд эн збояв!» —
 Тадзи кывзысьтõмысь видõ
 Югымортõс Зарнигõтыр,
 Сæssя вежõрсьõдõ водзõ:
 «Ош кõ миян ордõ локтас
 Рытйысьны — эн повзьõд сийõс!
 Бурджык, няньõн аслад кийсь
 Вердышт, кызди муса ёртõс;
 Сетышт ворйõ рысь, да-й Ошкыд
 Сур на радейтõ — эн жалит
 Сёян-юан вõрса гõстылы!
 Буртõ тәнсьыд Ош оз вунõд —
 Адзысяд кõ сьõд вõр шõрын,
 Тõдас тэнõ, князьлысь пиõс,
 Асьтõ оз жõ дойд, оз повзьõд...
 Кагаõй, эз вунõд некор:
 Мыйта бурсõ нэмад вõчан —
 Аслыд сы мында жõ бурыс
 Паныдасяс олõм туяд...
 Кывзы водзõ висьтõс-мойдõс,
 Пиук, пõрысьыслысь менсьым:

Локтас Кёин миян ордё,
 Тэ эн лыйлы сійёс ньёвйён;
 Вердышт Кёипсё тэ яйён,
 Меліён ло вёрса гёстькёд:
 Тун да нимкыв тёдысь Кёин
 Коркё отсалас жё аслыд —
 Паськёдас став парма пасьта,
 Кутшём шань тэ, зарни кага,
 Югымортёй, мусё кутысь...
 Менсьым висьталёмёс-мойдёс
 Гёгёрвоин, дона пийё?
 Босьтін сійёс сьёлём бердад?
 Олём туяд аслад пэмын
 Аддзывлан тэ уна бушков;
 Видз вай вир-яйыдлысь пельклун,
 Да и олан вынсё ловсьыд!
 ...Со и синлысьясыс воча
 Топалісны дона пилён,
 Югид кодзувьяс кодь синьяс
 Пёдласисны... Узь жё, узь жё,
 Зарни пийё, сьёлёмшёрёй».
 «Шаушака-тили-чпи,
 Шогсям, коз пуяс, ми вёрас —
 Гажёд миянёс, шань пёчё,
 Дона пёчё, Зарнигётыр:
 Писё Райдалысь тэ босьтлы
 Потансьые да ёшинь пырыд
 Петкёдлы», — и ёшпньяслань
 Козьяс пужёдчисны...
 Райда
 Воліс потан дорас, корис
 Зарнигётырлысь: «Ёд во чёж
 Югымортным узьё миян;
 Вай жё небыдика юрсё
 Сылысь малышта ме — сійё
 Оз и кывлы, оз и садьмы,
 Но, а сьёлём мепам бурмас...»
 Со кыз Зарнигётыр сэки
 Сылы вочавидзис: «Некыз
 Оз позь вёчны тайёс: узьё
 Миян кага чёскыд унмён;
 Югид вётьяс аддзё: лолыс
 Сылён шывгё-лэбё вылын —
 Сёстём енвевтыслён лёзын...

Вөрзёднысö Югыдмортöс
Весиг мамыслы ог сет ме!»
Югыдмортлөн чужом вылö
Видзöдлiс Оксорлөн нылыс,
Сэссия сьод вөр шөрö мунiс;
Сыкөд мунiс Гарья-Яг-Ныл...
Гарья-Яг-Нылкөд ю боктi
Зэв дыр мунiс князьлөн гöтыр;
Лунтыр сьөлөмсяньыс найö
Вөрнас любуйтчисны, юнас...
Коркö-й сэссия налы паныд
Мöсьяс локтiсны — рытгорув
Сиктлань восьлалiсны мöсьяс;
Ыргөн жыннянъяслөн шыяс
Ылөдз кылисны...

А Райда

Гарья-Яг-Нылкөд пыр водзö
Восьлалiсны парма пыштi —
Наберушкааныс öдйö
Налөн чöжсис вöрса вотöс... —
Сэтшöм гажа гожея вöрыс —
Морöс тырнад сöмын лолав!
Чу! Друг тöдтöм кывъя сёрни
Кылис Райданым да повзис:
«Гарья, — шуис сiйö, — кодъяс
Пуяс саяс тöдтöм йöзыс?»
«Райда, сьөлөмшөрöй, гортö
Öдйö котортам вай — тайö
Вöрса шышъяс... Яур-князьлы
Колö юөртны, мый тавой
Уськөдчасны миян вылö!»
Эз мöй öдйö кык пöдруга
Гортас уськөдчыны! Нöйтчö
Налөн сьөлөмъясын, юрын
Öти мөвп — мед воны гортас
Князь дiнö кызд позьö öдйö!
Со и керка Яур-кпязьлөн...
Гортас Яур!
Сылы Райда
Висьталö: «Тэ, муса Яур,
Кывзы: воөдчöпы татчö
Вöрса юөд пыжъяс вылын
Шышъяс!» Рыжöй тонка Яур,
Лыадорса вына Ош-пи,

И Вөрморт тшөтш, сьылысь-ворсысь,
Пыжõ пуксьõны да увлань
Мõдõдчõны Эжва вывтї
Паныд шышгьяслы... Мыльк сайысь,
Эжва лыа берег вылысь,
Регыд рыжõй тошка Юр
Аддзяс шышгьясõс...
Зэв тшапа
Атаманыс сёрни кутіс
Шышгьяс водзын: «Юр-князьõс
Босьтам пленõ, сылысь гõтыр
Нуам аскõд, озырлунсõ —
Югыд зарни, сõстõм эзысь —
Сõвтам пыжгьясаным ставсõ!
Князьлõн керка вылõ тавой
Уськõдчамõ; узигкостныс
Князьõс дорйысьясõс. друггьяс,
Кõртавлам!»
Вөрморт, бур сьылысь,
Тайõ здукõ сугудõксõ
Босьтис, кутіс ворсны-сьывны:
«Лэбõй, локтõй, йõз и Елгьяс,
Вõрса лэбач-пõtка, зверьяс;
Ылі саридз сайсянь татчõ,
Лэбач Каленикõй, тэрмасы!
Паськыд тундра вывсянь волы,
Тури-Ягморт, ыджыд Енмõй —
Увгья нома сьõкыд бедьнад
Вõрса шышгьясõс тэ повзбõд,
Пуксьõд уснанывыв, а сõсся
Эжва юõ найõс шыблав!
Куль, вай му пытисьыд тэ петав,
Воõм вөрõггьясõс сывгяд
Лэччõд му пытшкõ, мед сәні
Пемыдїнас, кõдзыдїнас,
Шондї югыдтõгыс налõн
Ловныс петõ...

Ема-баба

Олө шуштөмипын вöрас —
Лёнъ сэн, пемыд... Сöмын сюзьяс
Войнас буксылöны... Мортлы
Сэни юрси сувтмөн гажтём!
Волю татчö, Ема-баба,
Сэсся вөрөгьясöс кыскы
Сьöрсьыд парма шöрас — сэни
Палён сьöлөмъясö полём,
Быттьö кырныш, гыжсö сатшкас:
Повзьём-весьöпöрём шышъяс
Ланьтасны сэк нэмъяс кежлö!»
Тадз Вөрморт сэн сьылис-ворсис
Рытын — тайö сьыланкывйысь
Шышъяс унмовсисны ставөн...
Рыжкөй тошка Яур, сыкөд
Вына Ош-пш Лыадорса,
И Вөрморт тшöтиц, — берег вылө
Петисны да видзчысьöмөн
Пыжъясаныс нуалисны
Узьясь шышъясöс, а сэсся
Йöткыштисны визув ньылыд —
Бергалигтыр кокни пыжъяс
Öдйö кылалисны увлань.
Дыр-ö кылалисны, регыд —
Садьмис пыжас атаманныс
Вöрса шышъяслөн, да öтнас
Мöдöдчис бөр Эква катыд...
Катис, катис — коркө-й аддзис
Берег вывесьяс Яур-князьöс
Пожём нуяс пöвстысь...

Яур

Сур жар бишур вылын, пöртйын
Пуис праздник кежлö... Сэки
Пыжас сувтис атаманыд,
Горöдис: «Вай öвсьы-дугды,
Сурöй, бишур вылын нуны!»
Атаманлы Яур воча
Пыр жö горöдис: «Сувт, пыжкөй,
Джёмды ю шöрас да ов сэн!»
Öта-мöд выланыс лөгысь
Атаман да повтём Яур
Видзöдлисны — нуны дугдис
Сурыс парма кутысь князьлөн;

Атаманлөн пыжыс суртис...
«Князьёй, лэдз вай менсьым пыжос», —
Яур-князьлысь кевмис-корис
Атаман, а Яур сылы
Шуис: «Кутас пуны сурёй —
Сэки пыжыд тэнад вөрзяс!»
...Сур оз пу, и Эжва шөрысь
Атаманлөн пыж оз вөрзы...
Эскөдö сэк Яур-князьöс
Атаман: «Дзик некор сэсса
Шышъяс оз нин татчö локны!»
Вöлись лэдзис атаманлысь
Пыжсö рыжöй тошка Яур;
Эжва ньылыд — увлань, увлань --
Атаман бөр кывтис öдйö;
Сурыд бипур вылын князьлөн
Ловзис, бара кутис пуны...

XX

Ёма-баба оліс-выліс
Төждлун төдтөг сьод вөр шөрын —
Төдтөм ордым дорын сылөн,
Нюр дорын, лөк увтасінын
Синмад шыбитчытөм керка...
Гортас пукаліс дзор юра
Гөрба, пиньтөм Ёма-баба,
Пидзөс улысөдзыс кияс
Сылөн öшалöны... Кузьöсь
Сылөн тшөтш и вомас пиньяс;
Дінас мойдігтырйи гартчö
Сьод кань — са кодь...
Ёма-баба
Каньлысь юалö: «Вай, висьтав,
Мый нин миян вöрын вöчсьö?»
Каньыд вывлань бөжсö лэптö,
Сэсса вочавидзö: «Немтор
Абу чуймөдана выльыс
Миян вöрын... Сöмын чужтис
Райда, Яур-князьлөн гөтыр,
Во сайын зэв мича зонмös,
Югьдмортös. Сылөн мичысь
Дзоньнас парма миян югзьö...»

Ёма каньлы сэки шуо:
 «Тода та йылысь ме важон...
 Тэ вай бурджык сійёс висьтав:
 Кызди эськө гуны поэяс
 Меным Югидмортөс гортсыс?
 Зэв нин важон сійё меным
 Югид шонді дорысь муса —
 Аслам олөм дорысь муса!
 Йирё-сэйё менё — кылан? —
 Еджыд Райда дорё вежгөм!
 Отсав пышйөднысё, ёртөй,
 Югидмортөс пемыд войё!»
 Бөрдис-норасис тадз Ёма
 Отка ёртыслы — съод каньлы.
 «Пышйөднысё Югидмортөс
 Абу съөкыд пемыд войё —
 Буретш праздник Яур-князьлөн,
 Ставныс кодөсь сәни;
 Райда
 Узьё, тшөтш и Зарнигөтыр
 Узьё потан дорас... Ёма,
 Съөрсьыд унмовсьөдан зелльё
 Босьтан, Зарнигөтыр дорё
 Матыстан, и Зарнигөтыр
 Унзильвывьсыс пырнас кыскас —
 Пөшта крепыджыка сәсся
 Унмовсяс... Сэк Югидмортөс
 Съод вөр шөрө нуан, гортад!» —
 Тадзи велөдис Смарагда
 Ёма-бабөс...
 Парма сайё
 Шонді. синва войт моз, уси —
 Пемдис ывла вылын... Ёма
 Гусьон пырис Яур ордө,
 Мыччис унмовсьөдан зелльё
 Зарнигөтырылды — сійё
 Унмас чорыджыка вөйи...
 Ёма-баба видзчысьөмөн
 Потан пытшсыс Югидмортөс
 Босьтис ордас, да и пышйис
 Парма пытшкө, съод вөр шөрө...
 Кутшөм ойзөм-горзөм кылө
 Джеджим пармаын? Мый лои?
 Гашкө, нөрыс сайсянь көкинь

Нора көкө? Тайё Райда,
 Кольёр ичмонь, бөрдө садьтөм:
 «Муса верөсөй, тэ аддзан —
 Воши Югыдмортным миян!..
 Тайё ыджыд шогсьыс ачым
 Кула-быра регыд...»
 Яур
 Петіс кильчө помас, тшөктіс:
 «Эй ті, горт олысьяс! Өдйө
 Корой ме дінө Вөрмортөс!
 Сійө сюсь! Дзик ставсө төдө!»
 Локтіс котөрөн Вөрмортыд
 Яур керка дорө — аддзө:
 Ыджыд неминуча лои
 Князьлөн керкаын... И кайө
 Князьлөн кильчө вылө сійө,
 Босьтө сигудөксө, бара
 Сылысь вөрзбөдө струнаяс —
 Югыд шонділаньыс, вывлань
 Сигудөклөн мыла шыяс
 Лэбөны... И весиг төлысь
 Енэж гыркысь кадысь водзджык
 Тайё рытө чужис-петіс...
 Пожөмъяс да козьяс вөрын
 Лайкмуңлісны... Мыла горысь
 Шызис пармаын зверь-пөтка...
 «Кывзөй менө, пожөм-козьяс,—
 Сывны горөдіс Вөрмортыд,—
 Вөрса нөрысьяс да юяс,
 Кывзы, парма: воши, воши
 Миян муса Югыдмортным.
 Кывзөй ставныд менсьым сьылөм,
 Пыдди пунктөй менсьым корөм:
 Зверьяс, мунөй ставөн корсьны
 Съөд вөр шөрысь Югыдмортөс;
 Лэбачьяс, ті енвевт бердсянь
 Сюся видзөдлөй му вылас —
 Гашкө, казяланьыд, кытчө
 Дона кага миян воши?
 Кевма вөр-ваыслы дзоньнас —
 Садьмөй, чуграяс и парма!»—
 Юргис парма весьтын гора
 Биа сыланкыв Вөрмортлөн.
 Садьмис Ош да төв ныр өдөн

Югымортос мунис корсьны,
 Кобин векни ордым кузя
 Уськөдчис тшөтш Ема бөрся...
 Вөрса олысьясыс ставон
 Мөдөдчисны пемыд вөрө
 Корсьны Югымортос!.. Локтис
 Тури-Ягморт тшөтш и адзис
 Ема-бабаос сук вөрсьыс;
 Лэбач Каленик, тшап юсь кодь,
 Ема-баба керка вылө
 Плавгысис да өжын нырнас
 Кутис тотшкөдчыны вевтас...
 Повзис Ема-баба, босьтис
 Кияс вылас Югымортос;
 Ывла вылө өшинь пырыс
 Сыкөд казавлытөг петис,
 Петис сы бөрся съод каньыс —
 Гуся ордым кузя найө
 Тшын-бус котөртöны вөрө.
 Корсьыс-вөтөдысьяс, зверьяс,
 Ема-бабалыс важ керка
 Кытшалисны, шумөн-зыкөн
 Вевтө косялисны... Ошкыд
 Жуглис өдзөссө, и ставон
 Уськөдчисны керка пытшкас —
 Сөмын тыртөм керка пытшкыс,
 Ема-бабаид оз тыдав...
 Бара туялöны водзө
 Ема-бабаос: Руд Кобин
 Паськыд нюрьяс вомөн кырссө,
 Ош крут нöрыс йылө кайө;
 Васөд увтасиньн көчьяс
 Ветлөдлöны-корсьысöны;
 Ручьяс — нöрыс бокын;
 Лэбө
 Лөнъ ю весьтөд Тури-Ягморт;
 Парма весьтөд — вежа лэбач
 Каленик...
 А Ема-баба
 Нöрыс йывсянь увтасинө
 Лэччылас, да увтасинсянь
 Бара нöрыс йылө кайө;
 Бөрсьыс арся вой кодь каньыс
 Вөтчö-котөртö, оз кольччы...

Джеджим парма шбрып кылö
 Шога бöрдöм — ойзö Райда
 Кильчö помас — оз тай некод
 Сийöс бурöднысö вермы:
 «Көн тэ, көн тэ, Югымортöй.
 Менам сё зöлöта пийö,
 Гашкö, абу нин тэ ловъя?
 Ме öд ачым тэтöг быра,
 Тэ кө кусан, менам кодзув...
 Кокни бордъя визув тöлöй,
 Лэбöд гортас Югымортöс!
 Зарни Шондi — анбöй! Тöлысь,
 Гöгрöс чужöмбаа ичмонь. —
 Пыдди пунктöй менсьым кевмöм:
 Вайöй гортас сёлöмшöрöс,
 Дона пийöс, Югымортöс...
 Енмар-Енмöй, ыджыд Енмöй.
 Кыв и тэ тшöтш менсьым бöрдöм!..»
 Сэки рыжбöй тошка Яур,
 Вына Ош-пи Лыадорса,
 И Вöрморт тшöтш, сылысь-ворсысь,
 Джеджим пармаса збой йöзкöд
 Вöрö уськöдчисны корсьны
 Князьлысь писö, Югымортöс.
 Ема-баба Югымортöс
 Сы ни садь пыр водзö нуö...
 Нем виччысьтöг пуяс сайсянь
 Лэбач Каленик сэк петö,
 Повзöдлö ёсь öжып нырнас;
 Тури-Ягморт шлывгö-локтö
 Ема весьтö...
 Повзис Ема,
 Кутис кевмыны, мед ловсö
 Сылысь, пöрысьлысь, эз босьтны;
 Югымортöс бордъяс вылас
 Лэбач-Калениклы пунктö —
 Югымортöс чужанiнас,
 Джеджим пармаас, мам дорас,
 Вайö Каленик — и Райда
 Босьтö Югымортöс ордас...
 Бергöдчöны тшöтш и ёртъяс —
 Яур, Лыадорса Ош-пи,
 И Вöрморт, бур сылысь-ворсысь,
 Гортаныс бöр... Видзöдöны —

Зарнигӱтыр Югымортлы
Сьылӱ потан дорас «Ӧввӱ»!
Енмар-Енлы сӱсся дыр па
Пӱся юрбитисны ставӱн
Джеджим пармаын...

XXI

Князь Яур,
Вына Ош-пи, и Вӱрморт тпӱтш,
Коркӱ думыштчисны ӱтвив —
Мый нин бурсӱ позяс вӱчны
Кӱдзыд тӱвъяса странаын?..
Лыадорса вына Ош-пи
Сӱки шуис: «Дора-вӱча
Кокни гӱр ме аслам йӱзлы,
Медым ныр выланыс усьтӱдз
Коканъясӱн да пу гӱрйӱн
Эз нип гӱрны найӱ... Сӱсся
Югид косаяс ме дора —
Омбӱ чарлаясӱн йӱзыс
Медым видз вылӱ эз петны...»
Дыр эз кӱсйы — шуис-вӱчис
Лыадорса вына Ош-пи:
Ӧдйӱ кузнечаас мунис,
Пестис горъяс би да видлис
Пушкансӱ, и кутис дорны —
Быттӱ потан, сӱӱкыд мӱлӱт
Кайӱ-лӱччӱ сылӱн кийн;
Чужӱмбан кузяыс пӱсьыс
Лӱччӱ шорӱн... Дорис Ош-пи
Гӱръяс-косаяс, а сӱсся
Найӱс пуалис... Князь Яур
Ошкӱс доддялис и мӱдис
Эжа лӱптыны, а Райда
Видаӱдис да нимкодясис
Князьлӱн уджӱн...
Парма пытшкын
Вильӱн гӱрӱм-вӱчӱм муяс
Кӱдзӱ рыжкӱ тӱшка Яур
Зарни идйӱн...
Шондӱ петӱг
Сӱстӱм асылӱ Вӱрмортным

Ертсө — сигудөксө — босьтис,
Сывны горөдис «Збой Вөлөй,
Тшөкыд бурыся ён Вөлөй,
Миян Войвылө тэ волы
Овны вөрса видзьяс вылө —
Ок, и турунабсь найö!»
Бытьтö сыланкыв Вөрмортлысь
Кылис Вөлыд — төвзис-локтис!
Ок, и ён да ыджыд сийö,
Перыд вөраса и... Яур
Кыпыд кийн босьтис Вөвтö.
Ош ыдди выль кокни гөрйö
Доддялис — и гөрап уджыс
Сылөн гажаджыка мөдис;
Тронякылö долыдшырысь
Вөвлөн голяас, оз мудзлы,
Ыргөн жыннян, варов жыннян
Алөй лента йылын — козин
Райдасянь зиль Яур-князьлы...
Эжа лэнтөм бөрын Яур
Сэсся видзьяс вылө нетис —
Бытьтö шор сөдз ванае ворсө,
Бытьтö чардби, лэчыд коса
Ворсө-югъялö князь кыш.
Зіля-зіля ытшкө Яур,
Паськыд туйөн содö-мунö
Копраситтыр...
Дивö босьтис
Челядьöс и верстьö йөзöс —
Кузнечаас Ош-пи динö
Ставөн котөртисны найö:
«Лэчыд косаяс, ёп гөръяс
Тшөтш и миянлы вай дор тэ —
Петам лэштыны ми эжа,
Ытшкышы сук мича турун
Эжва бердса видзьяс вылө!..»
Лолыштисны куим ёрт сэк
Кокнишырысь: «Вуртор вөчим —
Индім олан туйсө-визьсө
Джеджим нармаысь бур йөзлы;
Налысь кокньöдыштім уджсө!»
Ловзисны тшөтш, шыасисны
Ыргөн пожөмъяс дзор литшка
Джуджыд нөрыс йылын: «Со тай,

Йёзёс велёдісны ёртъяс,
 Кыдзи парма пытшкысь бурджык
 Эжа лэптыны, кыз турун
 Эжва бердса видзяс вылын
 Ытшкыны...
 А водэджык, наёда,
 Сьёдас мырсьылісны ёна
 Йёзыс: сотавлісны пуяс,
 Кёдзлісны сьёд мыръяс костё
 Пёим пытшкае...
 Сотём сорнад
 Ёдйё чиніс миян парма;
 Ёні сюсьджыкось нин йёзыс,
 Оз нин вёрсё кутны сотны...»
 Вёрса лэбачьяс да зверьяс
 Радлісны: «Збыль, муса чойяс,
 Пожёмъяс — и миянёс тшётни
 Ньёввужйысь ёсь ньёвйён йёзыс
 Оэджык виавпы — нянь сэсся лоё
 Йёзлён медшөр сёян вылё!»
 «Унджык турун — сідзкё, унджык
 Лоё мёс — ме сэки яйысь
 Ог нин орлы», — пасйис аслыс
 Ош.
 Вутш сайсянь полысь Кёчиль
 Мыччысьліс: «Веж муяс вёрын
 Лоёны да, юмов идйён
 Быд лун чёсмасьны ме кута!»
 Ручлы долыдджыка овсьё:
 «Унджык няня муяс — унджык
 Ёшинь увъясаныс йёзлён
 Лоё чинап-петук; сідзкё,
 Ог на яйтёг коль ме, Ручиль!»
 Бара рыжой тошка Яур
 Мёвпыштис: «Мый эськё бурсё
 Йёзлы нёшта позяс вёчны?
 Со ми Оксор дорыч вёлім,
 Кардорын, да вайим сэтысь
 Райдаёс пельк, дзибрёс мыжыч...
 Эз вёв кокни тайёс вёчны
 Куим ёртлы... Внукъясёйлы
 Эськё висьтаваны, мый вёвлі
 Менам нэмё!..
 Сёмын внукъяс

Кывнад висьталомтö бдйö
 Вунöдасны... А вот изъяс —
 Дыр оз шылявны! А, сідзкö,
 Изъяс вылас ме и гижа
 Ставсö, олöмын мый вöлі —
 Быдмысь войтырлы бур паметь
 Лоб...
 Визьбн пасья мортöс
 Из вылас ме; кытшöн — шондi;
 Нель пельöса кузьмöс визьбн
 Пасья Му — став ловья ловлысь
 Ыджыд мамсö; помтöм енэж —
 Гöгыль джынйöн изъяс пасья,
 Ставсö пасьяла!
 Ёсь пельöс
 Кык визь артмöдасны — парма
 Сідзи пасья; кык визь орччöн —
 Визув ю!
 Тадз изъяс вылö
 Дзоньнас олöмöс ме пасья!» —
 Олöм-вылöм йылысь Яур
 Тадзи мөвпаліс... А сэсся
 Чугралöн купи плешö зіля
 Ассьыс олöм — шог и радлун —
 Пасьяліс... Оз некор чышкы
 Князьлысь висьтсö тайöс кадыс!
 Лыадорса вына Ош-пи
 Аслас нэмын лобмторьяс
 Мича ыргөн пөвьяс вылö
 Гижалис жö; и Вөрморт тшöтш
 Ловцулысь руд небыд кырсьсö
 Кузя кульыштiс да кырсяс
 Ассьыс олöм гижис-пасйис...
 Верстьö йöз и челядь-посни
 Локтiсны да велöдчисны
 Куим ёртлөн пасьяс серти
 Лыддысьны, и сійö кадсянь
 Олб грамотаыс кувтöг
 Ылі войвывса йöз пөвстын...
 Сэсся рыжöй Яур кутіс
 Пөвьяс вылын лэбысь кадлысь
 Луньяс пасьявны да вояс;
 Вына Ош-пи Лыадорса
 Аслас йöзлы вöчис изки —

Пызьё изны воём идсё...
 Зіля бурмодісны олём
 Джеджим пармаын сюсь ёртъяс!
 Сэсся-й пармаын зверь-пётка
 Казялісны олём вежсьём:
 «Уна выльтор аслас йёзлы
 Вёчис Яур-князь, мед налысь
 Олём кокнёдны, и йёзыс
 Сё пёв мудермисны... Сёмын
 Ми, зверь-пётка, пемыд вёрын
 Кызди сё во сайын олім —
 Сідз и вишкам-олам ёні;
 Йёзлөн мудерлунысь ньёти
 Миян олёмным эз бурмы...
 Рыжой тошка Яур, Оп-пи,
 И Вёрморт тшётш — повтём ёртъяс —
 Эжа лэптисны да нявьсё
 Быдтисны выль муяс вылып —
 Ёні пётось...
 Но од важ моз
 Вёралысьяс парма вёрас
 Овны миянлы оз сетны,
 Виалёны, коньёръясёс...» —
 Вёрса олысьяс тадз ётвыв
 Пора шуасисны...
 Сэки
 Скёрмис Ош, веж видзьяс вылө
 Петіс, Райдалысь Лозанка —
 Медся рам да йёла мёскёс —
 Начкис нем жалиттөг... Ручиль
 Госа курөгъясёс нуис
 Джеджимысь да сэсся гортас
 Сьёлём бурмытөдзыс сёйис.
 Кёчиль муяс вылө петіс,
 Йирис-сёйис быдмысь идсё —
 Сэтшём сійё веж да юмов!
 Вёркань кыйөдіс пу йывсянь
 Куканьёс да начкис-сёйис;
 Кёин ошйысис, мый сійё,
 Кодыр төвся туйыс пуксяс,
 Вёлёс кыйёдас да начкас
 Джеджим пармаысь...
 Эбой варыш
 Личкас муас ыжёс...

Катша

Китшкис-сералис вөр пасьта
Яур-князьлөн гөтыр вылын;
Куркис-тувалис съод Кырныш
Йозлы регыд кулом-быром;
Ракаяс лёк шумон-зыкөн
Йозон пунктоторсё ставсё
Кокалисны градъяс вылысь;
Уръяс керка вевтъяс вывти
Чеччалисны; крыса-шыръяс,
Низъяс, съодбожъяс быд розыш
Гогрөс синъяснаныс збоя
Югъялисны!..

Шуштөм лои

Райдалы...

И пуксис-воис

Джеджим пармао лёк олөм...

Рыжой тошка Яур, Ош-пи

И Ворморт, бур сылысь-ворсысь, —

Бара думыштчисны ёртъяс —

Кызди палы водзё овны,

Мый нин вочны сесся колө?

Рыжой тошка Яур сэки

Бур кыв ёртъясыслы шуис:

«Тэ, Вормортöй, сигудөктө

Босът, да сывны бара горөд

Важся сыланъяскөд отвыв

Нимкывъяс да загөвөръяс!»

Юрөбтис Вормортлөн сылан:

«Вай жö кывзöй менö, зверьяс,

Кывзöй тшөтш и бордъя войтыр —

Скөр ти йоз вылө эн кутöй

Вөралөмысь — найö татчөс

Йоз, а абу кыськө воөм...

Вөрса пöльöй, Ошкöй, кывзы:

Мортөс пармаысь эн вөрзөд,

Кодыр паныдасын ськөд —

Эн лысыт повзөбдны ни дойдны!

Йозыс кыйсиганыс питө

Вины вермасны... Да-й гусьыд

Гөтырыд тшөтш вермас сюрны

Йозлы прөмыс вылө — сэки

Төд, мый Енлөн шуөм серти

Найөс кыйисны ас войтыр.

Төд и тэ, Руд Көин,— тадзи
 Енмыс шуис тэныд өвны:
 Пиньтөм гожомбыд тэ лоан
 Еджыд төлөдз... Төлыс воас —
 Мортөс вөрзөдны эн лысьт тэ,
 Да и тэрыб кока вөлөс
 Эн жө вөрзөд!
 Лөньбөй ставныд,
 Вөрса лэбачьяс да зверьяс,—
 Разөдчөй вөр пасьта!..
 Мортөс
 Некод вөрзөдны эн лысьтөй!
 Полбөй Енмысь — пемыд вөрын
 Шы ни төв ті олөй-вылөй!»
 Тадз Вөрморт дыр гольккис-ссыліс,
 Джеджим парма вөрса колип;
 Вөрса лэбач-зверьяс ставөн
 Повзисны да коді кытчө
 Разөдчисны парма пасьта —
 Ланьтісны: Вөрмортлысь шуөм,
 Сылысь сыланкывъя тиөктөм
 Оз лысьт торкны вөрас некод..

XXII

Исковтісны парма весьтөд
 Кымөрьяс, и пожөм-козьяс
 Юрьяснаныс кымөрьяслы
 Довкйөдлісны..
 Парма пытшкын
 Олысьясыс — йөз и зверьяс,
 Бордъя ловьясыс и — ставөн,
 Му вылас и енвевт бердас,
 Вөльнөй олөмыслы өтвыв
 Радлісны — ключ ва моз сійөс
 Юисны!..
 А луныс вөлі
 Пармаын дзик райса лун кодь;
 Йөвлы нимкодь вөлі лунсьыс,
 Гожся лунсьыс; варов шорлөн
 Дзолыгөм-ворсөмысь... А Еньяс,
 Йөзлы тыдавтөмөсь, шытөг
 Лэбалісны енвевт бердті

Вөръяс, юяс, мылькъяс весьтөд...
Енвевт кельыдлөзнас рама
Мулысь мелиавліс морбс —
Олөм чужтысь-видзысь кудсө;
Дзоридзясыс вадор видэлөн
Видзөдчисны шонді кытшө
Быттё рөмпөштанө. Пуяс
Юръяснаныс енвевт лөзсө
Гыжъявлісны... Ок, и олөм
Кывтис му весьттыс, ёртъяс —
Быттё сигудөклөн шыяс,
Быттё важея мича мойдкыв!..
Оти рытө коркө Райда
Нимкодясис парма мичөн
Кильчө вывсяньыс, а Яур
Вөлі орччөн — сійө дзоргис
Пуяс вылө, енвевт вылө;
Шонді парма сайө лөня
Енвевт горув муніс-лэччис;
Тшын сэк аддзис парма весьтысь
Яур-князь да чуймис: «Коді
Бинас дзулөдчө сэн?» Пөльяс,
Джеджим пармаса сюсь пөльяс,
Сылы шуисны: «Ог төдөй,
Мыйся тшын веж парма сайсянь
Пыкө енвевтсө...» Сэк Ош-пи
Ветліс кокни дзибрөс пыжөн
Видзөдлыны... Вой шөр кадө
Воис бөр: «Асыка-Вакуль,
Князь вогулъяслөн, вөр сайө
Узьмөдчөма... Аслас йөзкөд
Аски асыв, Яур другөй,
Сійө локтас татчө, медым
Тэнө вины, сэсся босьтны
Вежа Райдаөс да нуны
Аслыс гөтыр вылө!» Сэки
Корис ас дінас Вөрмортөс
Яур... Пуксялісны ёртъяс,
Джеджим дорйысьяс, пельк пыжө —
Кортөм гөстыяс вылө збоя
Мөдөдчисны...
Регыд мысти
Эжва берег вылысь ёртъяс
Казялісны: нөрыс йылын

Ломзё трачкөдчөмөн бишур —
 Рытлысь немыдлунсё вывлань
 Енвевтланьыс пыкё-вөтлө.
 Бишур гөгөрыс — вогульяс;
 Ыджыд пөртйын кортөм гөстьяс
 Мыйкө пуисны... Ен шыяс,
 Ньөввужъяс тшөтш бишур бокин;
 Кучик вөнъ йылө ён мечьяс
 Ошөдлөмаось вогульяс
 Боканыс... Асыка-Вакуль
 Багатыр Бирмилкөд кыкөн
 Вешйөмаось войтыр дорысь;
 Вакуль пукаліс, а ёртыс
 Торъя рачын пуис нурсө
 Вакульлы...
 Зэв гусьөн ёртъяс —
 Яур-князь, Вөрморт да Ош-пи —
 Локтісны вогульяс дорө,
 Видзөдөны: локтөм войтыр
 Съөдөсь! Быттьө воём сэтөр,
 Налөн синъясныс; съөд юрси
 Гартчө-кудритчө!
 Вогульяс
 Ставныс сөнөдөсь да ёнөсь!
 Яур-князь, Вөрморт да Ош-пи
 Матын сулалісны — найөс
 Пуяс сайөдісны бура!
 Князь Асыка сёрни паніс
 Аслас воиньяскөд: «Регыд
 Пырам Джеджимө ми... Медводз
 Виам гортас Яур-князьөс;
 И Вөрмортөс гортас виам;
 Вына Ош-пиөс тшөтш виам
 Аслас кузнечаын... Босьта
 Райдаөс да нуа аскөд
 Из сайө!» А ёртъяс чөла
 Кывзысисны пуяс сайсянь...
 Сэсся Яур-князь Вөрмортлы
 Юрнас довкнитіс — и сійө
 Вөрса лэбачьяс моз съывны
 Босьтчис-горөдіс... И сэки
 Быттьө көкинъ пөрыс сайын
 Кутіс көкны!
 Көкинъ бөрын

Шогсьыс нывлөн небыд гөлөс
 Кылис... Он төд, кытысь сійө
 Письтө-юргө: ылысь? Матысь?
 Милөй воштөм йылысь нора
 Нывлөн гөлөсөн Вөрморт сэн
 Тадзи сыркъялөмөн бөрдис:
 «Өдйө исковтөны лунъяс
 Мортлөн жугыль сьөкыд нэмысь;
 Чардби югнитлөм кодь олөм;
 Здук — и бөр сап пемыд ставыс...»
 Пуяс сайсянь мыла гөлөс
 Юргис-визувтис... Вогульяс
 Чөла кывзисны шог сьылан,
 Налы кажитчис: нор гөлөс
 Кыськө енвевт бердянь лэччө...
 Но, а гашкө тайө гөлөс
 Кайө паськыд Эжва бердянь?
 Гашкө, сьыланкывйыс тайө
 Зумыш парма пытшкын чужө?
 Шогось лоины вогульяс,
 Юръяснысө лэдзалисны —
 Думыштчисны полөмпырысь
 Кулөм йылысь... Топөдчисны
 Ота-мөд берданы найө!..
 Шогсьыс нылукөн Вөрмортым
 Водзө лывкйөдлис на весьтын:
 «Ой, вогульяс, повтөм войтыр,
 Көсьяд грабитны ті грездъяс
 Джеджим пармаысь... И йөзөс
 Көсьяд виавны... Но эм на
 Енмыс — вунөдінныд тайөс?
 Му улын и Куль на олө —
 Суд и правда сьлөн кыин!
 Лача кутанныд, вогульяс,
 Сы вылө, мый вывті ёнөсь?
 Вунөдінныд чардби-ньөвъяс
 Енмар-Енлысь?» И вогульяс
 Вутшъяс вылө сьыланкывйысь
 Унмовсисны — сэтшөм ониш
 Найөс шымыртис... А гөлөс
 Водзө парма весьтын юргис:
 «Пөръявны ті думыштөмныд
 Асьсө Енмөс? Но өд мортыд
 Гөгсьыд вылөджык он чеччышт;

Енмысь вьвтїджык он вермы
Некор шуны-вöчны — тöдöй!
Вай жö узьöй ті, вогульяс,
Чöскыд унмö вöйтчöй пыдö!» —
И вогульяс öти мортöдз
Унмовсисны кодї кытчö...
Сэки петїсны геройяс
Пуяс сайысь — Яур, Ош-пи,
И Вöрморт тшöтш, сылысь-ворсысь —
Пыжъясö крут берег вывсянь
Вөрöгъясöс шыблалїсны,
Мöдöдїсны Эжва ньылыд —
Быттьö тури гөрöд, пыжъяс
Исковтїсны Эжва кузя —
Тадз вогульяс зыктöг-косьтöг
Эновтїсны Джеджим парма...
Садьмöм шондї югыдгöрдөн
Мавтїс вөр йывсö... Геройяс —
Яур-князь, Вөрморт и Ош-пи —
Копрасисны Шондї-Енлы,
Сылы юрбитїсны пöся...
Сэсся рыжöй тошка Яур
Бур кыв ёртъясыслы шуис:
«Енлы кевманїн ми татчö
Лэштам-тшупам — медым Енмар
Да и мукöд ыджыд Енъяс
Ставöн овмöдчисны сэтчö!..»
Керка тшуписны зэв зїля
Куим ёрт, а керка пытшкас
Изъясысь да пуысь Енъяс
Кытшöн сувтöдлїсны... Гөрöдөн
Налысь краситїсны вомъяс;
Зарни краскаөн — кузь тошъяс;
Вөршуд öдзöс дорас сувтїс
Тайö кевманїнсö видзны...

XXIII

Лунъяс лэбöны... Ог тöдöй —
Енлы кевман керка лэптіг
Дыр-ö поксисны геройяс —
Яур-князь, Вөрморт да Ош-пи;
А вогульяс Эжва ньылыд

Омоль пыжъясөн пыр водзлань
 Кылалісны... Коркө-й сэсся
 Князь Асыка садьмис, скöрысь
 Аслас воинъяслы шуис:
 «Ылөдлісны сыланкывнас
 Тунъяс миянөс... Вогулъяс,
 Вай жö бергөдчамö бөр ми
 Джеджим пармаö да сотам
 Яур-князьлысь оланінсö —
 Оні төлкаджыкөсь лоам,
 Налысь сыланкыв ог кывзöй!»
 Скöрысь сёрнитіс Асыка
 И вогулъяс кыв эз шуны
 Паныд — Джеджим вылө бара
 Найö мөдөдчисны...
 Кыліс
 Налысь локтөмсö Вөрмортным,
 Важся нимкывъясөн паныд
 Сійö вөрөгъяслы петіс:
 «Вөрса Енъяс, васа Енъяс,
 Буссö гартысь вильыш төв ныр;
 Туй вогулъяслысь ті тупкөй,
 Медым съөд вөр шөрö найö
 Ставөн вошöны — мед некор
 Миян Джеджимö оз воны!»
 Муртса петісны вогулъяс
 Пыжъяссыныс — öти здукөн
 Веськалісны зумыш вөрö:
 Вывлань мөдөдчасны — пуяс,
 Пашкыр пожөмъяс, дзор козьяс
 Найөс кытшалöны, — водзö
 Весиг воськовтны он вермы,
 Увлань мөдөдчасны — нюръяс
 Помтөг шыльквидзöны: вöйны
 Сэтчö öти здукөн верман...
 Шыбитчасны веськыдвылө —
 Енвевтөдзыс чугра изъяс
 Зымвидзöны — видлы вуджны!
 Шуйгавывсяньыс вогулъяс
 Бара аддзöны сук парма...
 Ветлөдлісны пуяс костөд
 Мудзтөдзныс вогулъяс!
 Сэсся
 Горөдіс Асыка: «Вошим

Зумыш пармао ми — сюрим,
Быттьо гутъяс, черань везйо...
Лэдз вай мянӧс, Вӧрмортӧй —
Инды туйсӧ Эжва дорӧ —
Кывтам бӧр ми Эжва кузя
Гӧтыръяс да челядь дорӧ...» —
Корис тадз Асыка шога.
Туй вогулъяслы бӧр воссис:
Пыжъясӧ дзик ставӧн найӧ
Бара пуксялісны, сэсся
Мӧдӧдчисны Эжва ньылыд
Сыктыв вом дорӧ, мед мунны
Гортаныс, Из сайӧ...

XXIV

«Шаньӧсь
Томдырӧй и челядь кадӧй!
Лэбзинныд ті, эг и тӧдлы...
Но ме водзысь виччыся на
Лолӧс бордйӧдана шудсӧ —
Быттьо виччыся сӧдз асыв:
Кор нин енвевт чужӧмбаисӧ
Кыа банйӧдас; кор петас
Синва войт кодъ асъя кодзув!
Виччыся, мый менам томлун —
Менам олӧмлӧн сӧдз асыв —
Ме дорӧ бӧр, гашкӧ, волас!» —
Татшӧм лача кутіс Райда,
Нимкодясис Югидмортӧн,
Кодысь быдмис повтӧм зонка —
Тшӧтшьяяскӧд ворсігьясӧн
Пырджык юрнуӧдліс сійӧ...
А Вӧрморт, бур сылысь-ворсысь,
Велӧдлывліс Югидмортӧс
Ворсны сигудӧкӧн...
Ӧтчид
Райдалысь тадз Югидмортным
Юалис: «Вай висътав меным —
Коді ставсӧ тайӧс вӧчис:
Зарни Шонді, югид Тӧлысь,
Помтӧм Енвевт эрдсӧ? Мусӧ,

Вөръяс, юяс — ставсö тöдны
 Көсья!» Нюммуні сэк Райда
 Дона пилы: «Югымортöй,
 Водзянь тöдны көсьян ставсö,
 Быдтор юасян... Дерт, тöда
 Унатор ме — Оксор дедыд
 Мекöд сёрнитлывліс частö
 Олём-вылём йылысь... Сöмын
 Оз и этшаджык Вөрморт тöд —
 Кывзы сійöс! Сійö сылас
 Сигудöклөн шыяс улö
 Сы йылысь, кыз артмис-лон
 Му-ва, Енвевт, Тöлысь-Шонді...
 Котöрт сы дінö — дзик öтнас
 Олö сійö, тун-волнеблик!»
 Муніс, кызди-й тшöктіс Райда,
 Югыморт тун керка дорö...
 Öшинь улас, кильчö дорас
 Джек вылын яр шонді улын
 Пукаліс Вөрморт, и зонка
 Шыасис: «Вөрмортöй, кевма,
 Висьтав — кытысь, кызди лон
 Тайö мирыс?» И Вөрморт сэк
 Сылы шпыньмуні: «Вай видлам
 Енмөн шуöm-тшöктöm серти
 Ловзьöдны важ мича сылан...
 Тöдö сигудököй ставсö —
 Сійö-й вочавидзас тэныд!»
 Босьтіс сигудökсö гортельс,
 Петіс Эжва дорö, сәні
 Мыськис кияссö, а сәсся
 Пуксис Югыморткөд орччөн.
 Кинас сигудök струнаяс
 Муртса вөрзьöдіс да сывны
 Босьтчис негораа: «Енмар,
 Козьнав вын мянлы, сямлун,
 Медым ошкыны ми кужим
 Сійöс ставсö, мый тэ вöчин
 Да и водзö вöчан мудзтöг!» —
 Сывны горөдліс Вөрморт тадз,
 Джөмдыліс, лөз енвевт отö
 Видзөдліс, а сәсся бара
 Сьыліс водзö: «Вежа Енъяс,
 Миян вылө энö дөзмöй

Тайо сьыланкывйысь... Шонді,
 Югыд Тӧлысьыскӧд ӧтвыв
 Висьталӧй вай, кызди чужи
 Тайо югыд гажа мирыс?
 Ок, и шензьӧдана мича
 Паськыд муӧй-мамӧй! Корсянь,
 Кызди ставыс тани ловзис?
 Коді водзджык, коді сӧрӧн
 Кутіс дзоридзавшы-нетны?
 Тӧвзьӧй, лӧбачьясӧй, татчань;
 Вӧрса зверьясӧй, тшӧтш локтӧй —
 Пӧрысь сьылысьыслы, меным,
 Ставсӧ висьталӧй ті, кора...
 Кыла тӧянлысь, зверь-пӧтка,
 Гуся сӧрнинытӧ, кыла!
 Со нӧ, сугудӧк струнаяс
 Асьныс шыасисны, метӧг —
 Ӧні висьталасны найӧ
 Кызди Олӧм лой-чужи...
 Коркӧ тыртӧм вӧлі ставыс,
 Би ни ва — сап пемыд вӧлі!
 Пемыд ру пытшкас Ен-Енмар
 Кыськӧ локтіс, паніс сӧрни:
 «Кызди овны, мый мем вӧчны
 Тайо пемыд тыртӧминас?
 Кызд нӧ Олӧмсӧ ме чужта?»
 Ена думыштчис тан Енмар,
 Шога ышловзис...
 Сӧк Омӧль
 Кыськӧ мыччысис да со мый
 Енмар-Енлы шуис-вӧзйис:
 «Ичӧт вокӧн тӧныд, Енмар,
 Чужан лунсянь нин ме вӧлі —
 Вай жӧ, Енмар вокӧй, сунла,
 Пемыд ру пыдӧссӧ корсьла —
 Кӧтыр му тӧд сӧтысь вая!»
 Енмар эз сувт сылы паныд:
 «Видлы, сунлы, ганкӧ, сӧтысь
 Кӧтыр му збыль меным ваян...»
 Суні сап пемыдас Омӧль,
 Воліс пыдӧсӧдзис... Кӧшас
 Босьтіс-куруштіс пӧсь няйтсӧ,
 Вайис Енмарлы...
 Но гусьӧн,

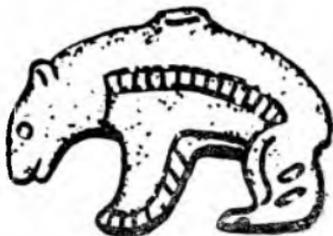
Ёнлы сеттөдз, мусö вомас
 Омöль гусялыштис-дзевис...
 Енмар мусö сылысь босьтис,
 Быттö кöдзысь кимльöскивив
 Сийöс койыштис — и сэки
 Пемыд тыртöминас дяс
 Чужисны... Зэв öдийö найö
 Паськалисны öти дйö,
 Помтöм ыджыд дйö — Муö!
 Шылыд чужöмбансö пуяс
 Регыд мичмөдисны Мулысь...
 Сэки Омöль дзевлём мусö
 Перйис вомсьыс, Енмар-Ен моз
 Сийöс койыштис — и здукөн
 Ыджыд чуграяс Му морöс
 Лямөдисны... Енмар пыр жö
 Из-Уралөн артмём Мусö
 Дорис-асыкалис, медым
 Потём-жугалöмысь видзны;
 Му выв пемöсьясöс сэсся
 Енмар лöсьöдис... Зэв бурöсь
 Найö вöлины, зэв рамöсь!
 Сэсся Енвевт отсö русьыс
 Енмар весалис да Шондй
 Лэдзис Енвевт отас — Мусö
 Шонтём вылö...
 Югыд тöлысь,
 Разöдны мед войся пемыд,
 Енмар лöсьöдис тшöтш... Регыд
 Шонид зэрөн, югыд зэрөн
 Сьökыд кымөръяс Му весьтти
 Кывтны мөдöдчисны: зэрсьыс
 Юяс чужисны да тыяс...
 Сэсся коркö-й Мортöс Енмар
 Лэдзис Му вылö...
 А Омöль
 Зверьяс костö, кыдзи вермис,
 Көдзис лёк да скөрлун... Йöзлы
 Көвъялис тшöтш мисьтём мөвпяяс —
 Торкесис олём ладыс сэки
 Му вылас: морт зверьяс вылö
 Кыйсис-усьласис, а зверьяс
 Öта-мөднысö му пасьята
 Сөйисны код кыдзи вермис!

Дѳзмис, скѳрмис сѳки Енмар,
 Енвевт вывсынь чардби ньѳвйѳн
 Еся югнитіс, а сѳсся
 Кутіс гымакывны сідзи —
 Быттѳ гѳгльѳдліс ас водзас
 Енвевт пасѳта свинеч ѳкмыль...
 Омѳль весѳѳѳри-повзис —
 Изѳяс улѳ пыдѳ дзѳбсис!
 Нѳмѳяс, сійѳ кадсянь ѳнѳдз,
 Кык вок — Енмар-Ен да Омѳль —
 Торйѳн олѳны...
 А Енмар
 ѳзтіс югыд кодзув бияс
 Енвевт пасѳта; овмѳдіс тшѳтш
 ѳшкамѳшкаѳс ас дінас
 Ёрт пыдди, а ѳшкамѳшка
 Юѳ пѳттѳдзыс сѳдз васѳ
 Юяс-шорѳясысь да сѳсся
 Зѳрѳн му вылас бѳр лѳдѳѳ —
 Уна рѳмнас шонді водзын
 Гѳрдѳн, турунвижѳн, лѳзѳн
 Сійѳ пѳртмасѳлывлѳ.
 Енмар
 Туйсѳ лѳбачѳяслы индіс
 Лыдтѳм кодзув пѳвстті, медым
 Арнас лунвывланьѳ найѳ
 Лѳбны вермисны; да-й бѳрсѳ,
 Муса войвывланьыс лѳбиг,
 Медым эз жѳ вошны найѳ
 Гажа тувсов кадѳ... Енмар
 Зарни небѳгысь ѳд лыддѳѳ
 Став законѳяссѳ да вѳчѳ
 Сійѳ небѳг серти Олѳм;
 Лѳбач Рыклы сійѳ шуис
 Овны нѳмсѳ Из-Уралса
 Чугра йылын, медым сійѳ
 Енмар тшѳѳктѳм серти оліс,
 Ставсѳ вѳчис индѳм кадѳ...
 Уна Ен на сѳсся лои
 Енмар бѳрын: мулѳн Ентѳяс,
 Валѳн Ентѳяс; и Вѳршуд-Ен,
 Керка пытшкысь шудѳѳ видзысь;
 Шуксис Му вылѳ бур Олѳм,
 Сѳмын Енмар водзѳ кѳсйис

Олөм бурмөдны Му вылас —
 Лёксъыс весавны да скёрсьыс —
 Босьтны властьсö Омöль кийсь...
 Ыджыд терпливлуныс, майбыр,
 Енмар-Енлөн! Зарни небөг
 Сійö енвевт вылас лыддбö!
 Воас кад, и выль кыв шуас
 Енмар Олөмыслы, йöзлы,
 Тшöтш и Енъясöс оз вунöд».

XXV

Олөм пансьöм йылысь сьыліс-
 Лывкйöдліс Вөрморт тадз; юргис
 Сылөн сугудöкыс... Кывзіс
 Югыдморт Вөрмортлысь сьылөм,
 Кывзіс-тöдмаліс, кызди чужи
 Муыс, Олөмыс... А сэсса
 Бара юаліс Вөрмортлысь:
 «Нöшта висътав меным — кызди
 Енъяс олöны: сöдз юын;
 Дзормөм юра чугра вылын;
 Помтөм пармаын — та йылысь,
 Сьөлөм вөрзбөдысьöй, сьыв мем!»
 Жугыльмис Вөрморт, а сэсса
 Югыдмортлы вочавидзис:
 «Гырысь йöз и посин челядь,
 Медшөр йывсьыс ог на тöдöй
 Тайö олөмсьыс... А лунъяс
 Бытьбө тöv ныр мортлөн нэмьсь
 Нетшкö-төлөдö: он тöдлы —
 Талун эм тэ, аски — абу...
 Олігчöжыс коньбөр мортöс
 Мөгъяс кытшалöны, шөгъяс,

Сьöкыд удж, и смерть быд здукö
 Вины грöзитö... Ок, Енмар —
 Менö эбöстөг эн коль тэ,
 Нюжöd нэмöс, медым верми
 Сьывны мыла сьыланкывъяс!
 Кодыр сьыла ме — сэк быттьö
 Юа чöскыд, юмов вина...
 Юргöй, сигудök струнаяс!
 Пöрысь чуньясысь эн полöй —
 Кöть и сьöкыда, но век жö
 Найö вөрöны на... Öтнас
 Коньör сьылысь-ворсысь олö
 Сьöd вөр шöрын — некод абу
 Сийöс радейтысьыс, ёртыс...
 Гашкö, Смерть нин сылысь синъяс
 Регыд тупкас, и Вөрмортöс
 Дзевасны из кырта дорö
 Бördтөг...
 Яндзим меным лои,
 Пöрысь тунлы, тадзи лöвтны,
 Кыпав лолöй менам, кыпав!
 Ыджыд вöвлöмторъяс йылысь
 Колö Югыдмортлы сьывны,
 Парма дорйысьясöс выль пöв
 Ошкыны тшöтш сьыланкывнас...
 Пöрысь Излөн сюрса вылын,
 Еджыд юра чугра йылын —
 Сэн, көн борганъясөн юяс
 Ызöдчöны; сэн, көн вощьö
 Туйыс-ордымыс Сибирö,
 Көнi лымйыс оз и сывлы
 Нэмъяс чöж Рык, вежа лэбач,
 Олö сэн.
 Лёк воём йывсьыс
 Сийö олöдлывлö йöзöс
 Водзвыв — Енмөн тшöктöмторсö
 Пöртö олөмö, оз вунöd...
 ...Ылі Юграш эм чугра,
 Коді вылö, енвевт бердö,
 Лэптö юрсö — Тöv-Поз-Изйөн
 Сийö шусьö... Шуа-Ен сэн
 Олö, төв ныръяслөн Енмыс,—
 Нöшта ыдждöдлöны сийöс
 Войпельöн... Ок, сийö быдтор

Кылө Из вылас, быд пытор —
 Пельсö чошкөдөмөн кывзö
 Сийö ывла вывсö ставнас...
 Кодкө катшкөдчыны кутас,
 Съывны горөдас ли — Войпель
 Пузяс-скөрмас, ыджыд турөб,
 Лымъя турөб гартас-ләптас;
 Мортöс, зверöс, бордъя лолöс
 Воштас нем жалиттөг Войпель:
 Лымъя бушков дзор Уралын —
 Ыджыд страсть!..
 А парма пытшкын,
 Зумыш пожом-козьяс дорын,
 Пашкыр тусяпуяс пөвстын
 Джуджыд, помтөм лымъяс пытшкын
 Шуа-Енлөн вильыш пиян
 Олөны... Эм налөн гортъяс —
 Ляпкыд керкаяс сук вöрас;
 И семьяяс налөн эмöсь!
 Бушковлы, кор сийö волö,
 Найö радлөны — зэв öтвыв
 Кекöначöны, а сөсся
 Ывла вылö уськөдчöны
 Шыөн-гажөн, йөктигтырпи —
 Вöрсö шызөдöны дзоньнас —
 Пуяс пөрлөдлөны... Зверьяс
 Дзебсьывлөны кодi кытчö;
 Бордъя ловъяс тола пытшкө
 Сунласьлөны пуяс вывсянь,
 Тайö гажөдчөмсö кылиг.
 Пашляк лыйсьөм иньяс улö
 Вöрсаяс ён сурсö юны
 Воливлөны Ёма дорö —
 Олөмные ок шуда жö нин
 Вöрса Енъяслөн... И йöзлы
 Найö отсавлөны ёна
 Съökыд кадö... Тыяс-юяс
 Сөстөм ваын — пыдын-пыдын
 Васаяслөн олаинъяс —
 Сэп семьясөн и öткөн
 Найö ворслөны жö ёна...
 Гөснечьяс век палы йöзыс
 Вайлывлөны, медым некор
 Йöзсö васаяс эз дойдны;

Мед эз гусявлыны скѳтсѳ
 Юяс вуджавлігѳн йѳзлысь...
 Дзирдалігтыр саридз весьтын
 Лѳбавлывлѳ вежа лѳбач
 Каленик, код югыд гѳннас
 Йисѳ югзѳдѳ ас увсьыс...
 Зумыш пармаысь сѳр арын
 Ыджыд кельѳбъясѳ сійѳ
 Чукѳртлывлѳ лѳбачьясѳ
 Лѳбны лунвылѳ — кор тѳлыс
 Кутас матысмыны...
 Уна,
 Уна Енмыс, Югыдмортѳй,
 Мнян кѳдзыд войвыв муын —
 Дзик быд пуын и быд изйын
 Олѳ Ен!
 А сямѳд дозйын
 Олѳ Вѳршуд — керка пытшкысь
 Шудсѳ видзысь-дорйысь Енмыс!
 Шева быдлаын жѳ олѳ —
 Пуысь, изйысь сійѳ ппесѳтѳ,
 Сѳсся немѳсьясѳ, йѳзѳ
 Овмѳдчѳ — тадз Енмыс ѳрлѳ
 Йѳзѳс, немѳсьясѳс частѳ...
 Мортлѳн лолын Орт на олѳ,
 Мортлѳн пѳлыс — вѳтѳн волѳ
 Сійѳ морт дорѳ, п шѳйтѳ
 Ортыд быдлаті; дзик ставсѳ
 Мѳвпьяс-кѳсйѳмьяссѳ йѳзлысь
 Сійѳ кылѳ-тѳдѳ... Морткѳд
 Оз быр сійѳ — мортыд кулѳ,
 Ортыд помтѳг вермѳ овны...
 Важся нимкывъяслысь вынсѳ,
 Вѳр-ваыслысь гусяторьяс
 Ог на, Югыдмортѳй, тѳныд
 Восьтны ѳтпырйѳ ме вермы —
 Зѳв на том тѳ!»

XXVI

Кывзіс Югыд
 Сьыланкыв Вѳрмортлысь, локтіс
 Гортас, бур кыв шуис: «Мамук,

Кывзі ме Вөрмортос-тунос —
Лунтыр сійо меным сьыліс:
Сьыланкывьясыслы некөн
Абу номыс; тунлөн эбос
Ок и ыджыд! Сійос венны
Косья ме, но тани, гортын,
Джеджим пармаын — ог вермы...
Вай жө лэдзлы менө, мамук,
Асыввылө — ветла сэтчө
Юр югдодны, велөдчыны!
Коркө сәсся локта сәтысь
Ыджыд вежөрабн — верма
Сьылөмөн Вөрмортос асьсө!»
Оксор-сарлөн вежа нылыс,
Райда, весьөпөрис-повзис,
Кодыр кыліс татпөм кывьяс
Югымортсянь — весиг синва
Сылөн чепөсйнс... И со кызд
Югымортлы вежа Райда
Вочавидзис: «Югымортөй,
Зэв на том тэ — водз на тэныд
Ылі муө мушны. Кула,
Кодыр коля тэтөг! Энөвт
Гөртсыд мушны гажтөм мөвпяс —
Регыд ачыл лоап князьөн
Джеджим пармаын! Тэд корся
Гөтырпу ас чужанінысь,
Биармияысь!»
И пансис
Ыджыд вензьөм: вежа Райда
Рыжөй тошка Яур-князькөд
Ылі муясө оз лэдзны
Югымортос... Сәки Райда
Мөвпыштис друг: «Тайө шөгсө
Тун Вөрмортным вайис-вөчис;
Биармияос сы понла
Вошти; чужан югыд Кардор
Мырддис сійо менсьым. Опі
Отка пий көсйө мушны
Ылі муясө, Из сайө,
Мед Вөрмортос венны... Вөтла
Джеджим пармаысь Вөрмортос!» —
Мөвпыштис да-й вөчис Райда
Көсйөмсө. Вөрмортлы тшөктис:

«Джеджим парманымѳс вай жѳ
 Эновт тэ, Вѳрмортѳй! Вешйы
 Бокѳ миянысь да ов сэн...»
 Муніс нималана сьылысь
 Джеджим пармаысь. Зэв шога
 Сьыліс, вѳрса ордым куэя
 Восьлалігтыр: «Ена жѳ нин
 Сьѳкыд мортлы тайѳ мирас...
 Олѳм кѳдзыдлушыс сѳйѳ
 Сьѳлѳм вынтѳ кадысь водэжык;
 Кияс-кокъясыс Вѳрмортлѳн
 Висьмисны... Ас чужанінысь
 Вѳтліс менѳ Райда ичмонь
 Биармия вѳсна лѳгѳн...
 Енмар-Енмѳй! Ньѳти менѳ,
 Сьылысь-ворсысьѳс, он жалит,
 Колин-эновтин... Шог лунъяс
 Исковтѳны менам нэмысь...»
 Тадэ Вѳрморт, тун, нимкыв тѳдысь,
 Эбѳс воштѳмвыивсьыс бѳрдіс,
 Сэки нем виччысьтѳг Енмар
 Гымыштіс да гымнас быттьѳ
 Сьылысь-ворсысь дорѳ гора
 Шыасис, и тун Вѳрмортным
 Енмар-Енкѳд наніс сѳрни:
 «Кылін, буракѳ, Ен-Енмар,
 Бѳрдѳм-норасьѳм Вѳрморттысь —
 Со тай, вочавидзин меным
 Гымѳн Енвевт вывсянь».
 Райда
 Кыліс Джеджимын гым шыѳ
 Енмарлысь да повзис-дзѳбсис
 Гортас медся пемыд жырйѳ...
 ...Коли дуп, и мѳд, и кѳймѳд —
 Лэбис казьявлытѳг тѳлысь
 Джеджимын, а Югыдморт век
 Асывсянныс немуд вѳйѳдэ
 Туйѳ вѳзйысис: «Ог вермы
 Джеджим пармаын ме овны —
 Муна асыввылѳ!»
 Гозья,
 Яур-князь да вежа Райда,
 Сэсся дѳзмисны жѳ коркѳ
 Сылѳн синваысь — кузь туйѳ

Лёсьбодісны Югыдмортёс...
 Рыжой тошка Яур, Ош-пи,
 Лыадорса вына Ош-пи,
 Выхь пыж ыджыд пожом пуысь
 Лёсалисны Югыдмортлы;
 Джеджим пармаса бур войтыр
 Отсалисны тайё пыжсё
 Лэдзны Эжва вылө; пыжө
 Югыдморткөд и Көртморт тшөтш,
 Багатыр да бур ёрт, пуксис...
 Пуысь вёлалөм Вөршудёс
 Сетис Райда Югыдмортлы
 Туй вылас; князь, рыжой Яур,
 Янсөдчигас Югыдмортлы
 Сетис сигудок, и Югыд
 Кутис гажапырысь ворсны
 Сигудокнас — бөрдтөг, гажөн
 Эжва вывті көсийө кывтны
 Дзибрёс пыжнас... Колльөдісны
 Матигөгөрсә зверь-пөтка
 Югыдмортёс... Бөрдис Райда,
 Синва кисьтис Эжва дорын —
 Лэдзны сылы Югыдмортёс
 Ылі туйё вөлі жаль зэв...
 Яур-князьлөн повтөм пиыс
 Йөткыштчис — и Эжва ньылыд
 Багатыр Көртморткөд, ньөв моз,
 Кывтны мөдөдчис — и төвзис
 Джеджим пармасынь пыр водзё
 Кокни пыжыс налөн... Яур,
 Рыжой тошка, вына Ош-пи
 Видзөдісны, кыдзи кывтө
 Дзибрёс пыжыс Югыдмортлөн,
 Казьтылісны сьёлөм дойөн
 Томлун ассыныс... А Райда
 Курыд синва сәні кисьтис,
 Ена пи вөснаыс шөгис...

XXVII

«Важся сыланкывьяс сэтшөм
 Сьёлөм вөрзёдана шаньбось!
 Вошті вежөр-этшөс дзикөда

Сигудёклён ворсан горысь —
Вуні ставыс: му-видз уджъяс...
Йёйми важся сыланкывйысь —
Со тай, йёлёга моз кылё
Вөръяс сайсянь важся сылан,
Быттё пёчөяслөн сёрни...
Комиморт ме, өткөн олысь,
Пос вылын (а тайё поссё
Корси чужан лунсянь өнөдз)
Сулала, и тайё поскөд
Позьё енвевтөдзыс кайны!»
Пожём-козъяс увтасінын
Сёрни панісны: «Выль дивё
Джеджим пармаын — Көртморткөд
Югыдморт лөз Эжва вывті
Кывтё асывылө, медым
Озырмөдны ассыс ловсё
Төдөмлунъясөн;
Вөрморт со
Собө-мунё пемыд вөрті,
Медым Висер дорё петны;
Райда сайкавлытөг бөрдө
Джеджим пармаын... Ок, уна
Миян олөмын сьөд шогыс!»
Юръяснаныс довкйөдлігтыр
Тадзи сёрнитісны пуяс —
Пожём-козъяс... Югыд чардби
Кодыр югнитлас, а сәсся
Ён гым йиркнитас — сәк ставөн
Шызылөны ләбач-зверьяс —
Пуяс сёрниысь сідз өні
Найё шызисны вөр пасьта:
Ош гөрд лыа берег вылө
Төвзё-петё; Югыдмортөс
Сійё аддзөдлыны көсйө.
А руд Көин парма пытніті
Тун Вөрмортлы кырсьё паныд,
Медым чолөмасьны ськөд;
Джеджим пармаөд ён йөра
Яур-князьлөн керка дорё
Мунө, медым өшинь улас
Кывзыштны, кыз бөрдө Райда...
Тадзи уськөдчисны зверьяс
Парма пасьта разі-пели:

Коді Эжва берег вылө,
Коді Джеджимө, а коді
Висер ю дорө — Вөрмортөс
Медым аддзөдлыны сэтысь...
А Вөрморт пыр водзлань муніс
Вөрса векни ордым кузя;
Еджыд, небыд яла вывті
Пырис козьяинө... Сэні
Быттё вольсалөма мусө
Чөдлач-чөдйөн, гырысь пув тшөтти
Гөрдөн мичмөдөма нитшсө —
Вотөсъяс Вөрмортлысь синъяс
Гажөдісны... Нюрөд муніс
Сылысь-ворсысь — туриясөс
Сэтысь аддзыліс; и радліс
Гырысь туринувлы сійө,
Тадзи мунігмөзыс сыліс:
«Немтор мичаджыкыс абу
Вөрсысь — быттё ыджыд керка
Сійө; аттё сылы ыджыд,
Мепө овмөдіс да... Аттё
Месянь тэныд, Енмар-Енмөй, —
Ас кадө тэ воин-локтін
Ме дорө — бур мөвлъяс өзтін
Лов пытшкын да мыла шыяс
Меным казтыліп — шань нимъяс
Сиктъяслөн веж парма пытшкыс
Лолын юргөны: о, Эжол,
Енмар ю вылын сикт Эжол!
Вөтася и Лөзым грезд ме
Вежа-лөза нөрыс йылысь...
Бара бурөдін, Вөрмортөс,
Енмар-Енмөй!»
Дыр на ветліс
Сылысь-ворсысь; быдлаө на
Сійө воліс...
Висер йылө
Вайис туйыс сэсся коркө
Сылысь-ворсысьсөс; руд керка
Сэні сулаліс. Вөрмортөс
Корис керкалөн көзьяйка,
Сизью-Гөтыр, сыкөд овны —
Татшөм сёрни сыкөд паніс
Рама нюмъялігтыр: «Кольчы

Менам керкаб да ло мем
Муса верөсөн нэм помөдз;
Воин сьолөм вылө меным
Тэ, Вөрмортöй. Көсъя тэсянь
Вайны кага ме... Ок, шуда
Миян олөм лоө сэки!»
Эз лысыт вензьяны Вөрмортыд
Сизью-Гөтыркөд, и лои
Сылы верөсөн...
На дорө
Висер вьвисянь котөртисны
Ыджыд Ош да пөрысь Көин;
На бөрся и сьөдбөжъяс тшөтш
Локтисны; Сан мудер Ручкөд;
Көчьяс, уръяс — вөрса зверьяс
Отшөтш шыасисны ставөн:
«Дыр нин виччысим, Вөрмортöй,
Тэнсьыд локтөмтө ми... Тэтөг
Сэтшөм гажтөм вөлі... Сьыв вай
Важся сыланкывъяс-мойдъяс,
Притчаяс тшөтш... Сигудөккысь.
Виччысям шань, мыла шыяс —
Вай эн дышөдчы да ворсышт...»
Эз ло паныд сьылөм-гажлы
Сизью-Гөтырыс Вөрмортлөн —
Важся сыланкывъяс сэки
Юрөбтисны
Сигудөклөн
Мыла шыяс улө гора!
Висер йывса зверьяс лөня
Кывзисны...
А кодыр ветліс
Вөр пытшти Вөрморт — сөдз шорьяс
Мылькьяс кестөд котөртигмоз
Сылы кевмысисны: «Велөд,
Сылысь-ворсысьöй, кыз колө
Ворсны-дзольгыны сөдз ваөн
Миянлы, мед тайö ворсөм
Тэнад сыланкыв кодь вөлі...»
Уркай перккөд пожөм йывсянь
Корисны Вөрмортлысь: «Кывзы,
Кутшөм омөля ми сылам:
Гип-геп, гип-геп, карля-парля...
Велөд миянөс тэ сьывны

Сьбөлөм вөрзбодана нора...»
Контар сёрнитис Вөрморткөд:
«Тэд-эд-тэд-эд-тэд-эд-леп-эд;
Ворсышт сигудокнад, сылышт —
Мыла шыясыд оз кувны.
Найөс видзам парма пытшкын
Быдмысь войтырлы». Ур тшапа
Китшкис-сералис, а сэсся
Кутис бөрдны: «Ой, Вөрмортөй,
Сыланон ог куж ме йозлысь
Ловъяс шызьбодны... Вай велөд
Ставнымөс тэ ас мозыд жө
Сывны мыла сыланкывъяс —
На вылын тэ сар, Вөрмортөй!»
И Вөрморт пыр сылис-ворсис —
Вөрса олысьясөс мудзтөг
Ышөдис, кызд вермис-кужис...

XXVIII

Поводьяс арся лои:
Войвыв саридзянь ёсь төвъяс
Бара пöльыштисны; вöрын
Пуяс шызисны.. Руд зэрысь,
Көдзыд зэрысь чуграяс тиöтш
Шызисны...
Со энъ ош бөрся
Ыджыд шыөн и ай ошъяс
Уськөдчисны... Вөрса Енъяс
Гуся туйястыс ёпа
Котралисны пуяс пөвстти
Арся зэр улын... А сэсся
Зэр бөрын лым петис — лөня
Кутис гартчигтырйи усьны
Юяс-тыяс, парма вылө.
Вара ланьталисны шога
Изъя мылькъяс костын шоръяс,
Ключьяс — гожея сыланкывным
Налон помасис...
Вөр-ваыс
Төвся сьökыд унмөн ставнас
Унмовсис дыр кежлө... Лымйөн
Шебрасисны паськыд видзьяс,

Джуджыд нөрысьяс... Ён йиён
 Дорис Войпель вөрса юяс;
 Шоныд маличаё козьяс,
 Пожомъяс да еджыд кызъяс
 Төбсисны...
 А Висер йылын
 Шоныд керкаын, лөнь позйын
 Тун Вөрморт зэв шаня-бура
 Сизью-Гөтырыскөд оліс.
 Сизью печкис лун-лун... Коркө
 Найё керка пытшкө Кырныш
 Пырис шонтысьны... «Нәм чөж ми,—
 Татшөм сёрни сійө паніс,—
 Лэбалам Му весьтти — вөръяс,
 Юяс, паськыд видзьяс весьтөд...»
 Кырнышлысь Вөрморт тадз со мый
 Юалис сэк: «Парма пытшкын
 Мый нин выльторъясыс? Висьтав...»—
 «Немтор чуймөдана выльыс
 Миян вөрын абу... Ставыс
 Мунө сідзи, кызди мунліс
 Енмөн шуөм-тпнөктөм серти:
 Мудзтөг рыжөй тошка Яур
 Мөвпалө, кыз эськө вөчны
 Нөшта озырджыкөн, бурөн
 Йөзлысь олөм; коньөр Райда
 Лун и вой пыр шөгсьө-бөрдө
 Югыдморт вөснаыс... Ош-пи,
 Лыадорса вына Ош-пи,
 Аслас кузнечаын пөся
 Дорө-вөчө мечъяс, шыяс,
 Гөръяс, косаяс ён көртыс —
 Парма пасьта кывмөн клёнгө
 Сылөн мөлөт, би киньясө
 Резсьө-койсьө дзирдөм көртыс;
 Югра видзысь Того князьсянь
 Көръяс вылын Яур дорө
 Воис морт, мед сійөс корны
 Ылі тундраё: «Князь Лого
 Тариола нывсө сетө
 Збой Тарьян сайө!
 Князь Яур,
 Райда гөтырыс да, зіля
 Туйө лөсьөдчөны... Тэвө

Тшотш, Вөрмортöй, кöлысь вылас
 Нуодöны: тэнö Райда
 Век на радейтö, оз вунöд...»
 «Пöрысь Кырнышöй, вай дугды
 Менö пöрйöдлыны», — татнöм
 Вöли воча кыв Вөрмортлөн
 Кырнышлы...
 Вөрморт туй вылас
 Вердiс Кырнышöс зэв бура
 Чöскыд идйөн — лэбис Кырныш
 Ылö вөр сайö... Вөрморт сэк
 Ордас сигудöксö босьтiс,
 Сылысь вөрзöдiс струнаяс,
 Сэсся Енмöс ошкан сылап
 Пöся горöдiс: «Ен-Енмар!
 Помтöм вынйöра тэ збыльысь!
 Кутшöм чужöмбаныд тэнад
 Шань да мича — енвевт кодъыс!
 Кодi гөгөрвоö тэнö,
 Кодi лолас тэнö босьтö,
 Кодi ошкö енвевт мичсö,
 Кустöм мичсö, көнi шондi
 Аслас помасьлытöм туйöд
 Кайö-лэччö; югыд тöлысь
 Кöпи ыжъясöс моз видзö
 Зарни кодзувъяссö нэмъяс —
 Бурлуныд сы дорö тэнад
 Помтöм, Енмар-Енмöй миян!
 Тэөн чужтöм-вöчöмторйыс
 Ставыс чуймöдана мича
 Енвевтын и енвевт улын,
 Му вылын и океанын!
 Менсьым юрбитöмöс, Енмöй,
 Пыдди пукты да эн ёр вай,
 Ковтöм вöчöмторйысь прöстит...»
 ...Шондi лунвывланыö водзö
 Мунiс-вешийс; кокни лымйөн
 Тöлыс коз да пожöм йывъяс
 Тöбис мичаника... Туйяс,
 Изъя джуджыд нöрыс-мылькъяс,
 Нюра увтасiнъяс — ставсö
 Тыртiс Енмар еджыд пызьөн;
 Көдзалiс и парма пытшкöс
 Быттьö ломтывтöм важ керка,

Сбмын еджыд тошка Войпель
 Отнас шиковгис-луйсис вöрын...
 Сизь Вöрмортлөн керка дорö
 Локтис, коз пу вылö пуксис,
 Кутис тотшкöдчыны зила —
 Пучейясöс сийö корсис
 Коз пу кырсь улысь, а сэсся
 Козсянь пожöм пуö сизьыд
 Вуджис-лэбис; пожöм пуас
 Водзö мый вермöмсьыс таргис...
 Сэки петис сылысь-ворсысь
 Кильчö вылас, еджыд нася,
 Гын сапöгъяса, и аддзис
 Мусö, енвевтсö вөр весьтысь.
 Сизькöд сёрни панис:
 «Сизьöй,
 Мый сэн тотшкöдчан тэ? Вöрсö
 Дзоньнас полошуйтан? Бурджык
 Вай Вöрморт динö тэ пырав —
 Верда тэнö чöскыд идийөн!»
 «Дзик öд некор, — сера Сизьыд
 Вочавидзис тадз Вöрмортлы, —
 Колö упджык меным корсьны
 Пучейясö — тасянь матын
 Гöтыр виччö паськыд лапъя
 Коз пу вылын, дасьтöма нин
 Меным кывлытöм на мойдъяс...
 Видзöд — тэ динö, Вöрмортöй,
 Тури-Морт ён көръяс вылын
 Локтö Джеджимсянь!» И збыльысь
 Пуяс сайсянь регыд петис
 Тури-Морт... Ён көръяс вылын
 Сийö воöдчöма татчö...
 «Тэд, Вöрмортöй, — шуис Тури, —
 Мöдöдöны ыджыд чолöм
 Яур-князь да Райда ичмонь;
 Тэнö виччысьöны ёна
 Джеджим пармаö... Тэ пакöд
 Джеджим пармасынныс мунап
 Ыли тундраö. Князь Того
 Збой Тарьян сайö öд сетö
 Тариоласö, шань нывсö, —
 Кöлысь вылас дона гöстьөн
 Лоан тэ!»

И Сизью-Гӱтыр,
Тайӱ сӱрни кылӱм бӱрын,
Пачсӱ ломтис жара, пуис
Идья рок, сур вайис-лӱптис
Пызан вылас;
Ок, и бура
Тури-Мортӱс гозья найӱ
Гӱститӱдӱсны... Зӱв ӱна
Воис сьӱлӱм вылас гӱстьлы,
Тури-Мортлы, гозья ордын
Олӱм-вылӱмыс... И мунис
Тури Джеджимӱ, мед князьлы
Висьтавы тун Вӱрморт йылысь...

XXIX

Помтӱг Комимортлӱн сьылан
Юргӱ; важея мойдлӱн помыс
Оз жӱ тыдав — ой ӱд ыджыд
Му выв олӱмыс...
«Ме мудзи
Сьывнысӱ, да-й сигудӱкӱй
Ланьтис тшӱтш... А вӱльнӱй светас
Ыджыд вӱвлӱмторйыс ставыс
Важас кывтӱ ӱдйӱ!..
Кодӱ
Туйсӱ восьтас меным? Кодӱ
Сьыланкывйӱс помӱдз сьывны
Отсыштас? Тӱ, Енмар-Енмӱй,
Отсӱг сетан, Комимортлысь
Олӱм нюжӱдан: зӱв дыр на
Ворсны сигудӱкӱн кута;
Дыр на сьылӱмысь ог ӱвсы!
Гуся ордымъяссӱ вӱрысь
Тӱда ставсӱ ме — и мойдыс
Вурун тупыль моз жӱ вӱрӱд
Мунӱ-гӱгыльтчӱ...
А кытчӱ
Кывтӱ-мунӱ Му выв Олӱм, —
Тӱдӱ Енмар-Енмыс; сйӱс
Кора отсалыштны меным
Помӱдз сьыланкывйӱс сьывны...»

Воом оз көрөн нин өвтө
 Пармасынь... Но ті эн шуой —
 Комиморт пө кынөм йывсьыс
 Сөмын мөвпалө...

Дзик мөдтор
 Талун шензьөдома сійөс —
 Изьва изъя кыркөтш вылысь
 Кыліс сёрни Комимортыд
 Пуяслысь...

Ю чужаніны
 Сулаліс зэв нашкыр сус пу,
 Бытбө пөрысь мортлөн, сылөн
 Ёсь зэв вежөрыс... И со мый
 Мукөд пуясыслы сійө
 Висьталіс: «О, муса чойяс,
 Пожөм-козьяс, тусяпуяс,
 Ныв пу, ловпу, ыджыд дивө
 Лои пармаын: князь Яур,
 Сылөн гөтыр, вежа Райда,
 И Вөрморт тиөтш, сылысь-ворсысь,
 Пельк да кокни корадоудбөн
 Бара петөны кузь туйө
 Войвылө ён көръяс вылын:
 Райда — гөрдөн эжөм пася;
 Еджыд маличаа — Яур;
 Съөд, кузь гөна съөкыд пася
 Сылысь-ворсысь...

Парма вомөн
 Изьва юлань көръяс вылын
 Найө төвзбөны — князь Того
 Корис көлысь вылө найөс;
 Сійө, тундра видзысь, сетө
 Тариола автя нывсө
 Збой Тарьян сайө.

Ті өні
 Менсьым жоаланныд, чойяс:
 «Көні Лыадорса Ош-пи,
 Киподтуя, выпя дорччысь?»
 Пөрысь сус пу, тіяны ме
 Висьтала, мый кольчис Ош-пи
 Джеджим пармаө, мед видзы
 Эмбур Райдалысь...

А Райда

Эз став сьёлёмсяньыс туйö
Петны лосьодчы — князь Яур
Сийöс эскöдiс, мый колö
Эновтлыны Джеджим парма:
«Парма мичмöдысьбöй, Райда,
Петав керкасьыд — öд мичлун
Ассьыд тадзтö регыд воштан,
Он и ланьтлы, шогсян-бöрдан
Югыдморт вöсна... Вай шогтö
Кöть нин мыйкö дыра кежлö
Вунöд — Того-Лого ордын
Гажöдчыштам». Райда сэсся
Эз кут пыксьыны...

Зверь-пöтка

Шызисны став Эжва пасьта —
Найö виччысисны пöся
Райда ичмоньöс, сар нылöс:
«Локтысь йöзлөн туйыс татчö
Лоö шылыд: чорыд чарöм,
Перыд кокъяса ён көръяс!..» —
Изьва кыркöтшывывса пуяс
Тадзи вашкöдчисны...

Яур,

Райда ичмонь и Бöрморт тшöтш
Зуд кодь чарöм вывтi водзлань
Мудзтöг писькöдчисны — лымёйс
Уна лыда дона изйöн
Ворсiс толаясын...

Регыд

Лымъя Изьва, паськыд тундра,
Того-Лого князьлөн чомъяс
Налы мыччысисны... Көръяс
Гыжъяснаныс тундра пасьта
Чарöм жугöдлiсны — увсьыс
Нитшсö судзöдiсны — оз тай
Тöвнас кокниа шед налы
Кынöмпöтныс...

Сьылысь-ворсысь,

Сюся көръяс вылö дзоргиг,
Шуис веськыда: «Шань ёртъяс,
Райда, Оксор сарлөн нылук,
Яур, рыжöй тошка князьбöй,
Видзöдлöй жö көръяс вылас —

Кутшом съокыдырысь найё
Судзодоны ягель-нитшсё
Лым да йи улысь! Тадз найё
Товнас вердсьоны, мед сэсса
Самоедъяслы чиг яйсё
Сетны сёйны, а сөдз вирыс
Самоедъяслы жё юны
Вичмас көръяслөн... Гён-кучик
Мунас паськом вылө; сюрсьыс
Тасьтi-паньнысё яранъяс.
Вөчалёны!
Дона көръяс!
Енмөн муса чужтомторъяс —
Тiянтөг оз вермы овны
Мортыд тундраын... И кызди
Ыждодлыны меным, көръяс,
Тiянёс? Кыдз лышкылдунтё
Донъявны?
О, му выв олём —
Ловтё шемөсмөдан дивө!» —
Со мый шуис сылысь-ворсысь.
Сэсса сигудөксё босьтис,
Кутис сывны-ворсны... Сэки
Көръяс ворсысь дорё ставныс
Котөртисны да Вөрмортлысь
Нюлынтисны чужөмбансё,
Сэсса ас костаныс дурны,
Ворены-люкасьны лым пиын
Найё кутчысисны — быттё
Сигудөклөн шыяс улө
Йөктисны... А ёртъяс: Яур,
Рыжөй тошка Яур, Райда,
И Вөрморт тшөтш, сылысь-ворсысь,
Бөрдзисны — од сэтшөм шаня
Гажөдчисны тундра пасьта
Перыд кока мича көръяс...

XXXI

Того-Логолөн гөрд чомйын
Ыджыд көлысь пансис. Гөстьяс,
Тундра кутысь старшинаяс,
Уна бинур гөгөр кытшөн

Тшана пукалісны; накөд —
Ылі муысь воөм гөстыяс;
Збой Тарьянкөд пуксис орччөп
Тариола — арся вой кодь
Сылөн көсаыс, а снпъяс
Быттьө кодзувъяс. Гөрд нойысь.
Сөвик пытшыкыш сійө быттьө
Воөм оз тусь!
Сыкөд орччөп
Пуксис верөсыс — Тарьяныс;
Сямдей-сар, Тарьянлөп батыс,
Низьяс куясысь бур пася
Сэн жө вөлі; Того-Лого
Эз жө бокө коль — нир вылын
Пыдди пуктанаөп оліс!
Тариола нывлөн батыс,
Сарго-Яга, нимкыв төдысь,
Еджыд пимияса кокъяс
Улас сюркнялөмөн, йөзсянь
Бокинджык, көр куяс вылын,
Өтнас пукаліс... А өртъяс —
Рыжөй Яур, сылөн гөтыр,
Райда, пармаса шань дзоридз.
И Вөрморт тшөтш, сылысь-ворсысь —
Самоедъяскөд зэв бура
Гажөдчисны; сөян-юап
Налы сьөлөм вылас воис:
Көрлысь чөскыд, юмов вирсө
Юисны. А Райда ичмонь
Чөсмасис гөрд чери ййөн;

Көръяс сюръясысь ён сурён
Чёскыд сёянсё бур гөстъяс
Кылөдісны... Регыд налөн
Сёрни гораммис да тшапмис —
Гөстъяс гажмисны — и сэки
Сарго-Яга сигудөксё
Босьтіс, кутіс гора сывны
Тундра сьылан: «Тариола —
Авъя нылөй! Еджыд нитш тэ
Паськыд тундраын; веж турун
Ю дорын; тэ — нөрысбокса
Кисьмөм пув! Ло, Тариола,
Шудаён Тарьянкөд!» — тадзи
Сьыліс, ворсіс Сарго-Яга
Того-Логолөн гөрд чомйын...
Сэки босьтіс сигудөксё
И Вөрморт тшөтш — пөся сывны
Сійө горөдіс: «Вай волөй
Енъяс енвевтсъяныд татчө,
Миян дорө — нимкодясьöй:
Тариола нывлөн мичыс —
Бытьö тувсов быдмөг-дзоридз;
Бытьö юлөн югыд эзысь;
Бытьö асья кыа зарни;
Бытьö пожөмъяслөн ыргөн
Рытнас, шонді пыран кадө...
Тариола мичлун водзын
Кельдөдө и вөр-ва мичлун;
Сылөн кок улыс — лөз тыяс,
Лымъя тшөтшкөсінъяс... Вөрса
Лудік турунлөн гөрд дзоридз —
Тариолалөн гөрд паръяс...
Синлысьясыс вежа нывлөн
Шера кымөр кодь жө сьөдөсь;
Сылөн джуджыд морөс кодьбөсь
Еджыд кымөръяс... Шань нывлөк
Синкымъясыс — бытьö гөныс
Лэбач Калениклөн...
Синъяс,
Тариолалөн сьөд синъяс —
Лэбачъяс лөз епэж отас...
Тариола, ошкынысө
Тәнсьыд мич да сьөлөм шоныд
Кывлөн озырлун оз тырмы...

Нюммунап тэ — мияп ловъяс
 Озъясны тшөтш... Шогө усылан —
 Мияп синваным тшөтш петө...
 Епмөн медбөръя, медмича
 Чужтөмтор тэ!
 Тэын ставыс
 Гөрддзасьөма — шуд и синва;
 Сьөлөм вөрзьебдана мичлун
 Олөмыслөн; важся мойдлөн
 Гусяторйыс; сэтшөм нөдкыв,
 Көдөс төдмавын он вермы;
 Банйөм кыа югөр;
 Йөзөн
 Корсьны позьтөмтор;
 Сьөдбөж тэ
 Тундраын. Дзор саридз дорын
 Еджыд юсь!
 Веж тувсов дзоридз,
 Нюмъялигтыр сыланкывйөс,
 Сигудөклысь ворсан шысө,
 Босьт вай сьөлөм бердад; шонты
 Лов шынад көть, Тариола,
 Миянөс, гөль сылысьясөс...»
 Бөрддзис сэсся Тариола
 Тун Вөрмортлысь сылапкывсө
 Кыззөм бөрын; и бур өртъяс
 Сэки нормисны да дыр зэв
 Бөрдисны сэн кутчысьөмөн...
 Пузис Сарго-Яга, скөрмис:
 «Ак, Вөрмортө, мудер ручө,
 Кимөститчан — гөстьясөс со
 Смилитин! Час, асьтө өнi
 Лөк сьөд нимкывйөн ме кера,
 Пөрта пиньтөм пөрысь зверө —
 Көипө! Тэ мияп дорысь,
 Чомйысь, весась!» — тадзи крапкис
 Чорыд кывъяс Сарго-Яга.
 А Вөрмортыд вежа кывъяс
 Шуйс паныд: «Чугра йывсянь
 Лэбач Рык, тэ быдтор аддзан —
 Сарго-Ягаөс став лөксьыс
 Пөрт вай, Рыкөй, помысь көчө!»
 Повзис сэки Сарго-Яга,
 Но эз удит немтор вөчны,

Өти здукөн лои көчөн —
 Чомйын чеччалё, көр сюръяс
 Да пёсь юква тыра рачьяс
 Жуглө-пөрлөдлө... А сэсся
 Скачөн сорён чомсьыс ортсө
 Чепөсйис да лымъя эрдті
 Мөдіс пышйыны, а бөрсьыс
 Уськөдчисны кыйсьыс понъяс...
 Көлысьыввса гөстьяс ставныс
 Повзисны да өтсөгласөн
 Корисны: «Вөрмортөй, прөстит
 Ыкшасьөмсө Сарго тунлысь,
 Бөр вай бергөд сійөс мортө...»
 «Мед нө тиян ногөн лөб,
 Гөстьяс-вокъяс... Сета бөр ме
 Сарго-Ягалы морт чужөм» —
 Шуис тадз Вөрморт да кияс
 Лэптис енэжлань: «Рык лэбач,
 Кыв Вөрмортөс — Сарго тунөс
 Бөр вөч мортөн!» Здукөн Сарго
 Пөри мортө — петкөдчыліс
 Сійө гөстьяслы, а сэсся
 Мунис удтыны Вөрмортөс
 Мамыс дорө, Войвыв муө.
 Регыд Войвыв саридз дорын
 Найө аддзысисны — мамыс,
 Сариолаыс, да пыис.
 Норасис сы йылысь Сарго,
 Кыдзи сійөс көлысь вылын
 Увтыртис Вөрморт.
 «Тэ ачыд, — вочавидзис Сариола, —
 Сыысь мыжа, дона пийө.
 Тун Вөрмортөс мыйла дойдін
 Ыкша кывйөн?
 Гөгсьыд вылө
 Он өд чеччышт, а Вөрмортыд
 Войвыв пасьта тунъяс пөвстын
 Медся вежөра, медвына...»
 Но, а Того-Лого чомйын
 Водзө пируйтисны гөстьяс,
 Уна рөма пася нывъяс
 Со мый сылісны чом бердас:
 «М-га, м-га, тайө вөлі
 Еджыд тундраын зэв важөн:

Каравангъясѳн ѳн кѳръяс
 Ветлывлісны саридз дорѳ;
 Зарни, кокни дадьяс вылын
 Самоедгъясѳс зѳв ѳдйѳ
 Новлѳдлісны тундра кузя
 Перыд кѳръяс, а кузь туйыс
 Изумруд рѳма веж турун,
 Тыяс, висгъяс, юяс бокысь
 Козьनावлывліс; туриясѳс
 Изгъя крежгъяс весьтысь пайѳ
 Аддзывлісны... Да и юсгъяс
 Кытшлавлісны кѳръяс весьтып...
 М-га, м-га, уѳсако —
 Вайгач дй вылын — зѳ-ѳв ылын
 Изйысь лѳсалѳм пѳль Енлы
 Му бердѳдзыс самоедгъяс
 Копыртчылісны да пѳся
 Бпа изйысь сылысь кияс
 Окалісны...
 Уѳсако,
 Изйысь лѳсалѳм пѳль Еныс,
 ѳпй чѳскыда зѳв узьѳ
 Дйа-муа кост виямас
 Кѳдзыд гыяс дорын... Коркѳ
 Сйѳ садгъмас: «Тариола,
 Оз тусь,— шуас — чолѳм тѳныд!
 Шуда да уна мича козин
 Тѳныд ваяс, Тариола!»—
 Чом дорып тадз яран нывгъяс
 Сгъылісны...
 А гѳстгъяс сѳсся
 Вермасгъны чом водзас тшапа
 Петісны да воча морѳс
 Кутчысисны — Яур-князь сѳн
 Медся ѳннас лои: сйѳс
 Некод личкыны ѳз вермы
 Чорыд чарѳм бердас. Гѳстгъяс
 Ошкыштісны Яур-князьѳс,
 Сѳсся чомйѳ пырисны бѳр...
 Ок, и юргис гажа кѳлысь
 Того чомйын!..
 ...Енѳж шѳрѳ
 Со и выль тѳлысь нин чужис —
 Пѳльыштісны шоныд тѳвгъяс —

Лым пин сывны пондіс, шоръяс
Садьмалісны, дзодзюг-юсьяс
Лунвывсянь ас чужан муас
Мөдөдчисны — лэбач шысө
Налысь кылісны бур гөстьяс
Того-Лого чомйын — туйө
Ставөн лөсьөдчисны петны;
Лөсьөдчисны сьөкыд туйө
И Тарьян да Тариола —
Сямдей виччис найөс ёна
Дзор Печора вылө... Того
Чомсө косяліс да доддяс
Тэчис, сэсся перыд көръяс
Чукөртис да петис туйө —
Саридз дорө караванөн
Самоедьяскөд...

А Яур

Райдаыскөд, и Вөрморт тшөтш,
Гуляйтисны тундра пасьта,
Ветлісны и саридз дорө,
Сэсся Джеджимө бур гозья
Локтисны бөр...

А Вөрмортным

Висер вылө мөдіс өтнас
Сизью-Гөтыр дорас...

XXXII

Петис

Кымөр сайысь югыд шонді
Банйөм чужөмбаннас — сійө
Небыд гөн пиын моз узьлө
Кымөръясын... Асывводзнас
Сійө енвевт шөрө петис —
Быттьө шоньд позсьыс лэбач;
Кутис ыпъявны — му вылө
Кисьтны гожся жарсө... Шензис
Шондіыслы тун Вөрмортным,
Сэсся шуис: «Енмар-Енмөй!
Аслад дивөясөн йөзсө
Шемөсмөдін — налысь синъяс
Восьтін Олөм вылас!
Кутшөм

Шань тэ, миян ыджыд Батьным!»
 Асыв воомсö и сус пу
 Аддзыліс да шыасис тшöтш:
 «Дивö кыкторйысь мен: шензя
 Вөр-ва мичлуныслы — шонді
 Пыран-петан кадлы; шензя
 Нöшта мортлöи йöйлун вылö —
 Тайö олöмас — öд ачыс
 Райда Югыдмортöс лэдзис
 Ылі туйö — öні сэсса
 Бөрдö, кисьтö курыд синва.»
 «Менам сө зөлöта пийö,
 Менсьым шудöс гусялысьöй, —
 Эзысь тöлысь! Югыд шонді!
 Коді нимкодьясьö тээн?
 Гашкö, абу нин тэ ловъя?
 Гашкö, лöз синъястö важöн
 Кырныш кокаліс? Вир-яйнад,
 Гашкö, чöсмасис руд Кöин?
 Шогсö сьөлөмöй оз терпит,
 Ковмас кыз му улö пырны...
 Каленикöй! Вежа лэбач,
 Лэбзьыв татчань — Югыдмортöс
 Вайлы мыш вылад — ме сійöс,
 Дона пийöс, морöс бердö
 Пöся топöдла... Дзор козьяс,
 Ныввьяс, пожöмъяс да кызьяс,
 Менö жалитыштöй — вайлöй
 Недыр кежлö Югыдмортöс.
 Сылысь окышта ме бансö
 Кöть нин öтчыд — сэсса-й кувны
 Позяс!
 Киссьы, югыд синва,
 Коньөр Райдалөн — дзик некод
 Менö бурöдны оз вермы...
 Пемыд пармаын зэв шуштöм,
 Джуджыд вөрьясын зэв гажтöм,
 Шог и ю вылын... А шудыс
 Абу му вылас... Шань пийöс,
 Югыдмортöс, Енмöй, вайлы
 Здук кежлö кöть!» —
 Тадзи бөрдис
 Райда ичмонь. Бөрдөм шысьыс
 Дзоньнас парма да и енэж

Шызисны! Рык, вежа лэбач,
 Гордiс Из чугра йывсянь,
 Борднас шенаситгыр: «Енмар!
 Кывзы миянӧс да тӧдмав
 Зарни небӧгсьыд — кор локтас
 Югымортным Джеджим гортас?»
 Вочавидзис Енмар-Еп сӧк:
 «Со мый небӧгысь ме лыдди:
 Джеджим пармаӧ ок дыр на
 Оз лок Югыморт... А Райда
 Дыр на шогяс-бӧрдас, сӧсся
 Аслыс гаж вылӧ да-й чужтас
 Питор — нимсӧ пуктас Майбыр...»
 Коли кад, и шогалигас
 Кыліс гырк пытшкӧссьыс вӧрзбӧм
 Ловъя ловлысь миян Райда:
 «Тайӧ вӧрӧ пытшкын кага —
 Сидзкӧ, колӧ овны лӧня,
 Медым ловъя лолыс пытшкын
 Эз жӧ доймы!..»

XXXIII

Вӧлі гожӧм
 Югид пармаын... Ок, вылын
 Кымӧръясыс нӧжйӧникӧн
 Кывтисны лӧз енвевт эрдті —
 Быттӧ баля котыр муніс...
 Из сайын, зӧ-эв ылын, кывтіс
 Паськыд ю... Ю берег вылас
 Пожӧмъяс да козъяс лӧня
 Вашкӧдчисны; сӧстӧм ключьяс
 Сельӧдчисны...
 Казявлытӧг
 Кадыс исковтiс. Зӧв мича
 Зонмӧс чужтіс вежа Райда;
 Дыр иин сійӧ, коньӧр, шогенс
 Югыморт вӧснаыс... Ӧні
 Шогсӧ пальӧдысьыс лоп.
 Райда еджыд морӧс вылысь
 Быттӧ из усн...
 Но век жӧ

Яур-князькөд Эжва дорө
Райда петавлывліс... Князькөд
Эжва вылө найб өна
Дзоргылісны — оз-ө мыччысь
Югыдмортлөн дзибрөс пыжыс?
...Кустсянь кустө Эжва кузя
Сбмып быг кылаліс...
Вояс
Джеджим пармаын зэв лөня
Мунісны,— и Майбыр зонка
Кызкө төдлытөг и быдмис...

XXXIV

Вөр сайсянь со ыргөн төлысь
Кывтис-петис рытнас; сійө
Вөлі би кыв кодь — дзик быттьө
Көнкө ылын сотчис вөрыс:
Пемыдыс сьөд тыын моз кайис
Парма сайсяньыс...
Вөрморт-тун,
Сбылысь-ворсысь, кильчө вылас
Шога пукаліс да дөмис
Киссьөм көмкөтсө... А Сизью,
Сылөн гөтыр, муніс вөрө
Мөс лысьтыны — да и сөрмис
Локны бөрсө... Нөшта шогджык
Тун Вөрмортлы лои — сійө
Мөвпыштис тадз кильчө вылас:
«Он и төдлы, кызди кольө
Миян олөм, и став йөзыс
Вунөдасны миян йылысь;
Вунөдасны-й сійөс ставсө,
Мый ми вөчлім — удж да сямлун
Кытчө тырмис миян!» — думъяс
Сьөктөдісны юр Вөрмортлысь...
Көк шыяс сэк парма пытшкысь
Кылісны — Вөрмортлань кодкө
Локтис гусьөнникөн. «Көді
Сэні дзебсясьб?» — Вөрмортным
Тадзи мөвпыштис, а вөрысь
Сэки нем виччысьтөг петис
Яур-князь да кильчө вылас

Кайис сьылысь-ворсысь дорö:
 «Ылі Биармия мусьян
 Гажтöм юөръяс öд мепым
 Воисны, Вөрмортöй! Кывзы,
 Кызди вöлі ставыс — дорвыв
 Тэныд висьтася ме: гортын
 Джеджим пармаын зэв бура
 Олі-вылі... Мыйкö понйöй
 Кутіс увтчыны: ныр-вомсö
 Вывлань лэптöма, дзор козлань,
 Увтö лун, и мöд, и коймöд —
 Кокнас увсьыс мусö чашйö!
 Козсö видлалі — дзик тыртöм,
 Некод лапъяс вылас абу,
 Весиг урпийс эг казяв...
 «Лёк водзын тэ, понйöй, увтчан», —
 Сэки думышти... Лун мысти
 Козтö кералі ме... Козсьыд
 Вöчи пыж да Туримортöс
 Ысті Ош-пикöд кузь туйö —
 Эжва ньылыд коз цу пыжыд
 Ачыс, отсавтöг, и вөрзис!
 Лэччылісны Эжва ньылыд
 Туриморт да вына Ош-пи —
 Биармияысь кык ёртыд
 Вайисны зэв гажтöм юөр:
 «Рочьяс Биармия вылö
 Тышöн локтöны, а регыд
 Миян вылö вельмöм рочьяс
 Уськöдчасны!»
 Тöд, Вөрмортöй, —
 Öнi вына йöзыс миян
 Абу уна — и Кортмортöс
 Югыдморткöд кад нин корны
 Джеджим пармаö — öд гортныс,
 Чужаніныс, налөн сәні!
 Босьты сигудöктö, другö, —
 Горöд важся сьыланкывьяс;
 Важся нимкывьяс тиöтш горöд,
 Джеджим гортаныс кык ёрт мед
 Локтісны бөр!» — татшöм сёрни
 Паніс Яур-князь Вөрморткöд...
 Босьтіс сигудök Вөрморт сэк,
 Сымысь вөрзёдіс струнаяс —

Мыла шыяс, зарни шыяс
 Юрөбтисны!..
 Ассыс томлун
 Князьлөн казътывсис, и бөррдзис
 Яур-князь, а сшылысь-ворсысь
 Сывны горөдiс: «Ми важ моз,
 Енмар-Енмөй, тэныд эскам!
 Тэ вылө и лача кутам —
 Мулөн сэрөгын ми олам,
 Орччөн олысьясөс некор
 Огө вөрзёдөй ми ковтөг!
 Енмар-Енмөй, Ыджыд Енмөй,
 Джеджим пармаө бөр вайөд
 Югыдмортөс да Көртмортөс:
 Найө зэв өд өни ёна
 Сэни колөны — лөк йөзысь
 Натөг кодi сэсся доръяс
 Чужан му да муса парма?
 Пемыд вөрөй! Вежа вөрөй!
 Тэныд кевмыся ме! Нывъяс,
 Пожөм-козъяс! Сигудөкөс
 Менсьым кывзөй; Югыдмортөс
 Гортас вайөдөй бөр — юөр
 Сылы пусянь пуө нуөй:
 «Джеджим пармаө зэв ёна
 Виччысьөны Югыдмортөс —
 Кад нин гортас, мам-бать дорас
 Сылы локны!..» Пемөс-пөтка,
 Тиян дорө шыася тшөтш;
 Чорыд сьөлөмаөп эн ло
 Ошкөй — мукөд ошлы тшөкты,
 Медым юөр тайө водзө
 Нуисны: «Сибирись важөн
 Югыдмортлы гортас локны
 Воис кад!»
 И тэ, руд Көин,
 Эн ло веськодьөн — тшөтш төждысь
 Джеджим парма понда: тшөкты
 Аслад рөдвужлы — Сибираc
 Нуисны мед Югыдмортлы
 Тайө юөр: «Югыдмортөй,
 Джеджим пармаып зэв ёна
 Тэнө виччысьөны — лок вай!»
 Кузь пельяса полысь Көчпль,

Йоктан-гаждочан, а бурджык
 Горд кочьяслы, мед найо
 Юбр нуисны Сибиро:
 «Югыморт! Тэ всна Райда
 Джеджим пармаын век бордо!»
 Корсой, кочильяс, Сибирас
 Кони Югымортыс оло?
 Кырныш, весьшорё эн пукав
 Джуджыд пожом йылын — лэбзыв
 Из-Урал сайо, Сибиро,
 Югымортос корсь да висътав:
 «Джеджим парма видзысь-дорйысь!
 Боршуд йылысь, Югымортый,
 Кад тэд думыштлыны!» Вөр-ва
 Шызис, гораа зэв шуис:
 «Корой, корой Югымортос
 Джеджим пармао Сибириысь —
 Локтан здукыс сылы воис!..»
 Лэбач Рык Из чугра йылын
 Вөрзёдчис тшотш: веськыд синнас
 Сий видэбдліс Сибиро;
 Шуйга синнас сийо дзоргис
 Джеджим пармао — кыз кывто
 Сэни Оломыс.
 «Ен-Енмар,
 Зарни небөгто тэ восьтыв,
 Видзод — збыль-о воис кадыс
 Югымортлы локны гортас?»
 Лыддис небөгсьыс Ен-Енмар:
 «Кад Сибириысь локны гортас
 Югымортлы».
 Здукон сэки
 Вөрын шызисны став пуяс;
 Кок выланыс вөрса зверьяс
 Сувталісны; лэбачьяс тшотш
 Качөдчисны енвевт бердас —
 Аддзисны од Югымортто:
 Бариткула ордын сийо
 Буретш гөститіс та кадө.
 Кырныш Из сайо, Сибиро
 Лэбзис; Ош, руд Көин, Көчиль —
 Ставоп уськөдчисны сэтчө!..
 Коли лун, и мөд, и коймөд —
 Төв ныр өдөн лэбис вежон,

Яур-князь Вөрморткөд водэ
 Пукалісны кильчө вылас...
 Нем виччысьтөг парма сайсянь
 Петіс Кырныш да Вөрмортлөн
 Керка весьтө шывгис-локтіс...
 «Кур-лы, кур-лы, — шуис Кырныш, —
 Джеджим пармаө өд локтө
 Югыморт Сибирись — сійөс
 Виччысьөй да папыдалөй, —
 Аддзысьлытөдз, кур-лы, кур-лы!»
 Ош и Көин, польсь Көчиль
 Тун Вөрмортлөн керка дорын
 Висьтасисны: «Ой, Вөрмортөй,
 Джеджим пармаө Сибирись
 Югыморт локтө, ми ставным
 Мунам сы дорө!»
 Кык ёрт сэк,
 Яур-князь да сылысь-ворсысь,
 Бөрдзиспы да шуда снва
 Дыр на кисьтісны...

XXXV

«А менам
 Рытлань катовтчис нин лунөй —
 Пырис шондіөй вөр сайө,
 Да и чужөм-нетөм төлысь
 Джынъя со нө енвевт шөрас...
 Мойдөй помланьыс жө воө —
 Ог өд кык нэм ов ме!.. Гажтөм,
 Гажтөм Комимортлы... Регыд
 Ковмас сигудөкөс сетны
 Быдмысь войтырлы — мед найө
 Асьныс сьылісны важ олөм,
 Биармиянымөс тпөтш и...
 Ассым сыланкывлысь помсө
 Аддза нин ме — регыд ланьта...
 Но кызд луныс кусөм бөрын
 Дыр на, дыр на рытъя кыа
 Ворсө бордьяснас вөр весьтын,
 Ю весьтын да — сідзи-й горыс
 Менам ланьтөм сигудөклөн

Парма весьтын юргас дыр на!..»
 ...Сійө кадө Му выв Олөм
 Водзө казавлытөг мунис:
 Гожөм арөн вежсис, арсө
 Еджыд пася төв со вежис —
 Йиысь пөртмасьысь дворечьяс
 Лэптис быдлаө!..
 Но тулыс
 Нем жалиттөг шондi жарнас
 Сывдис төвлысь мича уджсө.
 Қоркө сәсся Джеджим весьтын
 Қывсис: «Эжваөд нельк пыжөн
 Локтө Югыморт, а ськөд
 Бариткулалөн шань нылыс,
 Югымортлөн авъя гөтыр —
 Дуур-Қури-Таритгола;
 Со и питор налөн эм нин —
 Изьюрморт... Көртморт тшөтш кывтө,
 Багатыр!
 Дзонь караванөн
 Локтө Югымортным гортас!
 Пыжъясас став сышысь йөзыс —
 Ён да мича удал зопъяс:
 Таритгола аньөс найө
 Колльөдөны!
 Парма пытшкын
 Юрөбтисны мыла шыяс —
 Сигудөк вылын өд ворсис
 Югыморт да голькйис-сьылис...
 «Тайө мый нө кылам, чойяс? —
 Чуймисны тадз пожөм-козъяс,
 Увтасінысь тусяпуяс —
 Миян вөрса сьылысьясным
 Татшөм сьылацъяс оз төдшы!»
 Төдтөм шыяс Ош дыр кывзис,
 Сәсся равөстис мый выпсьыс
 Вөр пасьтаис... Енветланьыс
 Лэптис ныр-вомсө руд Көин,
 Қутис омлявны зөв ёна...
 Повзис-весьөпөрис Көчиль —
 Шуйга вылө шыбитчылас,
 Веськыдвылө — йөймис: кутис
 Вөрса кушинъясөд Көчылд
 Кытшлавны...

Лөз Эжва весьтын
 Сигудоклөн мыла горон,
 Югидмортлөн ворсан сямон
 Еджыд-еджыд каля котыр
 Нимкодясис... Сомын налысь
 Нимкодясьбомнысö веніс
 Рака кравзөм... Сэки Райда
 Кыліс кравзөмтö да петіс
 Эжва берег вылö — вывлань
 Видзöдліс, лөз енвевтланьыс:
 Кырнышьяс да уна варыш
 Лэбалісны енвевт бердас!
 Вөрзис Райда аньлөн сьöлөм:
 «Эстөн, лыа пöкат саяс,
 Парма саяс, Югидмортöй
 Локтö татчö! Енмар-Енмöй,
 Югидмортöс окышта ме —
 Аддзыла сэк шудöс асьым,
 Сэсся кувны позяс лöня...» —
 Шыасис тадз вежа Райда
 Паськыд Эжва дорын лöня —
 Асья лысва кодъ жö синва
 Чужöмбан кузяыс лэччис...
 Сыкөд орччөн и Вөрморт тшöтш,
 Сьылысь-ворсысь, сувтіс... Ош-пи
 Сэтчö локтіс Туриморткөд...
 Верстьöяс и челядь посни
 Сюся видзöдісны водзлань:
 Кор нин Югидмортлөн пыжыс
 Петас лыа пöкат сайсьыс?
 Пестісны зэв ыджыд бипур
 Енлы кевманінын: Яур
 Вайис Енъяслы бур козин —
 Ыж да кукань...
 Пöрысь кыз пу
 Матын сулаліс дзик öтнас —
 Сійö увъяс вылын уна
 Öшаліс нин пемöс куыс!
 Яур сійö кыз пу улас
 Пукаліс да Енмар-Енлы
 Сиис аттьöалан кывъяс —
 Юрбитіс, öд Югидмортöс
 Енмар Джеджимö бөр вайис...
 Эжва дорö петөм войтыр

Чөв усина — пөкат сайсянь
Петіс пыж, а бөрсьыс сәсея
Мөд, да-й коймөд пыж нин петіс —
Югид быдса караванөн
Гортас, бать-мам дорас, воис;
Чужомъясыс төдчөны нин
Пыжас пукалысьясылөн!
Югидморт со пыжас сувтіс,
Багатыр Көртморт тиөтш!
Сән жө
Дуур-Кури-Таритгола,
Изьюрмортсө ордас кутіг,
Сувтіс пыжас... И Сибириыс
Накөд локтыс удад зонъяс
Пыжас сувталісны!..
Медводз
Эжва берег вылө пыжсянь
Югидмортным чеччис. Бөрсьыс —
Дуур-Кури-Таритгола
Петіс видзчысьмөн... Шызис
Найөс виччысьыс бур войтыр!
Югидмортлы голя вылас
Ошійс бөрдігтырйи Райда —
Дыр эз торйөдчыны найө!
Бөрдісны и накөд өтвыв
Верстьө йөз да посни войтыр,
Кодыр адзисны, кылз Райда
Кутлө бөрдігтырйи писө...
Яур Енлы кевманінсянь
Локтіс котөрөн да писө
Кутліс... Ачыс, быттө кага,
Бөрдіс-сыркъяліс, а Югид
Мам-батьсө зөв пөся кутліс,
Кинас Яур-князьлыс мыншө
Малыштис, а мамукыслыс
Кияссө да пельномъяссө
Окаліс... А коркө сәсея,
Сайкалыштөм бөрын, Югид
Таритгола, ассьыс гөтыр,
Накөд төдмөліс, да-й пинас.
Изьюрмортнас, ошійыс тиөтш —
Висьтасыс ас олөм йывсьыс...

«Комиморт, ме эг на ставсö
 Тайö Мирсьыс төдмав-велöд;
 Важся висьтъяс кывлі-тöдлі —
 Навись сьыланъясöс тэча,
 Быттьö югид, мича керка
 Кöсья лэптыны!..
 Но, дерт жö,
 Тайö уджсö помöдз вöчы
 Ме ог вермы — ыджыд вежөр,
 Ыджыд эбöс менам абу —
 Сöмын здук ме тайö Мирас,
 Югид, мича Мирас ола...
 Важся вöвлöмторъяс пиись
 Вуні унатор нин дзикöдз...
 А öд кывзывлі ме сюся
 Из-Урал да Щугөр бердса
 Сöдз ю борганъяслысь сёрни!
 Эг и этша синва кисьтлы
 Нöрысбердса шоръяс бокин!
 Корси быдлаысь ме важсö —
 Сыысь эськö сьёлöм бурмис;
 Пемöс-пöтка олöмысь ме,
 Налöн оласногысь, аддзи
 Ыджыд Вежөр!
 Шензи ёна
 Енлысь овмöс донъялігөн —
 Сэні дзими-дзурк быд пельöс!
 Асьсö Еисö кöть он аддзыв —
 Дзик быдлаын төдчö сьлөн
 Киподтуйыс!
 Дона челядь,
 Сьөн вöчöмторйөн нэмтö
 Нимкодьясьöй!
 А вөр-валысь
 Велöдчöй ті, кызди овны, —
 Любуйтчöй пыр сьлөн мичөн!»
 ...Югидмортлөн керка пытшкын
 Чöла пукалісны ёртъяс;
 Югидмортлысь сьылöм-ворсöм
 Найö кывзисны... А Югид
 Кутіс сигудöксö ордас,
 Сылысь вөрөдіс струнаяс.

Ылі муяс йылысь сьыліс;
 Кама, Обь да Тобол юяс
 Аслас сьыланкывйын Югыд
 Казьтыліс...
 И гōтыр йывсьыс,
 Таритгола йывсьыс, сьыліс.
 Эз и вунōд Изьюрмортсō:
 «Медводз Чердыньō ми воим...
 Сэн, Юсьморт ордын, Кōртмортным
 Толпазмортōс, тунōс, вермис —
 Ськōд вермасис да!
 Сэні
 Сигудōклōн ворсан сямōн
 Медводдзаысь шензьōді ме
 Чердыньсаясōс; сэн налы
 Сьылі мыла сьыланкывъяс
 Муса пармалысь...
 А сэсянь
 Колва кузя мунім-сынīm,
 Сэссия Кама юōд... Воим
 Из-Урал дорōдз;
 Сэн чōла
 Пōрысь чуграяс ми водзō
 Петкōдчисны... Енвевт бердын
 Кытшōн-кытшōн уна варыш
 Ләбалісны, енвевт бердсянь
 Найō кыйōдісны сюся
 Прōмыс: тар-ō, чож-ō, ур-ō
 Вōрзяс му вылас — сэк изйōн
 Варыш вувзыяс да сатшкō
 Лэчыд гыжъяссō!..
 Кōртморткōд
 Сэссия воим Кыштым карō;
 Сэні уджалім Чор-князьлы —
 Лунвыв муысь воīm йōзысь
 Тышын дорйим Чорлысь овмōс...
 Сэссия веськōдчим Сибирō,
 Некор карō... Бариткула
 Сийōн веськōдліс! Ок, ыджыд
 Сылōн овмōсыс да озыр!
 Сийб миянōс, кык ёртōс,
 Вердіс-юкталіс зэв бура,
 Сэссия корис: «Вына войтыр,
 Вай остякъясōс ті меным

Венны Обь кывтыдысь, ёртъяс,
Кыдзкӧ отсыштӧй!»
Князь Торӧс
Ыджыд тышын зырим-венім!
Локтім Бариткула ордӧ
Вермысьясӧп!
Ассьыс нывсӧ,
Таритголасӧ, ме сайӧ
Шуис сетпы Бариткула...
Миридолон багатырӧс
Сэн Кӧртмортным вермис-личкис
Сійӧс му бердас ёп тышын...
Сэні велӧдчи ме, ёртъяс,
Лыддыны Китайысь вайӧм
Важся небӧгъяс... И сэн жӧ
Куті гажтӧмтчыны мамысь,
Кӧсйи бӧр нин локны гортӧ —
Лӧбач Каленик тай сӧмын
Менӧ ӧлӧдіс: «Эн тәрмасы!
Джеджим нармаад бӧр мунны
Тэныд водз на, Югьдмортӧй;
Олышт вай тунгусъяс ордын
Гортад мунтӧдз!
Понъяс вылын
Енисей вылӧ ме локті —
Овмӧдчи тунгусъяс ордӧ...
Сар Тумиго авъя нывкӧд,
Фудьджи-Тари тункӧд, сэні
Тӧдмаси да во чӧж олі
Енисей дорас, а сӧсся
Бариткула ордӧ бара,
Некор карӧ, локті овны...
Ӧтчид шызис вӧрыс ставнас
Некор кар бердын! Зверь-пӧтка
Вӧрас шызисны тшӧтш... Кырныш
Лӧбис-локтіс Некор весьтӧ —
Шызьӧм вӧр-ваыскӧд ӧттшӧтш
Гортӧ кутіс менӧ корны...
Лӧдзис менӧ Бариткула!
Аскӧд нуӧді ме гортӧ
Таритголаӧс, да-й сьӧрысь
Изьюрмортӧс, пиӧс, босьті —
Став семьяӧн мӧді гортӧ,
Джеджим пармаӧ!

Көртморт тшөтш
Мекөд мөдөдчис; Сибириысь
Удал зонгяс...
Куим во чөж
Мунім-писькөдчим! И со тай —
Джеджим пармаын ме бара!
Мамөс, батыс да Вөрмортөс —
Ловлы медся муса йөзөс —
Бара аддзи!» — тадзи Югид
Висьтсө помалис.
Зэв ёна
Дивуйтчисны сылөи бать-мам
Сыланкывсө кывзөм бөрын...
Бөрдис любөысла Райда:
Быдтис сийө авъя пибс —
Ёнөс, мичабс да сюсьбс!
Шуис рыжөй тошка Яур:
«Муса пибй менам, Югид,
Ло тэ медыджыдпас тани —
Эжва бердса парма-муөи
Веськөдлы вай!
Тэсянь бокын,
Парма пытшкын, овны-вывны
Райда мамыдкөд ми кутам
Дзоля керкааным...
Видз тэ,
Югидмортөй, Биармия
И став парманымөс лөксъыс!»
Югидморт сэк Яур-князьлы
Вочавидзис: «Туримортөс
Ысті нин ме старшинаөи
Емва вылө... Явильмортөс —
Княжпогостө... А Көртмортным
Эжва вомө ассьыс йөзсө
Чукөртас! Ми сэсся сыкөд
Рочьясөс бөр зырам-вөтлам
Устюг вылө!» Кыдзи шуис —
Сидзи-й вөчис Югидмортыд.
Корис ёртгяссө да накөд
Мунис видзны Биармия...
Торъя керкаө князь Яур
Райда гөтырыскөд вуджис —
Найө овмөдчисны кыкөн
Парма пытшкө, йөзсянь бокө...

А Вөрморт, бур сьылысь-ворсысь,
 Кузь туй бёрын Висер вылө
 Сизью-Гётыр дорас воис —
 Пырис гортас, сигудөксө
 Стенас өшөдис...
 Рык Лэбач
 Гора юалис: «Ен-Енмар,
 Мый нин водзө ло?» Енмар
 Восьтө небөгсө да лыддьö:
 «Сё во мысти Биармия
 Бырö Му вывсыс... А Джеджим —
 Помтöм, югьд олөм олас!
 Биармияысь Роч котыр
 Устюг вылө Югьдмортыд
 Вөтлас — нималысь геройөн
 Гортас локтас!..
 Коркө сэсся
 Сылөн чужас-быдмас правнук —
 Явгыморт, туп, нимкыв төдысь.
 Сийö чужтас Югьдмортлы
 Правнукöс, Пансотник зонмös!
 Сы дырйи, Пансотник дырйи,
 Вежяс парманымлөн олөм!»
 Лэбач Рык зэв сюся-лөня
 Кывзис Енмар-Енлысь сёрни...

XXXVII

«Кымөр чиртөм енвевт шөрö,
 Помтöм Джеджим парма весьтö
 Петис Гундыр кодь гөрд кодзув —
 Биа, кузь да паськыд бöжа —
 Ыдждьд шог водзö, дерт, петис
 Сийö сөстөм енвевт шöрас...
 Джеджим пармаын бур войтыр
 Пöрысьмысны —
 Сьökьд Олөм
 Найöс талялис!
 Роч котыр
 Устюг вылө Югьдмортным
 Вөтлис, сэсся Джеджим гортас,
 Таритгола дінас, локтис...
 Райдалөн медичöt пиыс,

Майбырыс, сэк кості быдмис,
Гётрасис...

Да-й Изъюрморт нин
Быдмис, овмөдчис семьяөн;
Райда правнукъяссө ассыс
Быдтө-лелькуйтө да радлө...
Сөмын парма весьтө петөм
Гундыр юра-бөжа кодзув
Менө повзьөдлө зэв ёна —
Джеджим парманымөс коркө
Бдждыд шог на сулас!» — тадзи
Тун Вөрмортным кильчө вылас
Шогсис-мөвпаліс...

Вөрмортлөн

Лолыс весьшөрө эз жуглясь:
Кувсис нем виччысьтөг Оксор,
Биармия видзысь-дорйысь;
Та бөрын и вежа Райда
Кутіс нёрпавны... Князь Яур
Висьөм йывсьыс тун Вөрмортлы
Юөртіс да корис локны
Джеджим пармаө...

И петіс

Кузь туйө Вөрморт... Сук вөрті
Сійө келіс-муніс войнас;
Банйөм чужөмбана төлысь
Петіс — быттө пуяс костөд
Эзысь койыштіс, и лолыс
Сылысь-ворсысьлөн сэк шызис:
«Енмар-Ен, тэ быдтор верман,
Шань зэв сьөлөмнад и ловнад;
Тэныд эскөм шудысь кындзи,
Оз и ков Вөрмортлы немтор...
Голь да нартө сюрөм йөзөс
Медшөр дорйысьыс тэ, Енмар!
Быттө шонді, епэж шөрас
Аслад вежалунөн өзьян
Коран ставнымөс ас дінад,
Көсьян шудаясөн вөчшы...
Ловсө босьт Вөрмортлысь, Енмар,
Сьөрсьыд еневт вылө катөд —
Тэнад мичөн медым вермис
Лолөй нимкодясьны нэмсө!» —
Тадзи юрбитіс Вөрмортным

Парма шөрүн пидзёс вылас
Вежа Енмарлы...
А тóлысь
Кельыд зарнинас и водзё
Пожомъяслысь пашкыр юръяс
Югзьодіс да коз пуяслысь
Лапъяснысё меліаліс...

XXXVIII

Бджыд керка пытшкас Райда
Куйліс-висис, коньөр...
Яур
Шога пукаліс сы бокин.
Сылы ньөжйөнникөн Райда
Со мый вашкөдіс: «Шань верёс,
Регыд эшта — кыла матысь
Смертьлысь воськовъяссё...
Сöмын
Кокши сьёлём вылын меным:
Быдті внукъясёс да-й весиг
Адзылі на правнукъясёс!
Югыдмортным миян — эска!—
Джеджим парманымёс видзас:
Йёз пöвстын зэв сюсьөн кывсьё;
Изьюрмортным зэв жё авъя —
Пёрной мужичёйён лои!
Джеджим парма дорйысь уна
Татчёс олысьясысь сюрас...
Биармия, чужанёй,
Регыд бырö — сійёс видзны
Эбёс некодлөн оз тырмы:
Недыр кежлö Югыдмортным
Биармиянымёс мездін —
Бөр на бергөдчас став шогыс
Биармия!» — здук шойччис
Вежа Райда, сәсся водзё
Сёрни нуөдіс: «Ме збыльысь
Ассым помёс кыла: коркө,
Висьмытөдз на, ветлі вөрö
Вотны чөд... Кор бёрсё локті,
Пельпомъясөд менö пуяс
Кватлалісны — быттьö бёрсё,

Гортö, эз кöсйыны лэдзны,
 Быттö мекöд гуся сёрни
 Панпы кöсйисны. А регыд
 Со мый аддзи, Яур-князьöй:
 Нити вывтис, пуяс костöд,
 Мунис нывбаба да ворсис
 Чуньяснас... Ме сылы шуи:
 «Менö виччысьыштлы, аньöй!»
 Нывбабаыд сыли-вопи
 Синъяс водзын асья ру моз...
 Повзи нывбабасьыд: öдйö
 Гортлань уськöдчи да коркö
 Паськыд муяс вылö петі.
 Сэни паныдасис меным
 Ичмонь — муясылöн Енмыс!
 Пöлöзнича дзоридзьясөн
 Сылысь мичмöдöма паськöм,
 Шепъясөн да...
 Вежа аньыд
 Муртса петкöдчыліс меным,
 Сэся гыалысь ид пöвстö
 Дзебсис-саймовтчис...
 Кад, сідзкö,
 Меным кувны», — кывзис чöла
 Вежа гöтырсö князь Яур...
 Сійö здукö керка пытшкас
 Пырис Югыдморт, а ськöд
 Внукьяс-правнукьясыс ставöн
 Райдалөн!
 Сöдз нюмөн Райда
 Видзöдліс на вылö, сэся
 Куни синъясё да ланьтис...
 Сёрмис бурдöдчыны локны
 Туп Бөрмортыд: узис Райда
 Некор помасьлытöм унмөн...

XXXIX

Водтöдисны еджыд гортйö
 Райдаöс... Юр весьтас гортсö
 Розьöдисны, медым Райда
 Вермис аддзывны, кор кöсьяс,
 Вöльной светсö, Джеджим парма,

Олём-вылём йёзлысь — ставсё!
Гортъяс Райдалы выль пельис
Пуктисны, мед бать лов дорас
Вермис гортнас, быттё пыжён,
Модар югьдтіис кывтны —
Оксор сарлөн вежа лолыс
Сійёс паныдалас...

Нёшта

Уна шоньд мича паськём
Гортъяс пуктисны, мед Райда
Эз жё кынмы, гортнас кывтіг;
Пуктисны и сёян-юан!..
«Муса пиянөй, шань внукъяс —
Правнукъяс тшөтш!

Югьдмортөй,

Джеджим парма видзысь-дорйись,
Олөй ас костаныд бура,
Немтор абусьыс эн зыксёй —
Посни зэрысь, этша ваён
Энө кётасёй!

Быд кывйысь

Йёз вылө эн кутөй скөртө;

Ылі муысь воём йёзөс

Бурөн паныдалөй!

Пыдди

Пуктөй пöрысь йёзöс нэмтö —

Энө увтыртөй:

Быд мортöс

Колö радейтны!

Став мирсö

Зільөй тöдмавны! Важ Олём,
Важся вöвлөмторъяс-мойдъяс,

Важ былина-сьыланкывъяс

Энө вунөдөй — выль йёзлы,

Тіян бöрся локтысь йёзлы,

Висьталөй важ олём йылысь

Мича сьылангъясөн... Нэмтö

Радейтөй и Енмар-Енмөс;

Сылысь тшөктөм-велөдөмсö

Пыдди пуктөй, кывзөй сійёс!

Сійö велөдөмөн дыр на

Джеджим пармаын ті олад

Шудаа, сьöd шогъяс тöдтөг!» —

Тадзи бурсиис князь Яур,

Сэсся керка пытникас пырис,
Босьтис пөвторыяс да сэтчө
Оксор сарлөн вежа пывлысь,
Райдалысь, став олөм гижис...

СОДЕРЖАНИЕ

А. К. М и к у ш е в. КОМИ «КАЛЕВАЛА»	5
БИАРМИЯ. <i>Русский текст</i>	27
БИАРМИЯ. <i>Перевод на коми язык</i>	188

400р.

Литературно-художественное издание

Каллистрат Фалалеевич Жаков

БИАРМИЯ

КОМИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭПОС

На русском и коми языках

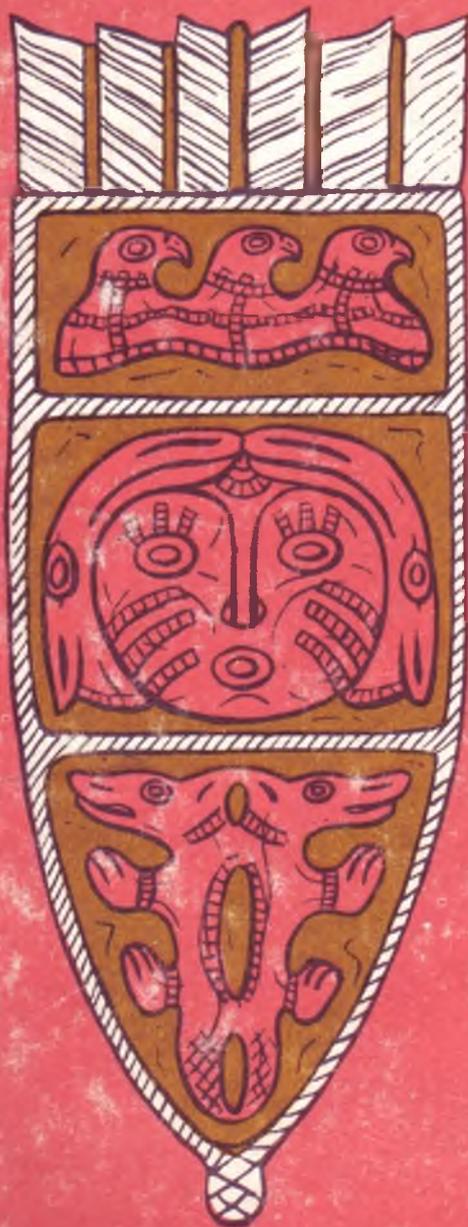
Редакторы П. М. Столповский, В. И. Трошева. Художник А. В. Мошев. Художественный редактор В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры Э. С. Грегер, М. М. Лужикова, Н. Ф. Габова.

ЛР № 010039

Сдано в набор 31.08.93. Подписано к печати 03.12.93. Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Бумага тип. №1. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 17,12. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 3100. Заказ № 4058.

Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.
АО «Коми республиканская типография». 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

КОМИ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993